

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА

№ 8 ФЕВРАЛЬ 1988

СЛУЖИМ
СОВЕТСКОМУ
СОЮЗУ!

КТО СПАСЕТ
НАРКОМАНА?

ВСТРЕЧА
С МАЭСТРО

ГРУЗИНСКИЙ МОТИВ СТАРОГО АРБАТА

86

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЕК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан

1 апреля

1923 года

№ 8 (3161)

20—27 ФЕВРАЛЯ

© Издательство «Правда», «Огонек», 1988.

Главный редактор

В. А. КОРОТИЧ.

Редакционная коллегия:

Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ,

В. В. ГЛОТОВ

(ответственный секретарь),

Л. Н. ГУЩИН

(первый заместитель главного редактора),

К. А. ЕЛЮТИН,

Н. А. ЗЛОБИН,

С. С. ЛЕСНЕВСКИЙ,

В. Д. НИКОЛАЕВ

(заместитель главного редактора),

Ю. В. НИКУЛИН,

А. Г. ПАНЧЕНКО,

А. Б. СТУКОВ,

С. Н. ФЕДОРОВ,

Ю. Д. ЧЕРНИЧЕНКО,

В. Б. ЧЕРНОВ,

В. Б. ЮМАШЕВ.

НА ПЕРВОЙ И ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦАХ ОБЛОЖЕК:

В грузинском торгово-культурном центре на Арбате. (См. в номере материал «Гамарджоба, или Добро пожаловать!».)

Фото Льва ШЕРСТЕННИКОВА

Оформление Н. П. КАЛУГИНА
при участии Т. А. НОВРУЗОВОЙ

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ ДО ПЕРВОГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИСНОГО МЕСЯЦА

Цена подписки на год — 20 руб. 76 коп.,

на полгода — 10 руб. 38 коп.,

на квартал — 5 руб. 19 коп.

Телефоны редакции: Секретариат — 212-22-19; Отделы: Публицистики — 212-21-88; Международный — 212-30-03; Литературы — 212-63-69; Искусства — 212-15-39; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Литературных приложений — 212-22-13.

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Сдано в набор 25.01.88. Подписано к печати 16.02.88. А 10316. Формат 70 x 108 $\frac{1}{4}$. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 770 000 экз. Заказ № 1907.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

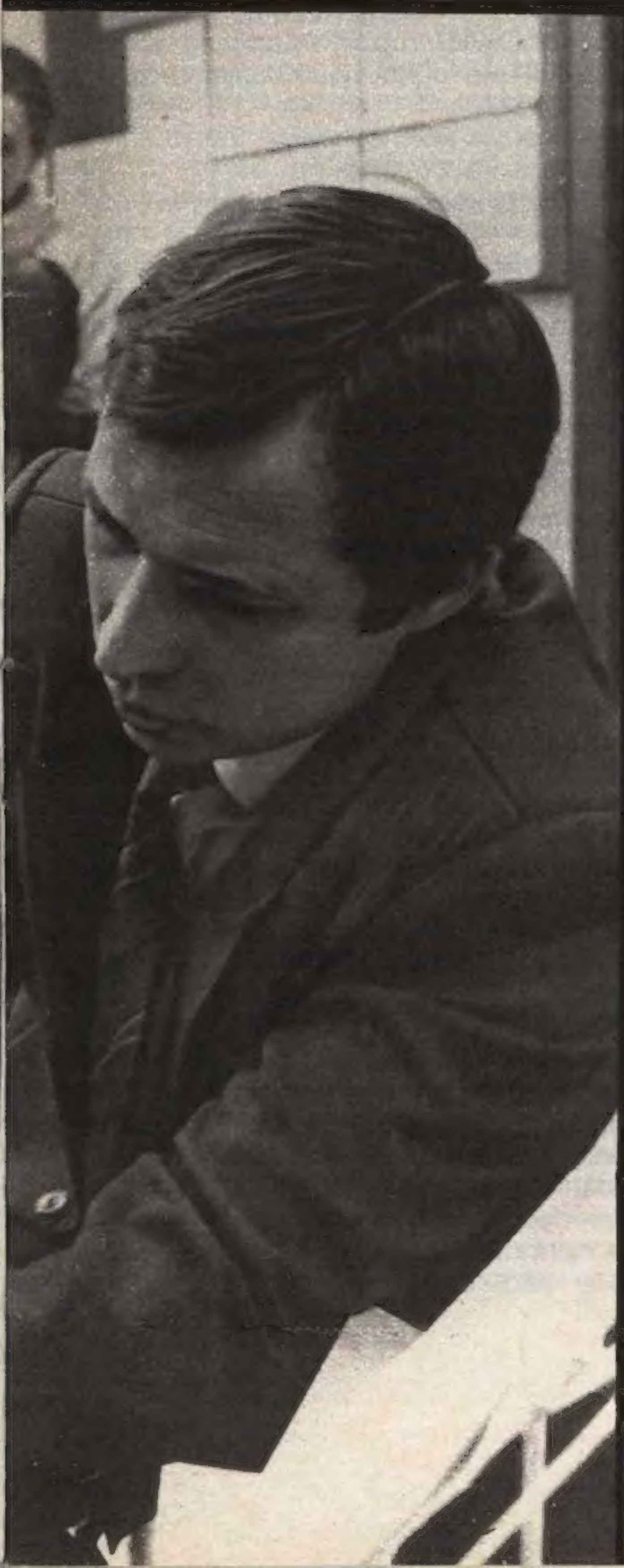
1988 ГОД, ФЕВРАЛЬ:
ЭПИЛОГ
ВМЕСТО
ПРЕДИСЛОВИЯ

Город Кедровый быстро удалялся, весь поместившись в иллюминаторе вертолета, — маленький белый прямоугольник среди темной щетины тайги. Угадывались кубики домов, косые стежки тропинок, стрелы строительных кранов над вершинами деревьев — и вот уже все слилось в снежном блеске, лишь светлый квадратик долго еще виднелся на однообразно стелющемся внизу таежном фоне. Но — странное дело — эта картина растворившегося в тайге пятачка жилья совсем не оставляла ощущения его заброшенности: наоборот, трудно было отделаться от назойливой мысли, что тайга уже перестала быть прежней тайгой, что белый пятачок Кедрового словно стал тем центром, вокруг которого медленно и незаметно начала раскручиваться вся эта бескрайняя ширь — такая же плоская, как грампластинка, и так же ограниченная круглой линией горизонта.

2

ГОДА И 20 ЛЕТ

• В. А. КУРБАТОВ:
КАЖДЫЙ ДЕНЬ —
НОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ.
ЗАБОТЫ.
РАЗГОВОРЫ...

• ДИРЕКТОР
ШКОЛЫ ИСКУССТВ
В. П. ДЛУГОВОЛЬСКИЙ
ВЕДЕТ ЗАНЯТИЯ.

ДНЕВНИК
РЕПОРТЕРА

Борис
СМИРНОВ,
Алексей
ГОСТЕВ (фото)

1968 ГОД: ГОРЬКАЯ ПАМЯТЬ

Вообще-то, честно говоря, идея создания нового города никогда не вызывала во мне искреннего энтузиазма, и лишь жесткие рамки конкретных редакционных заданий заставляли описывать «новые светлые кварталы, благоустроенные корпуса» и не замечать искореженной земли на многие километры вокруг, свалок из полупригодного строительного хлама, всего того затоптанного, загубленного, временно приспособленного, что у нас, к сожалению, всегда сопутствует новостройкам и на что никогда не полагалось обращать внимания. Пиши о хорошем,

а плохое со временем причешется, приглядится — не то за сосенкой бора не разглядишь! И мы писали, не скупясь на радужные краски, — писали о будущем, стыдливо умалчивая о настоящем, а о временных трудностях говорили как о каком-то необходимом, даже почетном испытании, лишь возмужавшем истинного первопродца.

Среди многих примеров особенно запомнился город Светлый. Печать тогда, в середине шестидесятых, просто захлебывалась от восторга, описывая дерзкий проект создания города газодобывателей среди тюменских болот: города со всеми удобствами, возведенного с выдумкой, с молодежным размахом, — от кафе, с которого начиналось все строительство, до троллейбусных линий в ближайшем будущем. И я ничуть не грешил против истины, когда писал об этих планах и о ребятах с горящими глазами, которые днем работали, как черти, а ночью в тесных прокуренных балках спорили о любви, о политике, о демократии — я это видел своими глазами, вместе с ними верил и, как они, старался не замечать болотной жижи, снабженческих «накладок», начальственных «неувязок». А потом даже название «город Светлый» исчезло со страниц печати, так и не появившись на картах: «Эксперимент не удался», — объясняли нам устно, а письменных, то есть печатных, объяснений никто и не ждал.

1986 ГОД: СНОВА НОВЫЙ ГОРОД?

Именно об этой истории вспомнил я два года назад, когда получил в редакции задание: поехать на юг Томской области и рассказать о начале строительства города нефтяников в тайге под названием «Кедровый».

Многое мне показалось тогда схожим и несхожим с впечатлениями двадцатилетней давности. Похожее — это такая же болотистая тайга, пусть не тюменская, а томская, такая же далекая и недоступная; и съехавшиеся сюда ребята, такие же разные, с непохожими судьбами, объединенные кто явной, кто затаенной мечтой — начать здесь жизнь сначала. А из непохожего главным было то, что областное начальство говорило о Кедровом не как о каком-то сомнительном эксперименте, а видело в этом факте концепцию: создать, не скупясь на затраты, хорошие бытовые условия для людей и на этой основе развивать производство, которое с лихвой те же затраты окупит.

1986 ГОД: ОСТОРОЖНЫЙ ОПТИМИЗМ.

...Повторять то, о чем уже когда-то написал, — занятие малоприятное. Добавлю только, что делал я тот материал о Кедровом с известной долей осторожности: как-никак сказывался собственный горький опыт «открытия городов».

А планы у создателей Кедрового были смелыми и неожиданными. Всю полноту власти решено было передать объединенному парткому, чтобы различные задачи — быт, производство, строительство, вопросы воспитания — не «воевали» бы друг с другом, как это обычно случается, а были естественными звеньями одной цепи. Партком возглавил энергичный, деятельный бывший первый секретарь обкома комсомола Валерий Афанасьевич Курбатов, его порывистость хорошо дополнялась (и даже в чем-то компенсировалась) точными, взвешенными решениями начальника нефтедобывающего управления Станислава Геннадьевича Каменского. Образовался как бы начальственный тандем, который дружно и уверенно покатило по неизведанному пути.

Мне даже показалось тогда, слишком уверенно: и Курбатов, и Каменский говорили о будущем Кедрового так, слов-

но никаких препятствий на пути уже и не предвидится. «Наш город будет первым в Сибири городом без временных вагончиков — балков, люди сразу получат жилье со всеми удобствами в пятиэтажных домах», — рассуждал Курбатов, называя точные цифры будущих жилых квадратных метров, подсчитывал, сколько младенцев появится на свет через год-другой. «Она не родила, но по расчету по моему должна родить», — шутил я тогда, вспоминая Грибоедова, но прикидки Курбатова все же себе записал. «И людей, и срочные грузы приходится доставлять сюда в основном по воздуху; вот построим аэродром для больших самолетов — и сразу станет легче», — вторил Курбатову Каменский, и я это тоже записывал, хотя в материале, кажется, такого факта не указал: построить так быстро аэродром на болоте — это уже слишком!

Но во все, что мне говорили тогда в Кедровом, просто нельзя было не поверить, потому что идея создания такого города представлялась не невысшенно-романтической, а экономически целесообразной.

60-е — 80-е ГОДЫ: ЕЩЕ НЕМНОГО ИСТОРИИ.

Здесь надо немного разобраться, что к чему. Когда в тюменской земле нашли моря нефти, все казалось простым и ясным: прежде всего надо как можно скорее выкачивать и нефть, и газ, а все остальное как-то само образуется. И образовались сотни крохотных поселков нефтяников и газодобывателей — разбросанных по непроходимой тайге, поселков из землянок, хибар и вагончиков, без элементарных удобств и с массами всевозможных бытовых сложностей. Считалось: плати людям побольше денег, и все стерпят. И людям ничего не оставалось делать, как халать у земли ее богатства — да как бы побыстрее, подешевле для себя и — подороже для государства. До Светлых ли городов при таком методе! И не нефтяники здесь виноваты, а та система, которая приучала их быть рвачами... Впрочем, обо всем этом уже не раз писалось, в том числе совсем недавно и в «Огоньке».

Но в этом гуле сначала восторженных, затем осуждающих высказываний прессы редко слышались голоса о «бедном» соседе богатой тюменской нефти — о месторождениях в Томской области. Эти нефтеносные районы и разведаны были позже тюменских, и оценки получили гораздо более скромные, и бытовало мнение, что нечего, мол, возиться с бедной томской нефтью, а надо побыстрее брать богатую тюменскую.

Страшно подумать, в каком положении оказалась бы сейчас наша страна, если бы мнение иных «спецов» воцарилось над здравым смыслом! Многие тюменские месторождения уже прошли свой «пик» и медленно, но неуклонно (к сожалению) снижают свою добычу. А томские месторождения, развиваясь во все эти годы вопреки пессимистическим прогнозам, окрикам и особым мнениям, сейчас столь же неуклонно наращивают мощности! Это говорится не для того, чтобы как-то «столкнуть» две области, — нет, столкнулись два способа ведения хозяйства, две концепции, и «томский метод», если можно его так назвать, оказался на высоте.

Но не следует думать, что у томичей все шло гладко и просто... Массу ошибок, свойственных прошедшим годам, вместил в себя заложенный двадцать лет назад город Стрежевой — первенец томской нефти. Его часто ставят в пример, когда речь идет об условиях жизни нефтяников Западной Сибири, хотя обошелся он, как говорится, в копейку со многими нулями. Но Стрежевой стоит на Оби — на мощной транспортной артерии, — а к большин-

ству других подземных «кладовых» болотистой и таежной Томской области зимой, ни летом надежных дорог нет. В этих районах стал применяться экспедиционно-вахтовый метод: где-то на Украине, в Татарии, в Казахстане формируются бригады, людей на больших самолетах доставляют в Томск, оттуда на маленьких самолетах и вертолетах — в таежные вахтовые поселки, оттуда автобусами или вертолетами — на буровые, а через пятнадцать дней напряженной бессменной работы люди теми же путями возвращаются обратно. Что и говорить, громоздкая система, неудобная и страшно дорогая, и трудно добиться высокой производительности от людей, большая часть сил которых уходит на переезды, пересадки, акклиматизацию, кочевые условия жизни и так далее.

Есть и еще один метод — вахтовый: за его усовершенствование, кстати сказать, томичи были удостоены Государственной премии СССР. Я убежден: любой человек, попав в вахтовый поселок Пионерный на реке Васюган, будет просто сражен тем, что здесь увидит. Три пятиэтажных спальных корпуса, соединенных в единый комплекс, с комфортабельными комнатами, с зимними садами, клубными комнатами, кафе, кинозалом, парикмахерской, библиотекой, спортзалом, дискотеккой; рядом — пекарня, столовые, баня, прачечные, гостиница — короче, надо своими глазами увидеть этот оазис удобства среди непроходимых болот, чтобы получить об этом чуде хотя бы приблизительное представление! А с другой стороны — почти четыре тысячи человек в поселке, и нет здесь ни одного ребенка, ни одного постоянно живущего здесь человека, потому что каждые пятнадцать дней все население Пионерного заменяется, разъезжается по своим дальним домам. И, как ни прекрасен этот вахтовый дом, все равно он — временный, и нет пока никакой надежды на то, что в этих гиблых болотах человек когда-нибудь сможет жить постоянно. А земля без корней — это даже не земля, а только лишь посадочная площадка... Вся эта предыстория лишь объясняет, почему город Кедровый можно сегодня считать высшей точкой томской концепции: он строится не для нефти, газа или других хозяйственных целей, а для человека. А если человек прирастет к земле, обживется, сочтет ее своею — значит, будут и нефть, и газ, и сельское хозяйство, и дороги, и прочие хозяйственные нужды разовьются — когда человек почувствует себя на земле настоящим хозяином.

Вот ради этого, выражаясь современным языком, комплексного подхода к проблеме восемь лет назад в Томском обкоме партии было принято соответствующее решение; потом в тайгу, в район села Пудино, надолго ушли изыскатели и, наконец, определили самое сухое, самое здоровое, самое красивое, самое экономически целесообразное место среди хвойного бора. В песчаную почву был забит первый колышек, и с него начался город Кедровый.

1988 ГОД, ЯНВАРЬ — ФЕВРАЛЬ: ГОРОД СБЫВШИХСЯ НАДЕЖД?

Прочитав в очередной газете несколько строк о том, что Кедровому официально присвоен статус города, я первое время не решался туда ехать — вдруг и эта затея с необычным городом провалится, смелые проекты окажутся прожектами... Нет, выходит, томичи держатся!

...Сам не знаю почему, но я испытывал какое-то волнение, когда подъезжал к Кедровому. Ведь был здесь целых два года назад, и всего-навсего несколько часов, а все же привязался... Может, потому, что, написав о Кедровом, тоже в какой-то мере «приложил к нему руку», — ведь многие се-

годняшние кедровчане, судя по письмам, приехали сюда благодаря «Огоньку». А город здорово изменился с тех пор, хотя остался почти что в прежних своих границах — километр на километр: но там, где была груда стройматериалов, теперь стоит клуб и сквер с огромными забавными снежными куклами; рядом со столовой появился двухэтажный детский сад, а дальше, где была тайга, — три красивых пятиэтажных корпуса. Стены окрашены подобранной в тон краской, в окнах за тонкими шторами угадываются люстры, тепло, уют — и я замечаю, как Курбатов, стоящий рядом, прямо-таки пышет на морозе гордостью за этот бытовой таежный пейзаж. Да, об этом надо было сказать сразу — Курбатов по-прежнему руководит здесь парткомом, и Каменский успешно возглавляет свое нефтепромысловое хозяйство, так что мне сравнивать двухгодичное прошлое с настоящим вдвойне легко и вдвойне приятно: обещания сбылись!

— Помните, нас фотографировали на этом самом месте и вокруг ничего не было? — ликует Курбатов. — Мы тогда догадывались, но все же плохо себе представляли, чего нам будет стоить возить сюда железобетонные конструкции за пятьсот километров, из Томска. А ведь дорога — зимник — только на два с половиной зимних месяца, и летом два месяца с огромным трудом протискиваем баржи по узенькой речке Чузик, и если хоть где-то в графике поставок происходит заминка, то планы всего года могут улететь в тартарары... И все же строим! Недавно принял первый тяжелый самолет на новой взлетно-посадочной полосе, достраиваем аэровокзал — вы, кажется, сомневались, что справимся?

— Валерий Афанасьевич, скажите честно: вы сами тогда, два года назад, верили в то, что мне говорили?

— Честно говоря — не очень. Были где-то внутри серьезные сомнения: ведь так до нас еще никто не строил, опыта никакого, учиться приходится на ходу. Мне ведь тридцать семь лет, Каменскому — сорок три, а средний возраст в нашем городе — двадцать три года.

— Как же вам все это удалось? — гнул я свою линию.

— Нам? Все зависит от того, что за этим словом. Представьте, что мы — это весь наш город и вся партийная организация области, и тогда все будет понятно.

— Так уж все помогают, никто палки в колеса не ставит?

— Есть, конечно, и больше, чем хотелось бы, — вздыхает Курбатов и мрачнеет. — Видите, вот еще корпус строится, а краны стоят. Ни одного панелевоза уже третий день. Дозвонились кое-как до диспетчера Главтомскстроя и узнали: наши панели ушли в Асино, на строительство такого же дома для работников мясокомбината... Мы, конечно, не против того, чтобы кто-то другой выполнял свои планы, но ведь до Асино из Томска прекрасное шоссе, а к нам чуть опоздал — и все, зимник растаял... Разве так можно работать?

— А если обратиться к начальству?

— В том-то и дело, что начальник Главтомскстроя Борис Алексеевич Мальцев — наш активный союзник, вместе с ним разработана напряженная программа завоза панелей по зимнику на этот год — более 65 тысяч тонн, на треть больше, чем в прошлом году, но ведь начальник главка за каждым своим панелевозом не уследит... Кстати, когда Мальцев к нам сюда приезжал, мы договорились о некоторой переделке панелевозов, и теперь конструкции прибывают к нам целыми, не портятся в дороге, а это большая проблема, вы знаете, в Стрежевом удавалось монтировать лишь один дом из трех комплектов конструкций... Или вот еще проблема — какие дома строить. Те пятиэтажки, что сейчас монтируются у нас, очень хороши — квартиры

удобные, теплые, просторные, но в каждой по 3 и по 2 комнаты, а у нас большинство молодых семей, им нужны однокомнатные квартиры, приходится иногда поселять в одну большую квартиру две семьи, а это очень плохо, но куда деваться? Присмотрели мы в Томске девятиэтажки семьдесят пятой серии — красивые такие, как корабли! Мальцеву удалось так переделать проект, что в тех же габаритах стало не по 4, а по 7 однокомнатных квартир на каждой лестничной клетке! Три первых таких дома будут у нас заложены уже в этом году, два из них до конца года должны уже сдать — и будет у нас в Кедровом полная палитра жилья: для холостых — деревянные общежития, для молодых семей — однокомнатные квартиры, для многодетных — шикарные двух- и трехкомнатные квартиры...

Он все такой же, Валерий Афанасьевич — быстрый, увлекающийся, с массой замыслов и планов. Но — странное дело: мне рассказывали, что поначалу с общих собраний Кедрового, где секретарь парткома развивал перед людьми свои грандиозные идеи, люди уходили хмурыми, со скептическими улыбками. Не верили... А ведь здесь в подавляющем большинстве молодые ребята! Как все же у нас обесценилось слово... Даже когда планы, о которых говорил Курбатов, стали сбываться, хмурых лиц вроде меньше не стало; каждому хочется уже сейчас, сегодня въехать в обещанную квартиру, а где это жилье взять — никого не волнует. Дай, дай, дай! Многодетным — дай, молодым специалистам — дай, приехал какой-то мастер своего дела — ищи ему срочно квартиру, иначе уедет, а в молодом городе, да еще таком удаленном, нужны очень квалифицированные мастера, нужны позарез...

Знакомая ситуация. Но здесь, в Кедровом, я как-то не чувствовал ожесточения в интонациях руководителей, когда речь заходила обо всех этих проблемах. Да, действительно нужно, да, люди хотят хорошо жить уже сегодня, давайте разбираться, что мы сможем сделать в каждом конкретном случае... Может, это и есть новый стиль руководства? Если это так, если я не ошибаюсь в своих впечатлениях — перед опытом Кедрового стоит снять шапку.

И еще одно впечатление, которое осталось от первого моего приезда сюда: здесь все планы, все подсчеты начинаются с детского вопроса. Я уже говорил, что Курбатов считает неродившихся детей на два года вперед... И все это без какой-то приторной слащавости (ах, дети, ах, для детей!), а с трезвым экономическим акцентом: «Если мы создадим прекрасные условия для детей, родители никуда уже не тронутся с места — некуда им деваться!» — считает Курбатов. «Некуда деваться» — это, кажется, его новое характерное выражение, которое он приобрел за эти годы. Надо строить — деваться некуда! Надо доставать — деваться некуда! Надо крутиться, надо изыскивать возможности... Что же, для партийного вожака — совсем неплохая присказка!

1988 ГОД, ФЕВРАЛЬ: ИСТОРИЯ — ЭТО СЕГОДНЯШНИЙ ДЕНЬ!

Так вот, о детях: первооснова в заботе о них стала, если можно так сказать, внутренней концепцией Кедрового. Еще ничего здесь не было; а уже строился первый детский сад — сначала временный, потом капитальный, и сейчас, на мой взгляд, он бы украсил и любой областной центр, а то и столицу. Едва ли не первыми из специалистов приехали в Кедровый детские воспитатели и учителя. Сегодняшняя школа в Кедровом — это прекрасный сборный финский комплекс со всем необходимым школьным оборудованием, со спортзалом и со спальными комнатами для

шестилеток, а Курбатов ведет меня мимо и показывает на огромный четырехэтажный корпус, аккуратно врезанный в сосновый бор: «В сентябре в эту школу должны войти дети». Все надежды связаны с этой школой: в ней будут и первый в Кедровом бассейн с настоящими спортивными дорожками, и настоящий концертный зал, куда не стыдно будет пригласить любых артистов, и вообще школа мыслится здесь как городской общественный центр.

— Конечно, лучше было бы построить две-три небольшие школы, наука утверждает, что в маленькой школе воспитательный процесс проходит успешнее; но для нас большая школа — пока что единственный выход, — считает Курбатов. — Зато строим с перспективой, на несколько лет вперед у нас проблема: с учебной площадью будет снята, а для городов нефтяников школьная перенаселенность — неразрешимый вопрос! А у нас весь четвертый этаж пока остается свободным, мы отдаем его внеклассной работе, и школе искусств — она уже есть в Кедровом! Там же разместим музей нашего города...

— Музей? — удивился я. — Ведь город лишь только создан!

— А что? Самое время! — возразил Курбатов. — Время проходит быстро, многое забывается...

Да, он прав, это очень мудрое решение — уже сейчас думать о музее. Я в который раз подивился прозорливости Валерия Афанасьевича — это же великолепное средство уже сейчас пробудить в юных кедровчанах нотки патриотизма! Ребята, собирая факты из истории города, сразу начнут смотреть на все вокруг себя другими глазами, оценивать происходящее, привьется вкус к исследованию, к истории... Да, музей будет настоящей школой самовоспитания!

Вообще, мне кажется — позволю себе лирическое отступление, — мы еще не научились как следует обращаться со своей собственной историей, с этим богатством, которого у нас, слава богу, более чем достаточно. Да, история у нас есть, а мы ее то начисто забываем, то судорожно перекраиваем, то пытаемся превратить ее в выгодный капитал... Лишь в чистых и честных руках исторический факт становится подлинным капиталом гуманизма. Здесь же, в Томской области, я побывал в любопытном музее, что появился недавно в селе Ново-Кусково. Небольшая деревенская изба, скромная утварь, книги на простенках полках... В них, в книгах, — главный смысл музея: одни в этом доме читались, другие в этом доме написаны, третьи сами повествуют об этом доме... Мне объяснили: здесь первый и пока единственный в области литературный музей, который создали сибиряки в память о жившей в этом доме семье земляков-просветителей. Фамилия бывших хозяев дома широко известна в нашей стране благодаря одному из сыновей — советскому писателю Г. М. Маркову. Так вот, земляки восстановили разрушенный дом, собрали экспонаты, книги, подаренные известному писателю, организовали экскурсионный цикл — и в некогда глухом таежном селе возник своеобразный культурный центр... Может, со временем вот так же и в Кедровый будут приезжать экскурсанты знакомиться с историей нефтяного края?

...Да, вернемся в Кедровый. Я говорил, что Курбатов провел меня мимо школы, но эти слова не следует воспринимать буквально: мимо школы в Кедровом никак не пройдешь. И если главной внутренней концепцией города мы договорились считать заботу о детях, то не менее главным можно определить и такое направление: концентрация в молодом городе интеллектуальных сил. А откуда же начинать, как не со школы!

1988 ГОД, ФЕВРАЛЬ. ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЕ НАСТУПЛЕНИЕ

...Мы сидим в кабинете директора Вячеслава Николаевича Пугачева. Здесь тепло, а на улице сегодня — мороз за тридцать, и не верится, что вот эта тоненькая стенка способна выдерживать натиск сибирских морозов — молодцы финны, умеют строить! За окном, в белом оцепенении — близкая тайга, вот гусеничный тягач проскочил по дороге, подняв за собой снежное облако... Каково-то жить здесь, в глуши, в ограниченном пространстве маленького населенного пункта, человеку с разнообразными интеллектуальными запросами, с аналитическим подходом к каждому явлению жизни, с необходимостью постоянно общаться с близкими по духу людьми? Прямо чеховская тема...

Вячеслав Николаевич — опытный преподаватель с физико-математическим образованием, директорствовал, руководил райотделом народного образования, окончил институт усовершенствования. И вот теперь — в этой таежной школе...

— Были идеи — а так с чего бы я сюда поехал? — объясняет директор. — К тому моменту, когда меня нашел Валерий Афанасьевич, я уже давно созрел для такой вот самостоятельной работы. Вы знаете, в условиях большого культурного центра все же чувствуешь свою зависимость от внешних обстоятельств, и экспериментировать в больших городах нам, педагогам, не всегда целесообразно. В суете толпы до человека не достучишься... А сейчас так много новых идей, все интересно, все хочется попробовать, проверить самому. Пусть даже начать с нуля, ошибаться, искать — разве это не прекрасно?

Да, это серьезно — когда слышишь такие слова не от юноши, а от умудренного опытом человека. Перестройка мышления — очень реальная и заманчивая вещь, спасибо за это времени...

— Вы представляете — живем в лесу, а на лыжах никто не катается! Я уверен, через детей мы сможем расшевелить и взрослых — попробовать их как-то оторвать от материальных забот, создать в городе какой-то интеллектуальный фон... Ведь люди сюда съезжаются непростые, многие ищут в глуши убежища от жизненных неудач. А глушь — понятие географическое, да и то в наше время условное. И я уверен, что именно здесь, в маленьком новом городке, легче разбудить в человеке личность...

Я киваю головой, а сам все время вспоминаю вчерашний разговор. Это было в квартире Длуговольских — у директора школы искусств Виктора Павловича и его жены, преподавателя Людмилы Федоровны. Мы сидели в полупустой квартире, из всей обстановки выделялся лишь большой книжный стеллаж. В прихожей стоял верстак со столешницей инструментами, в углу я заметил стенку-тренажер, гантели. Дети неслышно занимались чем-то в соседней комнате. А хозяйка — два педагога с консерваторским образованием — горячо развивали перед гостем примерно те же самые идеи: надо стремиться работать самостоятельно, столько накопилось идей для проверки жизнью, как хорошо, что нашелся, наконец, город, где руководство во всем помогает и поддерживает искусство...

— Уже несколько месяцев в этой квартире живем, а все никак не найдем времени переехать сюда как следует, взяли вот с собой самое необходимое, — пояснил Виктор Павлович, заметив мой скользнувший по стенам взгляд. — Мы ведь сами этот дом достраивали, отделяли квартиру — так в Кедровом заведено. Зато теперь — свой город, кругом свои люди. Все друг к другу осторожно присматриваются, оценивают. Я бегаю по утрам сам и де-

тей приучил бегать, возвращаемся в дом по снегу босиком. Конечно, тут же сложилось общественное мнение: чокнутые! А теперь смотрю — уже появляются на дорожке бегуны. Робко еще...

— С тех пор, как мы окончили Ленинградскую консерваторию, мечтаем завести свое «педагогическое дело», — смеясь, добавляет Людмила Федоровна. — Педагогический стаж теперь солидный — по два десятка лет. А школа искусств позволяет очень многое сделать. У Виктора «конек» — изучение методик, ему хочется создать из них какой-то сплав... Когда начали здесь работать, сразу заметили особенность у детей: они какие-то... как замороженные! Многие с родителями часто переезжали с места на место, да и вообще Север неизбежно накладывает на психику свой отпечаток. С чего нам начинать? И мы решили поставить оперу-сказку! Взглянуть со стороны — это безумие: никакой подготовленности у детей, никакого реквизита, условия сложные... И, знаете, кажется, получилось! Весь Кедровый жил этим событием. И родители старались чем-то помочь, а уж нам пришлось все знания, весь опыт в эту оперу вложить... Приехали ваши собраты — журналисты. Первый вопрос: костюмы хорошие? Плохие? Тогда извините... А мы эти костюмы вместе с родителями и самими ребятами из простыней шили, сами же красили, декорации из бумаги мастерили. Понимаете, нам нужно было найти общее дело, опера — только предлог...

— Зато теперь ребята потянулись к музыке, к хореографии, почувствовали вкус к сцене, а это очень сильно влияет на самосознание, — продолжает Виктор Павлович. — А учить их надо всему — умению двигаться, ходить, говорить, понимать, чувствовать... Здесь стандартную методику применять бессмысленно. Мы решили, например, уже с первого класса вести предмет «Основы актерского мастерства», есть мысли на этот счет, но областное начальство запрещает: положено только с пятого класса! А ведь наш город — еще не город, здесь нет пока спорта, здесь нечего делать вечерами, и школе искусств нужна особая, индивидуальная программа занятий. Есть свои особенности преподавания гармонии, ритмики — я хотел бы, например, совместить с ритмикой такой предмет, как «Игры народов СССР». Ведь у нас дети теперь совершенно не знают никаких игр! Тут же окрик из Томска: вы что выдумываете, такого предмета нигде не значится! Да я ведь его на общественных началах хочу вести, у меня много литературы подобрано... Нет, нельзя! Хочу преподавать культуру поведения — областное начальство опять не согласно: этому учат только в консерваториях! Люда могла бы учить вышивке, но ей запрещают: нужна «корочка» об окончании курсов, а то, что у нее два диплома об окончании музыкальных школ, консерваторское образование, — для них значения не имеет! За все это мы денег для себя не просим, не за деньгами мы сюда приехали...

1988 ГОД: «НЕ ЗА ДЕНЬГАМИ МЫ СЮДА ПРИЕХАЛИ...»

Этими словами, вроде бы случайно промелькнувшими в разговоре, можно и закончить рассказ о самом молодом в Сибири и во всей стране городе Кедровом. Хорошо, что он все-таки появился, этот город сегодняшнего дня, где кто-то видит возможность осуществить свои идеи, где можно проверить свои силы, где удалось за два года сделать то, чего не могли добиться двадцать лет назад... Маленькая, крошечная точка на карте страны.

ЭСПЕРАНТО В КРАСНОЙ АРМИИ «ОСОБОЕ МНЕНИЕ» НАРОДНОГО ЗАСЕДАТЕЛЯ ЗАЧЕМ КОЗА СИДИТ НА ДЕРЕВЕ?

По телевидению 21—22 января был показан фильм «Горестный январь двадцать четвертого». Фильм не только взволновал, фильм потряс меня! Смотрел его и говорил себе: «Держись, ты же мужчина». И не мог сдержаться, слезы текли сами. Такие потрясающие кадры истинно всенародного горя!

Однако целых шестьдесят лет мы не видели этих кадров. Шестьдесят лет! Это же целая жизнь. Ну, ладно, при Сталине не было возможности их показать: в киноленте много людей, которые по его вине впоследствии были репрессированы, объявлены врагами народа, шпионами иностранных разведок и т. д. Но ведь после смерти Сталина прошло 35 лет. Кто виноват, что мы не знаем собственной истории?

Первоначально на 22 января по первой программе была запланирована кинокомедия «Свадьба в Малиновке». До кого-то, очевидно, дошло, что в этот день, мягко выражаясь, этот фильм показывать неуместно. Поменяли программу, повторив фильм о похоронах Ильича. Правильно сделали.

В. П. ПЕРМЯКОВ
Пермь

Прочитали мы с мамой письмо Г. Львова («Огонек» № 2) о необходимости уменьшения процента алиментов с зарплаты, и стало нам грустно. Такое оно жалостливое, что от сочувствия хочется плакать.

Мне 19 лет. Живем мы с мамой вдвоем. 17 лет получали с бывшего моего родителя 25 процентов алиментов, что составляло не более 25 рублей в месяц. Но это была максимальная сумма, которой мы довольствовались редко и которая могла упасть до 10 рублей и ниже, в зависимости от вдохновенного производительного труда моего бывшего папы. Последние юбилейные алименты пришли в сумме 6 рублей 25 копеек. Действительно, может быть, стоит войти в положение «двуязычных мужиков», как пишет Г. Львов, и облегчить их «тяжелую» участь, снизив алименты до 16,5 процента зарплаты?..

О. ЮРЬЕВА
Волгоград

У меня есть старейший друг, ему 93 года, красный латышский стрелок, член КПСС с 1919 года, кавалер многих боевых и трудовых наград. Он мой соратник по боям на Ленинградском фронте и за освобождение Прибалтики. Бывая в Риге, я всегда навещаю его, Кришьяна Юрьевича Жубите. А не так давно он мне рассказал историю, которая, мне кажется, вызовет интерес у читателей «Огонька».

Было это во время гражданской войны. После разгрома Врангеля в Крыму полк имени Степана Разина 25-й Чапаевской дивизии, комиссаром которого был Жубите, отправили на отдых и дислокацию в районе Николаева. В то время существовало глубокое убеждение о грядущей мировой революции и о необходимой международной помощи в случае восстания пролетариата в европей-

ских странах. Встал вопрос, на каком языке бойцы Красной Армии будут общаться с народами Западной Европы. И вот в 1921 году приказом по армии, в которую входила 25-я дивизия, было предписано всему личному составу изучать язык эсперанто под ответственность комиссаров частей. Комиссар Жубите получил учебник эсперанто и начал занятия. Обучаемая им группа красноармейцев состояла из сорока человек. Цель — научить разговорному языку. Уроки продолжались до 1923 года. Отстающих и неуспевающих не было. Эсперанто отлично усваивался красноармейцами, учили язык с большой охотой, и будь занятия не по два часа в неделю, а по четыре, через год весь полк бы говорил на эсперанто. А в 23-м году Жубите был направлен на высшие командные курсы и расстался с полком. О дальнейшей судьбе эсперанто в Красной Армии он, к сожалению, больше ничего не слышал. Вот такой интересный факт из истории эсперанто и Красной Армии.

Л. А. ГОРЕЛОВСКИЙ
Даугавпилс

Написать, рассказать, поделиться своим счастьем хотелось давно, не хватало решительности, потому что тогда придется описать и свое черное, страшное прошлое...

Я бывшая больная алкоголизмом. Лечилась четыре раза в стационаре, а амбулаторно — трудно сосчитать сколько раз. Как жила, страшно вспомнить. Иногда были мысли: не покончить ли с собой? — потому что все усилия выкарабкаться из того позорного положения, в каком находилась, не давали результатов. Очень хотелось наладить жизнь — не получалось. Время трезвости все сокращалось, время запоев все увеличивалось. Выхода не видела. Работала уже посудомойкой, хотя был окончен техникум и несколько лет до этого я работала инженером. Всем существом своим понимала, что наступает крах жизни, крах мне как личности, собственно, он уже наступил, только мне самой с этим не хотелось соглашаться. Поест, попить, да неотступная мысль: «Только бы не сорваться». Я перестала общаться с людьми, мне казалось, что все смотрят на меня с осуждением, что у каждого немой вопрос: как можно докатиться до этого?!

Вот в таком тяжелом состоянии я и попала на амбулаторное лечение в шестое отделение шестой психиатрической больницы.

На комиссии мне сказали, что они помогут мне стать снова нормальным, жизнерадостным, здоровым человеком. Метод, которым меня будут лечить, новый, он заключается в педагогике, и первое время мне необходимо приходить каждый вечер. Спросили: согласна ли я лечиться? Не скрою, в то время, если бы мне предложили разрезать меня на кусочки и собрать снова при условии выздоровления, я бы и то согласилась!

Надежда! Она появилась сразу. Оказалось, болезнь в нас самих, только работа над собой может принести результат. Пересмотреть себя, свое нутро, свою душу — вытянуть оттуда всю пошлость, высокомерие, недоверие к людям. Наладить снова контакт с миром, со

всеми окружающими тебя близкими, родными и просто незнакомыми людьми.

Я поступила в институт, это не единственный случай, в прошлом году из бывших больных поступило двое, в этом — трое. Почти у всех у нас наладились семейные отношения. У тех, кто и друзей настоящих не имел в прежней жизни, появились семьи, дружные, любящие.

Большое человеческое спасибо людям, удивительным врачам, которые вернули мне веру в себя, дали возможность понять и изменить саму жизнь, до того такую страшную, да и не нужную никому... Дали возможность по-новому почувствовать вкус к жизни, ее великий смысл — приносить радость людям!

Н. А. ПУЩИНА
Ленинградская область

В последнее время «Огонек» печатает статьи и письма на темы, которых раньше никто и никогда не касался. Я имею в виду голод на Украине и так называемые перегибы при коллективизации. Вижу также, какое жестокое озлобление вызывают эти публикации у тех, кто хотел бы опять повернуть все вспять, кто хотел бы скрыть правду о том времени.

В 1929 году зимой нас раскулачили, хотя никаких излишков не было, еле-еле хватало, чтобы прокормить нашу большую семью. Отца с нами не было, в то время он работал в Средней Азии, строил оросительные установки. Все отобрали: посуду, мебель, пожитки, валенки сняли прямо с бабушки, даже из люльки, где лежала маленькая Фрося, сестренка, вытащили мамину шаль и одеяльце. Короткое время мы жили на чужой кухне, а затем нас выслали. До сих пор вижу этот день: зима, мороз, мне семь лет, братьям-сестрам — кому больше, кому меньше, нас шестеро детей, мы идем 15 километров на станцию Курган...

Бабушка Аня и Фрося умерли на чужой кухне. В Кургане несколько дней мы жили под открытым небом, нас много было на этой земле, раскулаченных, ни медиков, ни столовой, никакого благоустройства. Потом подошел состав из «телячьих» вагонов и нас погрузили. По дороге люди умирали. Конвоиры приносили на остановках, проверяли, не сбежал ли кто.

Наконец привезли нас в казарму, нам дали нижние нары, поскольку семья наша большая. Мать работала без выходных, да еще ночью ее заставляли сторожить кирпич. Она не выдержала, заболела, утром ушла в больницу и через три дня умерла — менингит. Через две недели после мамы умерла Маня, а нас увезли из барака в детский дом. Голод был страшный. Просили мы повара чаю, горбушку хлеба, но где она возьмет? Вскоре у меня поплыло все перед глазами, увезли в больницу, где я пролежала до весны. Пока там была, умер наш брат Леня. Я еле ходила, затем опять заболела малярией и желтухой, — истощение. Выбиралась в тайгу за клюквой, брусникой, ела щавель, полевой лук, все-таки выжила. В 1937 году нас увезут из голодного края в Ирбит, где я буду жить в интернате № 8, и номер мой будет 883.

Потом наступит война, я пойду

работать на стройку в Ирбите, потом уеду в Курган, там на оборонном заводе внесу и свой посильный вклад в Победу.

Почему я все это пишу? Потому что мне становится страшно только от одной мысли, что противники перестройки и гласности могут взять верх. Узнавая правду о том времени, мы все вместе сможем отстоять сегодняшние завоевания.

Н. К. МОЧАЛОВА,
пенсионерка
Курган

Что за халтуру вы предложили читателям в № 1 — календарь на новый год?! Утка несет змею, а она может унести только червя. Коза залезла на дерево, такого не бывает, козы только облаживают ветки, которые низко растут. Рыба, к вашему сведению, так близко по воде не ходит. А что жарится на сковороде — яичница или цветы? Курица снесла яйца прямо на лугу, да и гребень у нее петушиный. Свинья любит валяться в грязи, а не в речной воде. Что за ягоды — клюква, брусника? Что это — чудеса, чепуха, халтура?

Постоянные ваши читатели
Б. А. и Е. Г. ШУМИЛИНЫ
Москва

День рождения. За столом сидят порядочные люди: врачи, учителя, инженеры, научные работники, многие из них коммунисты. Вначале выпили по рюмке шампанского, а потом стали пить самогонку. Я смотрю на них, и мне стыдно за них и за себя. Хозяину-имениннику 60 лет. Вот уже сорок лет к нему на день рождения без приглашения приходят человек 25—30 друзей. Приносят цветы и скромные подарки. Раньше ко дню рождения он покупал хорошее вино, немного водки. А теперь хозяин вынужден варить самогон, собиравать его лимонными корками.

А что делать гостям? Отказаться пить и этим поставить в неудобное положение хозяина? А мне что делать? Я шампанское, вино — ничего не пью. Позвонить по телефону и вызвать милицию? Глупо... И я, ветеран партии, становлюсь молчаливым свидетелем этого преступления... Мне стыдно, я молчу.

Парадокс. Борясь против алкоголизма, мы наблюдаем, как миллионы порядочных людей пьют самогон. Мы одобряем и поддерживаем борьбу партии и правительства за трезвый образ жизни. Но если мы сегодня зашли в такой тупик, нужно признаться в этом — это первое, и второе — подумать: что же нам всем делать дальше?..

Г. Ф. БАЛАБАНОВ
Киев

Прочтя отрывки писем граждан в № 49 («По законам мирного времени»), в которых излагаются мнения по поводу исключительной меры наказания, решил высказать и свою точку зрения.

Я — рецидивист. Специфические особенности лагерной жизни для меня с малолетства привычны. Но

не согласен с выраженным в письмах мнением, что будто бы длительное нахождение человека в колонии приводит к омертвлению души или деградации личности. Если это и происходит, то лишь с той небольшой частью слабодушных осужденных, которые лишены всякого контроля над собой и не способны противостоять малоприятным и внешне властвующим условиям исправительно-трудовых учреждений.

Теперь о высшей мере. Мне кажется, отмена смертной казни может способствовать увеличению преступлений дерзостных и жестоких. Признаюсь, что в последний раз, находясь на свободе, я хотел осуществить ограбление и, кажется, имел для этой цели все возможности. Но осознание того, что в случае провала меня расстреляют за это преступление, удержало меня от подобного умысла. В этом смысле существование угрозы смертной казни с точки зрения профилактики является сдерживающим фактором. Поверьте, это вам говорю я, преступник.

С. АБДИРАИМОВ
Чимкент

Перестройку, коренные изменения в системе хозяйственного механизма страны горячо поддерживает подавляющее число трудящихся. Однако великому начинанию очень мешает то, что руководители и чиновники, проштрафившиеся на одном месте, немедленно перемещаются на аналогичное другое, тоже номенклатурное. Круговая порука на местах, увы, не изжита.

Необходим закон о том, чтобы проштрафившийся чин не мог быть руководителем по меньшей мере года три, а должен бы отработать на производстве и обязательно в той местности, где он проштрафился. Для многих труд на той же ферме или в цехе был бы ни с чем не сравнимым воспитанием. Представим себе, к примеру, председателя райисполкома доярком или слесарем в том же районе, который он провалил и где отгрохал особняк, и т.д. Поучительно для всех, полезно для государства и для наказанного.

Без подобных мер, широчайшей и притом строго гарантированной гласности перестройка может превратиться в очередную кампанию, которых было уже достаточно.

В. В. СТАБНИКОВ,
инженер-строитель
госплемптицезавода
Пачелма
Пензенской области

Недоумение и протест вызвала практически негласно осуществленная отмена студенческих льгот на самолетах Аэрофлота. Чем она объясняется? Почему Министерство гражданской авиации решило поправить свои дела за счет малоимущего студенчества?

Кстати, берем под сомнение утверждение о финансовых затруднениях Аэрофлота. Если, как признавал в одной из центральных газет министр гражданской авиации тов. Волков, взлет самолета становится рентабельным уже при 55 процентах заполненности салона пассажирами и если учесть еще всяческую экономию на комфорте и сервисе в аэропортах и авиакреслах, то можно предположить, что отмена льгот не является жизненно необходимым, последним средством, от которого зависит существование Аэрофлота.

Откровенно признаемся, давно хотели написать по поводу практически реальной ненужности бывших уже льгот, которые имели свое дей-

ствие в период учебы, когда студенты, естественно, учатся, а не летают на самолетах, и не действовали во время летних каникул. Руководство Аэрофлота, видимо, осознало это и отменило их вовсе, даже тот положительный минимум, который несли эти льготы на время зимних каникул, исчез.

В этой отмене есть такая особенность: сила, с которой она ударяет, пропорциональна расстоянию, на которое студенты удалены от родного дома. Иными словами, наиболее чувствительно она бьет по студентам, для которых самолет является единственно приемлемым видом транспорта. Один из нас живет в Ленинграде, родные — в Приморском крае. В этом году приезд на родину для него является собой непозволительную роскошь, что очень печально. Примерно такие же чувства у всех сибиряков и дальневосточников.

Но не это главное.

В наше время, время светлых преобразований и начинаний, обидно замечать пренебрежительное отношение к этой стороне студенческой жизни. Конечно, льготы Аэрофлота — лишь малая, отдельно стоящая часть огромной заботы государства, но их возвращение нашло бы самый широкий отклик в студенческой среде и было бы высоко оценено.

Р. ПИЛЮГИН,
А. ГОЛУБЕНКО,
Л. СТАРКОВА,
студенты Ленинградского
государственного
университета,
всего 230 подписей

Ваш журнал много и разнообразно пишет о проблемах правовой защиты, вопросах деятельности судов, адвокатуры и т.д. Я по специальности инженер-строитель, много лет тружусь.

Решила поделиться с вами, потому что уже пятнадцать лет являюсь народным заседателем Мурманского областного суда. 10 лет я не принимала активного участия в разбирательстве судебных дел, хотя много раз в мыслях не была согласна с председательствующим в отношении приговора. Для меня судья был непрерываемым авторитетом. Да и судья смотрел на нас, заседателей, так... Вроде, что мы можем смыслить? В общем, подавлял своими знаниями, положением, авторитетом.

Но последние пять лет, не в силах смотреть на формальные и бездушные выводы судьи, я стала принципиально отстаивать свою точку зрения. Вот, например, слушалось судебное дело в отношении капитана флота, который просидел в КПЗ восемь месяцев, будучи оклеветан. Следствие было произведено на удивление предвзято, концы с концами не сходились. А судья, вместо того чтобы отправить дело на исследование, принял его для разбирательства. Суд откладывался много раз, так как клеветник не являлся в суд, а капитан по-прежнему был лишен свободы. Наконец, я не выдержала и потребовала, чтобы суд прекратил и послал дело для повторного исследования, а капитана освободили из КПЗ. Второй заседатель также поддержал меня. Судья поспешил к председателю суда советовать, а, возвратившись, со мной больше не разговаривал. Суд прекратили, но в повторном разбирательстве обошлись без меня, пригласили более податливых заседателей.

Были и другие судебные заседания, на которых я писала свое «особое мнение». И каждый раз после этого сталкивалась с откровенно негативным отношением ко мне со стороны судебных работников. Но хорошо —

это я, опытный народный заседатель, имею высшее образование, большой жизненный опыт. А вот представьте, сидит заседатель еще неопытный, как он может выразить свое несогласие с авторитетом судьи? Такое положение не только в нашем областном суде. Мне кажется, в нашей судебной практике необходима серьезная перестройка.

Г. И. СТАДНИК
Мурманск

Недавно прочитали в «Огоньке» статью «Оскорбительная подделка» о фальшивых записках Пушкина, вышедших на Западе. Мы глубоко возмущены этой фальшивкой и очень обрадовались, что наконец кто-то дал отповедь фальсификаторам.

К сожалению, мало еще людей читают здесь «Огонек», в особенности американцы. А между тем повсюду идет реклама этих злобастых «Записок» и многие думают, что это настоящее произведение Пушкина. Страшно слушать, как некоторые американцы, да и русские тоже, доказывают, что это подлинник.

Было бы очень хорошо, если бы вы смогли опубликовать статью «Оскорбительная подделка» по-английски в каком-либо американском журнале или газете, чтобы прекратить злоупотребления на Западе именем великого русского поэта.

Семья БЕРГ
Нью-Йорк

«Огонек» почему-то не касается такой важной темы, как телевидение. А ведь телевизор смотрят все или почти все, и нет такой газеты, которая не посвятила бы обзорам телепередач колонки, большой статьи или даже целой страницы. И ваш журнал должен подключиться к этому разговору.

Я считаю, что на сегодняшний день телевидение сильно отстает от других средств массовой информации. Газеты и журналы гораздо острее, честнее, личностнее, чем телевидение. И что самое грустное — это отставание запрограммировано. Мы, телезрители, в кабальной зависимости от смелости или осторожности, таланта или бездарности работников телевидения. Наше мнение, симпатии или антипатии ни на что не влияют. Самые популярные передачи могут вдруг надолго пропасть, самые острые, яркие ведущие — взять и исчезнуть на неопределенное время. Потому что у телевидения нет никакой зависимости от телезрителя.

Если вдруг мне не нравятся «Известия», я могу выписать «Правду», если я не люблю «Огонек» — могу подписаться на журнал «Молодая гвардия». Или наоборот. Подпиской я голосую за то или иное издание, за ту или иную позицию газеты или журнала. Эта борьба за читателя, за его голос двигает вперед нашу прессу.

Оттого же, что я выключил телевизор, потому что передача плохая, или, наоборот, мчусь через весь город к экрану на свою любимую программу, — никому ни холодно, ни жарко. Именно поэтому на нашем телевидении возможно было исчезновение талантливой и яркой программы «Веселые ребята», пренебрежительное отношение уже в наши дни к, пожалуй, самой популярной программе «До и после полуночи», которая так и не понятна, с какой регулярностью выходит, спокойное безразличие к судьбе «Что? Где? Когда?» и т.д. Именно на нашем телевидении возможен показ программы «Время» на всех каналах одновременно. Я не говорю, насколько это расточительно с экономической точки зрения, это просто-напросто неде-

мократично. Объяснение телевизионного начальства, что главную общественно-политическую программу должны смотреть все, выглядит странно. Никому ведь в голову не придет рассылать «Правду» всем советским гражданам, хотя это тоже наша главная газета... Делайте программу «Время» так, чтобы ее хотели, жаждали, мечтали посмотреть все, тогда она сама собой станет главной...

А. КУЗНЕЦОВ
Свердловск

Если хлеб исчезнет с прилавков даже на день — страшно даже подумать, какой поднимется шум. Ответственные должностные лица будут сутками не покидать кабинетов, люди будут работать в три смены, но не допустят такой ситуации. А из аптек надежно, не на одну неделю исчезают лекарства, которыми нет замены. И общественность, пресса молчат! Я понимаю, где-то идет работа, собираются большие люди за большими столами. Но раз крайне, абсолютно необходимых лекарств нет, значит, эта работа, недостаточна! На сегодня отсутствие некоторых лекарств преступно! (Тем более что во всем мире они свободно продаются в достаточном количестве!) Я вижу эту проблему глазами врача-терапевта общей практики, а не узкого специалиста, пользующегося редкими лекарствами. Проконсультируйтесь с любым кардиологом, и он вам подтвердит, что сегодня часто у постели больного нельзя ничем заменить жизненно необходимые лекарства. Все они вошли в прочный арсенал нашей медицины, закупаются в других странах. Врачи согласны получать отечественные аналоги, но их нет. Речь идет о препаратах, назначаемых повседневно, без них любой грамотный доктор работать просто не может.

Если бы в стране существовала ассоциация медиков, доходы которой зависели бы от результатов лечения, она, наверное, предъявила бы судебный иск инстанциям, ответственным за снабжение этими лекарствами. Мы привыкли спокойно проглатывать слово «нет» в аптеках. И вот каждый бежит доставать лекарство, думая о том, как спасти своего близкого. А если у больного нет близкого? Если некому или негде «достать»? А каково положение врача, знающего о безрезультатности поисков и не назначающего лекарства, которое может помочь?!

Это очень больной вопрос. Кто будет стимулировать его решение: здоровые и сильные (пресса, ответственные должностные лица) или больные и их родственники, которым это, собственно говоря, и нужно? Где-то же сидят люди, которые должны на это ответить.

Все самые высокие инстанции, отвечающие за снабжение лекарствами, должны понять, что сегодня нельзя без самых трагических последствий выбрасывать на рынок препарат, давая надежду врачам и больным, а затем изымать его, ссылаясь на то, что «не отгрузили»!

А. И. ЧЕПОВЕЦКИЙ,
врач
Ленинград

Наш адрес:
101456, ГСП,
Москва,
Бумажный проезд, 14.

ПРЕТЕНДЕНТЫ И ДР.

Школьное объявление приглашало на встречу «Вокруг шахматного Олимпа» (с пояснением «Каспаров — Карпов и др.»). Пришедшие восьмиклассники не скрывали, что не многие из них играют в шахматы, но дома их ждут с ответами на жгучие вопросы: кто из гроссмейстеров прав, обвиняя другого? Каково семейное и материальное положение обоих, желательно о детях и долларах? То ли это и было, по их мнению, «и др.», то ли ничего другое их не интересовало. Сам не знаю почему, я вдруг спросил, знакома ли ребятам фамилия... ну, к примеру, Ласкер? И... О чудо! Почти все закивали головами: ну, как же, чемпион по шахматам. Удивились только, когда узнали, что чемпионом мира он стал еще аж в 1894 году. Мы сразу помирились с такими теперь уже симпатичными ребятами. Подумалось: пусть-ка через много лет ученики какой-нибудь чужой школы сумеют ответить, кем был у нас... Впрочем, не имею права обижать ни будущих иностранных школьников, ни известных ныне советских людей искусства, науки или, скажем, спорта. Однако в любом случае вспомнят не доходы и ссоры, а первенство в их деле жизни.

ШАХМАТЫ

Во всех делах чемпионы сначала становятся претендентами. В шахматах чемпионы когда-то сами «назначали» себе соперников и играли с ними матчи. Нередко выбор диктовало общественное мнение, тогда поединки за мировую корону получались наиболее ожесточенными и порой приводили к смене шахматной власти. Постепенно абсолютная монархия превратилась в конституционную. После второй мировой войны окрепшая Международная шахматная федерация (ФИДЕ) с согласия завоевавшего титул чемпиона М. Ботвинника и даже по его инициативе разработала целую систему розыгрыша мирового первенства. Финалом каждого трехгодичного цикла стал матч между обладателем чемпионского звания и выявленным в спортивном отборе единственным гроссмейстером. Не всегда, правда, система видоизменялась в лучшую сторону, но все равно выявляла безусловно достойнейшего претендента. Немалый запас прочности сохраняет справедливость, изначально заложенная в этой игре. И в конечном счете демократичность шахмат: тот, в ком миллионы любителей и сотни профессионалов усматривали своего будущего короля, непременно вступал на престол, словно бы его избирало большинство. В этом смысле новейшая история шахмат не знает ни одной роковой ошибки. Уступающий свое место чемпион может с этим и не согласиться. Но ведь и соперничество Г. Каспарова с А. Карповым (если даже оно не закончилось) не опровергает общего «правила». Уже хотя бы оттого, что только Каспаров мог в обозримом будущем стать тринадцатым чемпионом мира.

Пребывая в полной шахматной силе и расцвете славы, Карпов ревновал Каспарова к этому «будущему». А ревность, как известно, плохой советчик. На пресс-конференции после блистательной победы над Корчным в Мерано (1981) корреспондент Франс Пресс спросил у чемпиона мира, не опасается ли он Каспарова как нового претендента на шахматную корону. Ответ Карпова (кстати, дословно никогда прежде не приводившийся в нашей печати) прозвучал как-то отрывисто, что ли:

— Безусловно, Гарри Каспаров — один из самых талантливых молодых шахматистов. И добился уже немалых успехов. Но, по-моему, в своих глазах он уже вознес себя выше, чем есть, и, думаю, это главная опасность для его шахматного роста. Опасаюсь ли я Каспарова? Если я в хорошей форме, то не боюсь никого.

Карпов заметил, что сидевшие рядом с ним не улыбаются, и, повернув к нам лицо, тоже без улыбки, твердо произнес: «Я говорю то, что думаю, и притворяться не намерен». Верно, ничего страшного он не сказал, но и дипломатичным не был, что и дало повод в дальнейшем переиначивать и превратно истолковывать его слова. Читатель, надеюсь, простит увлекаю-

щегося автора: мне, как очевидцу многих событий, очень уж хочется высказаться и по вопросам, которые не раз поднимались и поднимаются в шахматной и нешахматной печати. Но, может, это тема других публикаций, и к ней еще я смогу вернуться? Пока же речь о нынешних претендентах. И среди них в четвертьфинале экс-чемпион мира Карпов. Он был освобожден от матчей 1/8 финала, и это выглядит естественным для гроссмейстера, только что имевшего равный счет в поединке с чемпионом мира. А вот в прошлом цикле Карпов провел лишь один (так называемый суперфинальный) матч с А. Соколовым и сразу вышел на Каспарова, точнее, вернулся к нему. Да, ФИДЕ много сделала для своего долговременного чемпиона. Но только ли для него? Ведь в прошлом регламенте заранее было четко записано: «Суперфинальный матч с победителем соревнований претендентов играет проигравший в матче за мировое первенство между Каспаровым и Карповым». Почти позабылись и обстоятельства первого сделанного для фаворитов «послабления» по сравнению с предыдущими претендентскими циклами. Во время Олимпиады в Салониках проходил конгресс ФИДЕ, а в Москве продолжалось единоборство Карпова с Каспаровым. Наша команда уехала в Грецию без лидеров, и именно там, свидетельствуя, решили: проигравший в московском матче (со счетом 4:0 вел тогда Карпов) присоединится к претендентам теперь уже только на самом завершающем этапе. Да, бывает, сеют для одного, а урожай снимает другой. В данном случае Карпов. А в несправедливом деле прекращения первого матча между историческими соперниками «сеятель» невольно ошибился в пользу... Каспарова, который позже отвоёвывал для себя плоды их решения. И вообще, не пришла ли пора отделить и в шахматах зерно от плевел?

Бороться остальным претендентам и с Карповым, и теперь особенно с Каспаровым тяжело по многим причинам. И не раз сетовали конкуренты — нас, понятно, интересуют прежде всего советские — на неравные условия при подготовке, в оснащении, в количестве помощников, в поддержке. Однако при всей справедливости этих сетований проиграть три претендентских матча из трех иностранным гроссмейстерам — это уже, знаете ли, нонсенс (приходится применить чужое слово во избежание крепкого русского выражения). Выдающийся талант, он от бога, помощь — от вышестоящих организаций, ну, а бойцовские качества у Каспарова и Карпова от кого? Нелепо предположить, будто А. Соколов уступает канадцу К. Спраггетту в природных способностях или редкостно одаренный Р. Ваганян не в состоянии из шести партий выиграть хотя бы одну у венгра Л. Портиша. При этом оба наших гроссмейстера превосходили соперников и по индивидуальным коэффициентам, и выгодно «уступали» им по возрасту. А вот о матче В. Салова с Я. Тимма-

ном стоит сказать особо... Гроссмейстер С. Долматов, один из помощников чемпиона мира, считал: «Помешать Карпову опять выйти на Каспарова сможет разве что Валера Салов». Тут, кстати, любопытная деталь: 23-летний ленинградец, как и его нынешний секундант С. Макарычев, оба входили в прежний штаб Карпова, а потом откололись и образовали собственную «команду». Так что опыт организационный у них имеется, не хватало игрового. Салов должен был выиграть предпоследнюю, но проиграл заключительную, шестую партию, единственную, «не угадав» с дебютом. Верю, однако, это далеко не последняя его партия в борьбе на претендентском уровне.

Салов «отступил в будущее», а голландец Ян Тимман — сегодняшняя реальность. Ему 36 лет, он ладен и крепок, его очень уважают во всем шахматном мире, признанным лидером западной части которого он является, имея к тому же третий (после Каспарова и Карпова) индивидуальный коэффициент вообще. Тимман превосходно «экипирован»: за его спиной спонсоры из нескольких крупных компаний, ему охотно дают деньги на ежегодные показательно-тренировочные матчи с лучшими гроссмейстерами и оплачивают помощь многочисленных приятелей. Учиться шахматам Ян начинал у нас, специально для этого приезжал в Союз.

В прошлом цикле розыгрыша мирового первенства Тиммана остановил Юсупов. Та победа с крупным счетом до сих пор вспоминается сенсационной (позже они сыграли вничью другой, товарищеский, традиционный для голландца матч). В свою очередь, Юсупов затем уступил Соколову, а того легко обыграл Карпов. Формально числившийся третьим шахматистом в мировой таблице о рангах Соколов нынче уже выбыл из борьбы, как и еще три соотечественника... Из пяти представителей СССР, стартовавших в претендентских матчах, в четвертьфинал вышел только один — А. Юсупов, встречавшийся с Я. Эльвестом. Успех москвича запрограммирован гораздо раньше.

Поздним осенним вечером 1977 года позвонил он из Австрии домой и смущенно сообщил, что за тур до конца соревнования обеспечил себе титул чемпиона мира среди юношей. «Ура, ура, ура Артуру!» — восторженно прокричали в ответ три брата Юсуповых, и весть эта полетела по Москве со скоростью телефонных звонков. Среди посвященных абонентов оказался и я, и сразу вспомнился белокурый мальчик, неотлучно и молча дежуривший возле шахматных столиков, задевая подбородком доску кого-нибудь из перворазрядников столичного Дворца пионеров. Артур рос всеобщим любимцем, скромным до застенчивости, но с обостренным до упрямства собственным пониманием правоты и справедливости. Он вырос, раздался в плечах. Этаким боец-молодец! Работал над шахматами самозабвенно, совершенствовал стиль, стремясь к универсальности. В свою

справедливость он верит по-прежнему твердо, однако пути к ней вполне готов уже выбирать и не прямолинейные и не всегда со стороны понятные. Похоже, это его влияние начинает испытывать и тренер М. Дворецкий, которому А. Юсупов многим обязан. «Влиятельность» 28-летнего гроссмейстера проявилась и в том, как незаметно он стал неформальным лидером до сих пор неформальной Ассоциации советских гроссмейстеров. (В отличие от Международной гроссмейстерской ассоциации это объединение вызывает много естественных вопросов. Ну, хотя бы такой: «А почему в головах целого Союза театральные деятели даже не мелькнула мысль создать вместо себя Ассоциацию народных артистов СССР?»)

Из участников предстоящих четвертьфинальных матчей, кроме А. Карпова, Я. Тиммана и А. Юсупова, уже упоминались выше и К. Спраггетт с Л. Портишем. Допущенный к соревнованиям как хозяин шахматного поля в Сент-Джоне, канадец попал и в следующий этап, что называется, «по пенальти», выиграв у Соколова одну из дополнительных партий с уже сильно укороченным, 15-минутным контролем. Знаменитый венгр разделил в межзональном турнире «выходящее место» с англичанином Д. Нанном, а когда потом победил его в единоборстве, все удивленно отметили, что это уже десятый (!) выход Л. Портиша в претенденты. И вот теперь — победа над нашим Р. Ваганяном.

Портиш да и те, кто помоложе, значительно перекрыли считавшуюся когда-то нормой шахматной жизни тысячу партий в официальных соревнованиях. Впрочем, какие партии считать официальными? Вот англичанин Д. Спилмэн про своего младшего друга Н. Шорта рассказал, что тот играет чуть не с пеленок и к восьми годам провел около... трехсот партий. Летом Найджелу исполнится 23 года, в этом возрасте он и сыграет четвертьфинальный матч с соотечественником. Оба они вышли на свой поединок досрочно, не используя даже малый лимит в шесть партий: Спилмэн разгромил — 4:1 — американца Я. Сейравана, а Шорт позволил венгру Д. Саксу сделать лишь на одну ничью больше. Результат второго из названных матчей предсказывался, триумфального победителя в первом угадали не многие. Они увидели, как много работает и как хорошо держится Спилмэн и сколь неестественно для шахматиста живет Сейраван. Что ж, такова жизнь. Родившийся в Сирии, переехавший с родителями в Англию, потом в США, стал Ясер Сейраван чемпионом мира среди юношей. Впереди него, яркого и спортивного, слава мчалась в таком темпе, что молодой человек начал от нее отставать. Синусоида выступлений укачивала, словно американские горки, шахматная голова закружилась от рекламы, мелькавшей вокруг Сейравана. Тем временем Джонатан Спилмэн вырос из неплохого шахматиста в хорошего, а потом и в очень хорошего. Рос, кстати, не в одиночку...

В шахматной истории Великобритании имеется как бы «провал», и долгое время там не появлялось больших мастеров. В семидесятых годах банкир Слейтер учредил своеобразный приз — 5000 фунтов — для того, кто станет первым английским гроссмейстером, и меньшие премии для ближайших его последователей. Дело и в деньгах, и в общественном резонансе. Толчок положил начало длительному буму. Больше, чем где-либо, выпускается шахматной литературы, причем инициатива исходит от крупнейших, отнюдь не специализированных издательств (особенно охотно привлекаются советские авторы). Сборная страны сегодня все чаще опережает венгерскую и американскую команды в борьбе за второе (пока?) место в мире. Миновав межзональный этап, два англичанина дали интервью нашему журналу «64-Шахматное обозрение» с вынесенными в заголовок характерными высказываниями (Д. Спилмэн: «Мы дружны, и места хватает всем»; Н. Шорт: «Хочется играть дома»). Они говорили о том, что считают обязательным играть в чемпионатах Великобритании, и одной из причин своих успехов Шорт назвал сотрудничество ведущих английских шахматистов. «Да, такие наши отношения идут на пользу. Выступая командой, всегда хотим, чтобы побеждал каждый из нас. Но почему мы вообще дружны? Может быть, потому, что мы без конкурентных проблем можем выезжать на международные турниры, и поэтому отношения между нашими шахматистами не такие напряженные... Вы и это напечатаете у себя?» — усмехнулся Спилмэн, прежде бывавший у нас и даже объяснявшийся по-русски. Напечатали.

А в 1983 году Шорт возвращался домой из Баку, где уверенно занял первое место на международном турнире. Ему было 18 лет, но и в более солидном возрасте куда более известные иностранные шахматисты обычно не побеждали на серьезных соревнованиях в СССР. Как раз тогда Каспаров играл с Корчным в Лондоне, а Спилмэн обзавелся, наконец, квартирой и в пресс-центре матча вывел об этом объявление. На окраине огромного города две смежные комнатки без прихожей и с крохотной кухонкой заполнили гости. Табуретки они разобрали, и опоздавший Шорт без колебаний уселся рядом с другими английскими шахматными лидерами на дешевый палас, покрывавший пол.

Не перестаешь удивляться постоянству, с каким иностранцы, удачно «стажировавшиеся» в Советском Союзе, затем добиваются успехов на мировой арене и даже в претендентских матчах. Помню, Е. Геллер, приехав из Рейкьявика, высоко отзывался о молодом Йохане Хьярттарсоне. В прошлом году, учтя, вероятно, ту рекомендацию, исландца пригласили на международный турнир шахматного клуба Московской области. Он выступил весьма достойно, а гроссмейстерское качество его игры произвело и вовсе отличное впечатление. Очень скоро мы беседовали с Хьярттарсоном в венгерском городке Сираке на закрытии межзонального турнира. Он стал рекордсменом, выиграв пять партий подряд, и в итоге разделил первое место. Держал в руках поздравительную телеграмму премьер-министра Исландии и почему-то благодарил меня — вероятно, от избытка счастья — за школу, пройденную им совсем недавно в Москве. Но школа школой, а гордость он испытывал за родной остров: «Своей силой исландские шахматисты обязаны в первую очередь интересу народа к этой игре. Большое внимание шахматам — пожалуй, больше, чем в любой западной стране, — уделяют средства массовой информации. Мы, как и советские шахматисты, получаем от государства стипендию. У нас сейчас шесть гроссмейстеров на всего-то 240 тысяч жителей, на душу населения самый высокий показатель в мире!» Тогда же его секундант рассказал чисто исландский

анекдот: ребенок еще не может объяснить — позади, впереди или сбоку и отвечает: «Там, куда бьет пешка».

Очень высокий блондин в черных ботинках одолел в матче не кого-нибудь, а Корчного. Он выиграл первую и четвертую партии при двух ничьих, но старый боец сравнял счет, вырвав два очка на финише. И вот тут Хьярттарсон совсем уж поразил: с его преимуществом прошли обе дополнительные партии, и последняя из них вывела 25-летнего исландца в четвертьфинал. Вывела прямо на Карпова...

Как таковая, жеребьевка и прошлых, и новых матчей не проводилась. ФИДЕ исходила из средних индивидуальных коэффициентов (рейтингов) за последние два года.

Из четвертьфиналистов гроссмейстер с наивысшим средним рейтингом играет против восьмого, второй — против седьмого и т. д. Образовались пары:

А. Карпов (СССР) — Й. Хьярттарсон (Исландия)

А. Юсупов (СССР) — К. Спраггетт (Канада)

Н. Шорт (Англия) — Д. Спилмэн (Англия)

Я. Тимман (Голландия) — Л. Портиш (Венгрия)

Как и большинство специалистов и любителей, я отдаю предпочтение гроссмейстерам, названным в парах первыми, но упорная борьба может вспыхнуть в любом из коротких матчей.

...На пресс-конференции в Севилье сохранивший титул чемпиона Гарри Каспаров, отвечая на вопрос о своем вероятном будущем сопернике, заметил, что сильнейший из претендентов пока Карпов, но впереди целых три года... Совсем недавно, уже после объявления четвертьфинальных пар, Каспаров отправился в зарубежное турне (Франция, Канада, США, Швейцария, ФРГ). В ночь перед его отлетом я решился позвонить торопившемуся чемпиону — очень уж хотелось узнать, не поменял ли он оценки и что думает о Н. Шорте.

— Нет, еще не поменял, — усмехнулся Каспаров. — Практическая сила Карпова выше, однако Шорт и впредь стремительно растет, и если соотношение будет меняться, то лишь в пользу англичанина. Хороши и Тимман, и Юсупов, но Шорт в отличие от них еще по-настоящему не битый и потому в соперничестве, например, с Карповым психологически не будет ощущать превосходства экс-чемпиона. Тут я бы не решился прогнозировать.

— Ну, а прогноз на ваш матч с будущим единственным претендентом?

— Я уже говорил раньше, что меня сменил более молодой шахматист.

— В 1980 году вы стали чемпионом мира среди юношей, Шорт был вторым. Он на два года младше вас.

— Нет! Я имею в виду какого-то шахматиста из другого поколения, а Шорт, по существу, мой ровесник. Если к следующему матчу за мировое первенство я буду в спортивной форме образца, скажем, 1986 года, то ни Карпову, ни Шорту надежд не оставлю. При этом у англичанина реальных шансов нет еще и потому, что он не имеет опыта борьбы на высшем уровне и не знает, как велико отличие претендентских матчей от матча с чемпионом мира.

Как видите, Гарри Каспаров выразился вполне категорично, и в то же время в его оценках вряд ли стоит усматривать что-либо обидное для претендентов. Мне, правда, опять почему-то вспомнилась пресс-конференция Анатолия Карпова в Мерано, когда он говорил о своем будущем сопернике (тогда, впрочем, Каспаров в отличие от нынешних соискателей шахматной короны не выступил еще и в межзональном турнире). В обоих случаях уверенность чемпионов впечатляет, и не она ли является важной составляющей их шахматной и человеческой силы?

Александр РОШАЛЬ,
шахматный обозреватель

Всякий подъем общественной активности являет своего лидера. Вопрос в том, куда он собирается повести массы. Беда, коли в этой роли оказываются кликуши национал-патриотизма. История свидетельствует: подобные поводыри используют народ и его силу в своих политических интересах до поры до времени. Потеряв доверие людей, затихают и ложатся на дно...

КАМНОВЫ КАЧЕЛИ

Март КАДАСТИК, редактор городской тартуской газеты «Эдази».

Впрочем, у таких лидеров обязательно обнаруживается «лифт». Стремясь к поверхности, они совершенно не выбирают «фирму», изготовившую «подъемное устройство». Неважно — отечественная она или зарубежная. Лишь бы выплыть и удержаться на гребне.

Обновление жизни подняло между тем высокую волну. В пене то и дело появляются «неординарные» личности, редко способные проявить себя в каком-либо полезном деле или профессии. Но ощущение собственной неудовлетворенности у них до такой степени жгучее, они так хотят проявить себя, что готовы на полное самоотречение. А точнее, на отречение от собственного честного слова. Среди подобных «принципиальных» личностей — Лагле Парек.

Она была грудным ребенком, когда ее отца расстреляли как врага. Рухнула обеспеченная жизнь семьи, оборвалась карьера бывшего офицера буржуазной республики. Не все с распростертыми объятиями встречали Советскую власть. Но лишь немногие связали себя с гитлеровскими спецслужбами, для которых далеко не все эстонцы были остзейцами... Но уже гибли миллионы людей, среди которых в страшную статистику готовился внести свой безутешный процент народ Калевипозга. А Парек, подрастая, пестовала в себе ненависть.

Обойдемся без анализа ее «общественной деятельности», результатом которой в декабре 1983 года стал приговор Верховного суда ЭССР. Политический «энтузиазм» был оценен им шестью годами лишения свободы с пребыванием в исправительно-трудовой колонии строгого режима с последующей ссылкой на три года. Однако уже в августе 1986 года представитель КГБ СССР предложил ей обратиться с просьбой о досрочном освобождении. Она взялась за перо и одновременно села на своеобразные качели лицемерия.

«Я активно участвовала в антисоветской деятельности», — писала она, — и признаю обвинение, за которое несущая заслуженное наказание. Скоро исполнится четыре года со дня моего ареста. За это время в нашем обществе произошли большие изменения. Благодаря средствам массовой информации у меня возникло впечатление, что многие проблемы, которые вызывали у меня протест именно своей закрытостью, теперь открыты для обсуждения. Ясно видно развитие общества в сторону большей открытости, что я весьма приветствую...

В связи с этими изменениями в политике партии у меня возникло впечатле-

ние, что сегодня меня не наказали бы так сурово и что я могла бы многое сделать по-другому, так как теперь можно поднимать проблемы и в советской печати. М. Горбачев сказал в одном своем выступлении, что каждому человеку в нашем обществе будет дана возможность найти себе место, но если не найдете, то уж не жалуйтесь. Я думаю, что, может, и человеку с моей судьбой можно дать возможность найти себе место на данном этапе общественного развития.

Приведенные выше мысли дают мне смелость обратиться в Президиум Верховного Совета ЭССР с прошением о досрочном освобождении. На свободе я смогу гораздо эффективнее использовать свои силы и способности для работы в интересах общества. Это прошение содержит и твердое обещание больше не вступать в противоречие с действующим в нашем государстве законодательством, не входить в связи с эмигрантскими антисоветскими организациями.

Тронулся маятник. Великодушным оказалось решение власти, поскольку просьба производила впечатление искренней. Парек вышла на свободу. Для поправки здоровья она решила провести лето в деревне. С колхозом «Канели» она заключила договор на выращивание свеклы.

Не упрекнешь человека в похвальном стремлении в труде земледельца находить отдохновение. Но «урожай», вопреки агрономии, созрел не в сентябре, а в августе. И «плоды» оказались не такими сладкими. За время своего отдыха Лагле Парек стала своеобразным магнитом для тех, кто еще недавно, как и она, были под честное слово выпущены на свободу. И занялись эти люди как раз тем самым, от чего фари-сейские откровенничались в своих прошениях.

Какое же место в обществе избрали они себе? Внешне вывеска так называемой «инициативной группы» весьма благопристойна и сообщает о высокой цели — увековечении в Таллине памяти пострадавших от репрессий.

Но сооружение монумента оказалось хорошей ширмой для пропаганды националистических настроений. Группа ходатаев за установку памятника, которую возглавляет Лагле Парек, в конце августа прошлого года организовала митинг в парке Хирве. Таким «урожаем» порадовала своих сограждан свекловод Парек. А заодно они были вынуждены внимать речам ее соратников.

Чем же аргументировали свои выступления ораторы? Прежде всего недостаточной оценкой средствами массовой информации преступлений сталинской эпохи. Но при сопоставлении выступления в парке Хирве с прессой

минувшего лета напрашивается объективный вывод: организаторы событий пытались заменить одну полуправду другой для достижения своих политических целей.

Каких? Их можно найти в так называемом «инфобюллетене» «MRP-AEG». Это издание смакует конфликты с милицией и КГБ, сообщает о выступлениях в Таллине, Риге, Пярну. Скажем, с подлинным сладострастием описывали авторы события в Выру, когда хулиганы били стекла и громили милицескую машину.

Раскачивается маятник. Составители «инфобюллетеней» признают, что печать сегодня развивается в сторону гласности. Но тут же утверждают, что они якобы опередили время. Ведь до какой же степени социальной демагогии нужно дойти, чтобы сравнивать свою былую ложь с фактами открытой критики в печати!

И впору спросить: что же вы теперь оказались не в струе общей гласности, а в сторонке от официальной печати? А ответ-то простой: «MRP-AEG» не утруждает себя нелегким анализом процессов перестройки. Он «информирует» о вещах, более полезных для своих особых целей, ничего общего не имеющих с перестройкой.

В Эстонии масса прогрессивных, талантливых людей, способных привести в жизнь республики немало интересных идей. Радикальные реформы не манна небесная, за них нужно бороться. Но бороться за что-то — это сложно и не так внешне эффектно.

Качели в неумелых руках — опасный аттракцион. Политический авантюризм — что ходьба по канату. Мне по профессиональным обязанностям приходится встречаться со множеством людей. А поскольку единственной, идеальной модели перестройки никто не создал, поскольку обновление жизни может быть многообразно по вариантам, возникают дискуссии. В них неизбежно всплывают имена Лагле Парек и ее единомышленников. По оценке подавляющего числа моих собеседников, «несгибаемые патриоты» — провокаторы, по существу, поддерживающие противников демократизации нашего общества. Они пользуются настроением населения, у которого есть основания быть недовольным из-за неповоротливой идеологии, отстающей от изменений, происходящих в обществе. Кроме того, провокации «MRP-AEG» используют в своих целях противники перестройки. И не только в Эстонии. Им выгоден любой момент социального напряжения.

Но неужели можно всерьез надеяться на то, что трудящиеся республики ждут и не могут дожидаться закордонного руководителя Тийта Мадиссона, который покинул СССР на следующий день после того, как в парке Хирве вылил на присутствующих ушаты демагогической лжи. Ныне он общается с эстонцами по радиоголосам «из-за бугра». Вот кому, безусловно, выгоден так называемый «день национального возрождения»!

Впрочем, «политические качели», безусловно, производят на кого-то и убаюкивающее действие. Когда дело доходит до конкретных общественно важных дел, «MRP-AEG» остается совершенно безучастным. К примеру, фосфоритовые разработки вызвали единодушный протест общества. А «инфобюллетень» в этот момент находился в социальном анабиозе. Наверное, потому, что идеолог сего издания — Лагле Парек — по застенчивости сторонится официальных изданий.

Во всяком случае, я пытался взять у нее интервью. Но Парек в редакцию так и не пришла, а интервью прозвучало в передаче... «Голоса Америки».

А «голоса», у которых советская пресса попросту отняла возможность излагать очевидные факты вперемешку со своей очевидной ложью, переменили тактику. Теперь, используя нашу же информацию, они призывают молодежь

переходить к активным действиям. И сообщают, что «Российская империя» вот-вот рассыплется. Знакомые интонации. Семьдесят первый год предсказывают...

Но как тут не ликовать Лагле Парек, которая считает себя жертвой сталинского режима! Но в том-то все и дело, что сохранились документы. В них в отличие от действительно невинных жертв репрессий нет и намека на ее отца. Я держал в руках папку с надписью «Народный Комиссариат Государственной Безопасности Эстонской ССР. Дело № 1797». Из дела следует, что Карел Парек, в 1940 году капитан армии Эстонской республики, не только не скрывал своих антипатий к Советской власти, но и активно противодействовал ей. Он собирал разведданные и вербовал сообщников... Повторно его дело пересматривалось в 1956 году, но оснований для его реабилитации найдено не было...

Какие только иллюзии не появляются от головокружения на качелях! И ничего удивительного в том, что буквально фантазмагии звучат в «голосах». К примеру, бывший техник Л. Парек превратился у них в...архитектора с высшим образованием (кстати, вопреки своим заверениям она до сих пор сторонится работы на пользу государства). А «голос»? Что ж, давно известен принцип испорченного телефона.

Из-за кордона сообщают, что в Эстонии имеются различные организации «патриотического» толка, но ни за какие коврижки не признаются, что и в «инициативной группе», и в «MRP-AEG», и в Эстонском народном фронте карты из одной колоды. А в ней всего-то четырнадцать «листов».

Размах качелей все шире, амплитуда доходит до критической точки: того и гляди опрокинется корзина. В конце января Лагле Парек и работник Тартуского отдела «Эсттипросельстроа» Виктор Ниитсоо несколько раз были в Тартуском горисполкоме с заявлениями. В них они уведомляли о предстоящем митинге у здания, где был подписан мирный договор между РСФСР и Эстонией 2 февраля 1920 года. Однако ходатайства о разрешении митинга в заявлениях не было. Инициаторы митинга сообщили о нем устно и предложили обсудить возможные варианты. Но в тот же день радиостанции «Свободная Европа» и «Голос Америки» сообщили о том, что в Тарту состоится митинг, организованный «MRP-AEG». Иначе говоря, информацию передали на Запад, не дожидаясь решения исполкома о митинге. Ах, качели!

Гарантий общественного порядка инициаторы мероприятия не дали. Поэтому горисполком его не разрешил и оповестил через местные газеты, что отдел внутренних дел будет пресекать попытки неразрешенных собраний. В тех же газетах сообщалось о мероприятии, посвященном годовщине договора, в учебном корпусе университета. На него приглашались все желающие, и в том числе группа «MRP-AEG». В дискуссии приняло участие множество людей. Каждый мог высказаться, задать вопрос и получить ответ. В ней участвовали и Л. Парек с частью своих единомышленников. Пока они пытались отвлечь аудиторию от обсуждения вопросов, связанных с договором 1920 года, не бездействовала другая часть «MRP-AEG». Наиболее экстремистски настроенные «патриоты» пытались спровоцировать группу молодежи на беспорядки в разных точках города.

И на этот раз «MRP-AEG» не получила поддержки горожан. Думаю, что разьяснять причины не требуется. Люди хорошо понимают, что представляют собой, какие цели ставят социал-патриоты. Как можно доверять тем, кто вконец изолгался, изворотливо кидается от провокаций к признаниям ошибок. Словом, качаются качели — качели Каина. Опасный аттракцион для братьев по нации.

ЭРМИТАЖ ПОТОПНУЛ

Нина
ЛАВРОВА,
ученый
секретарь
Эрмитажа

Е

сть в Государственном Эрмитаже хорошая традиция — каждый год устраивать выставку новых поступлений. Открывается она, как правило, в мае, к Международному дню музеев. Этим сравнительно небольшим по объему экспозициям предшествует напряженная собирательская работа. Собирательство — процесс сложный: он предъявляет к музейным работникам множество требований — здесь необходимы и обширные, глубокие знания, безошибочный вкус, обостренная интуиция и страстная увлеченность поиском неведомых, скрытых до времени шедевров искусства.

1986 год оказался счастливым для отдела западноевропейского искусства: в Эрмитаж поступил шедевр французской скульптуры XVIII века — мраморный портретный бюст Сабины, четырехлетней дочери выдающегося скульптора Ж. А. Гудона, созданный в 1791 году. Хранитель Н. К. Косарева знала, что у ленинградского профессора-химика М. С. Немцова имеется подлинный «Гудон», приобретенный им в 1920-х годах в антикварном магазине, знала, что гипсовая модель портрета Сабины находится в Лувре. Дирекция Эрмитажа высказы-

вала желание приобрести портрет, однако М. С. Немцов, следуя благородным традициям русской научной интеллигенции, принес портрет в дар. Говорят, что книги имеют свою судьбу, но и произведения искусства тоже. Портрет прелестной маленькой француженки пережил в Ленинграде блокаду. «В квартиру, — рассказывает профессор Немцов, — попал снаряд, и рояль, на котором стоял мраморный бюст, провалился этажом ниже; инструмент разлетелся в щепки, но «Сабина» осталась целехонька — только легкая царапинка на носу напоминает о блокадной драме».

Эрмитаж располагает первоклассными произведениями Гудона, созданными в 1773—1783 годах. Портрет Сабины выполнен в эпоху бурных событий Великой французской революции. Работ этого периода в музее не было. Гудон по праву считается мастером, великолепно воссоздававшим образы своих выдающихся современников — ученых, политических деятелей, философов, литераторов. Менее известно, что в творческом наследии скульптора особое место заняла галерея детских портретов и четырехлетняя «Сабина» стала одним из популярнейших портретов своего времени.

Острейшей проблемой для Эрмитажа является коллекционирование произведений западноевропейских мастеров XX века. Известно, что многие из них хорошо представлены только работами 1900—1910 годов (П. Пикассо, А. Матисс, А. Дерен и другие). Музейные сотрудники делают многое для того, чтобы творчество художников XX столетия, получивших широкое признание, находило отражение в коллекции и было бы представлено в музее если не живописными, то по крайней мере графическими произведениями — станковым рисунком, книжной иллюстрацией, эстампом.

В прошлом году Шарль Сорлье принес Эрмитажу в дар уникальное иллюстрированное издание — каталог, воспроизводящий литографии Бернара Бюффе и включающий три оригинальных оттиска цветных литографий самого художника. Ш. Сорлье — печатник-литограф высочайшего класса; на правах соавтора он работал с такими выдающимися художниками, как А. Матисс, М. Шагал. Благодаря дружеским связям Эрмитажа с секретарем Матисса Л. Н. Дилекторской и ее знакомству с Ш. Сорлье посетители смогли познакомиться на выставке в подлиннике со своеобразным «готическим графизмом» изысканного натюрморта Бюффе, помещенного в качестве фронтисписа книги.

Собрание западноевропейской живописи XIX века пополнилось монументальной картиной «Первый оттиск» немецкого художника К. Ф. Рейхерта, в середине прошлого века работавшего в России. Строгая трехфигурная композиция, золотисто-коричневый «рембрандтовский» колорит с редкой достоверностью передают атмосферу творческой взволнованности, которая царила в типографской мастерской Гуттенберга, когда он держал первый лист первой в Европе книги, отпечатанный на изобретенном им станке. О художнике, написавшем эту картину, сохранились крайне скудные сведения. Обнаружение столь значительного произведения основательно забытого живописца дает исследователям возможность сделать интереснейшую публикацию и открыть новую страницу в истории русско-немецких культурных связей.

Эрмитаж — музей мировой культуры, и на выставках новых поступлений, как в миниатюре, предстает искусство разных стран мира. В экспозиции произведения европейских художников соседствуют с работами мастеров Ближнего и Дальнего Востока. Знакомство с рукописными книгами особенно порадовало сборник стихов «Диван» поэта Мирзы хана Кабули, приобретенный через экспертно-закупочную комиссию. Стилистические

особенности миниатюр, его украшающих, позволяют отнести их к кашмирской школе. В собрании Отдела Востока имелась только одна рукопись, принадлежащая этой школе, — список поэмы Низами «Лейла и Меджнун», украшенный 26 миниатюрами. «Диван» Кабули иллюстрирован 47 миниатюрами. Их нарядно-уточенная, прекрасно сохранившаяся живопись раскрывает сюжеты и образный строй стихотворений, переписанных каллиграфическим почерком насталик. К числу достоинств вновь поступившего списка можно отнести не часто встречающиеся сведения: в колофоне (заключительной строке текста) указаны имя заказчика — Якуб Али хана и дата создания книги — 1228 г.х. (1812 год).

Через экспертно-закупочную комиссию был приобретен живописный свиток Госэда Хорю «Сражение Уэсуги Кэнсина и Такэда Сингэна». Подобных в эрмитажном собрании японского искусства не было. После революции Мэйдзи Госэда Хорю работал под влиянием европейской живописи, а эта его картина, по-видимому, более ранняя, выполнена в лучших традициях национального искусства укиё-э, и поэтому на ней лежат отблески «золотого века» японской культуры, сложившейся в период Гэнроку — конце XVII—XVIII вв.

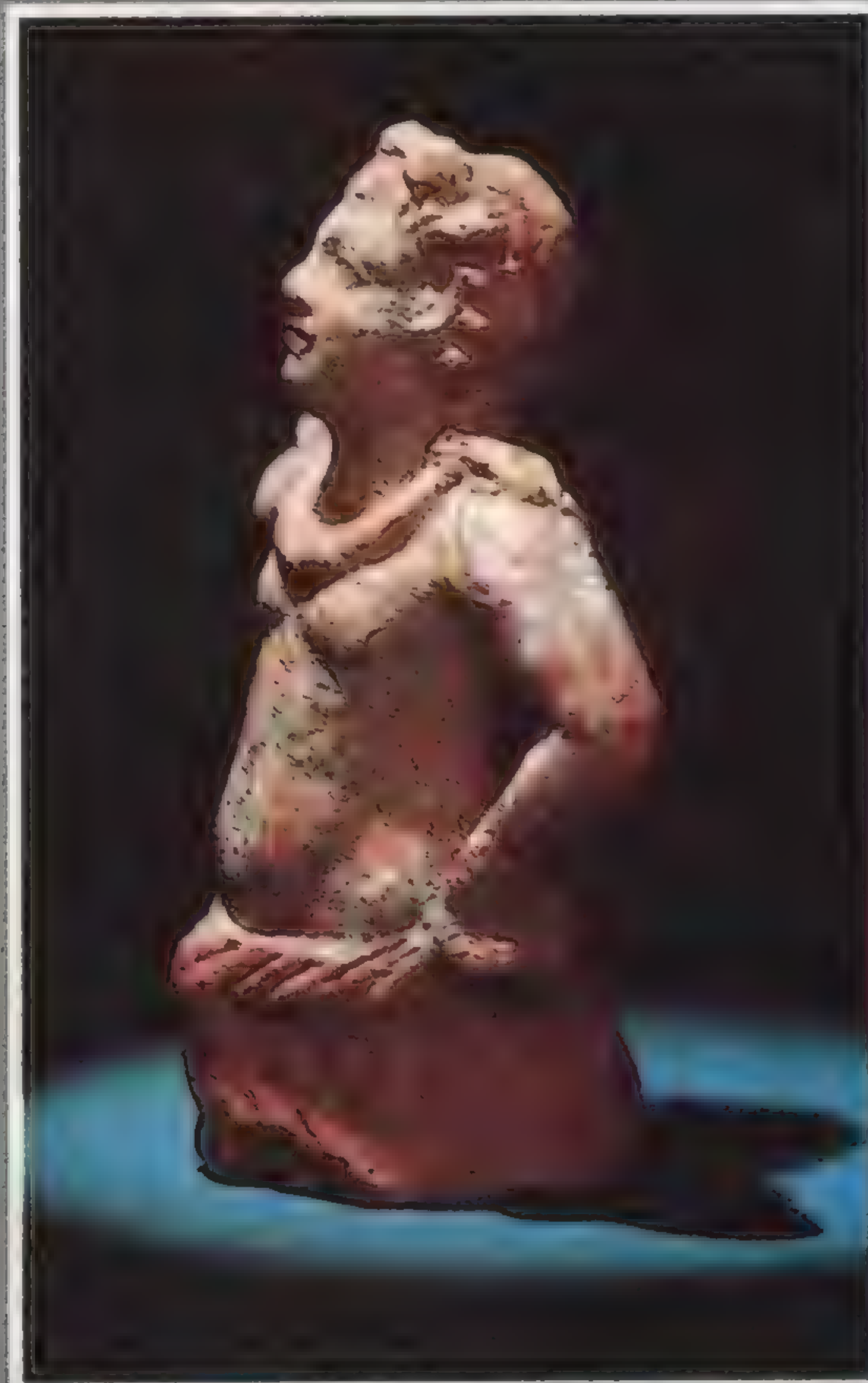
Еще более, чем географические, Вкладка 1.

обширные временные границы экспозиции. В глубины веков увлекают находки археологов, составляющие большую часть новых поступлений. Ежегодно Эрмитаж организует от 12 до 15 археологических экспедиций, которые в течение многих лет, а иногда и десятилетий, ведут раскопки в разных районах нашей страны. Так, уже четверть века раскапываются поселение городского типа и некрополь второй половины VI — начала IV в. до н.э. на острове Березань. Материалы этой экспедиции дают образцы привозной греческой керамики; из поступления 1986 года надо отметить два аска из Ионии, краснофигурный килик. Маленький, гармоничных пропорций лекиф с росписью, изображающей сражающихся воинов, является превосходным образчиком аттической керамики VI в. до н.э.

Продолжаются раскопки в святилище и части квартала с жилыми и хозяйственными постройками в Нимфее — там была обнаружена винодельня с цистерной емкостью до 7 тысяч литров. Наиболее интересными находками стали фрагменты краснолакового сосуда с рельефом, изображающим сцену охоты, а также терракотовая статуэтка актера-мима, исполняющего роль Сатира.

«Каменистая Таврида» представляет первостепенный интерес не

Карл Фридрих
РЕЙХЕРТ.
ПЕРВЫЙ ОТТИСК.
1861.

ЮНЫЙ САТИР.
СТАТУЭТКА-
МАРИОНЕТКА
АКТЕРА-МИМА.
I в. до н.э. — I в. н.э.

только для археологов-античников, но и для специалистов, изучающих средневековый Крым. В XX квартале Херсонеса исследуется подвальное помещение здания, погибшего от пожара в XIII веке. В кладовой, находившейся в подвале, обнаружены пять больших пифосов. В одном из них сохранились остатки хамсы, рядом лежали цедилки, миски, кувшины, воронка. Бронзовый крест и монеты помогли установить дату пожара. Замечательной находкой Золотордынской экспедиции, исследующей Старый Крым (средневековый Солхат), стала глиняная чаша, покрытая желтовато-зеленой глазурью; на ней в технике гравировки выполнено изображение сценки пира в гранатовом саду. Из села Лучистое близ Алушты происходит группа предметов, раскопанных А. И. Айбабиным в могильнике VII века и переданных Эрмитажу Симферопольским филиалом Института археологии АН УССР. Орлиноголовая серебряная пряжка, фибулы с накладками из серебра, золотые височные подвески с алмазными являются образцами «варварского» стиля, который присущ предметам быта и украшениям эпохи великого переселения народов.

В 1985 году Горно-Алтайская экспедиция возобновила раскопки в урочище Башадар. В малом кургане, вскрытом в сезон 1986 года, найдены разграбленное погребение человека и не тронутое грабителями захоронение коня. Здесь были обнаружены золотая пластина-налобник и великолепное ожерелье из клыков кабана. В погребении человека находились семь полусферических золотых бляшек и пять бляшек «звериного стиля» в виде головы сайги. Памятники древней Алтайской культуры VI в. до н. э. такого образца обнаружены в Башадаре впервые.

Нумизматическая коллекция Эрмитажа огромна — она включает бо-

лее миллиона монет, многочисленны клады, которые хранятся в неразрозненном виде. Казалось бы, что могут здесь добавить новые поступления? Тем не менее при большой полноте собрания монет от античности до XIX века включительно музей имел весьма скромное собрание монет современных. Этот пробел не давал возможности отразить в памятниках нумизматики огромные социальные сдвиги, происшедшие во всех странах мира в XX веке. Некоторое время тому назад благодаря содействию Министерства культуры СССР и Внешторгбанка этот раздел собрания стал активно пополняться. На выставках новых поступлений последних лет это стало заметно всем посетителям, интересующимся собиранием монет. Приобретаются в основном памятные монеты, поскольку, как правило, это изделия художественные: так, в 1986 году поступили серебряная монета в 50 марок «Калевала» из Финляндии, монета в 25 долларов «Охрана вымирающего вида кита» с Ямайки, золотая монета в 1000 долларов «Год Быка» из Гонконга, серебряные франки «Эмиль Золя» и «Виктор Гюго» из Франции, монета в 1000 лир серебром «Бах» из Сан-Марино. Отдельного упоминания заслуживают серебряные монеты КНР, входящие в серию «История». Одна из них, например, посвящена великому китайскому философу Лао Цзы — автору древнего трактата «Дао де цзин». На гладкополированной поверхности, отчеканенной зеркальным штемпелем, тончайший матовый рельеф представляет Лао Цзы сидящим верхом на буйволе; сбоку изображен знак «тай-цзи» («великий предел»), символически отражающий космические силы инь и ян. Каждая такая монета является подлинным произведением искусства.

Продолжение на вкладке 3.

Бернар БЮФФЕ.
НАТЮРМОРТ.
Фронтиспис книги
Ш. Сорлье
«Бернар
Бюффе — литограф»
Париж, 1979.

Мирза хан КАБУЛИ.
«ДИВАН».
Рукопись.
Кашмир. 1812.

НЕБО И ВЕТЕР СЕГОДНЯ ИНЫЕ

ЧЕТЫРЕ ЭСТОНСКИХ ПОЭТА

ПОЭЗИЯ СОВЕТСКОЙ ЭСТОНИИ ПРЕДСТАВЛЕНА СЕГОДНЯ ТАЛАНТЛИВЫМИ
И СВОЕОБРАЗНЫМИ МАСТЕРАМИ. ЭТО ЯАН КАПЛИНСКИЙ, ВИЙВИ ЛУЙК,
ЭЛЛЕН НИЙТ, ХАНДО РУННЕН, АРВИ СИЙГ, МАТС ТРААТ И МНОГИЕ ДРУГИЕ.
В ПУБЛИКУЕМОЙ ПОДБОРКЕ ПЕРЕВОДОВ — СТИХИ ПОЭТОВ РАЗНЫХ
ПОКОЛЕНИЙ: ЮХАНА ВИЙДИНГА И ПАУЛЯ-ЭЭРИКА РУММО, ДОРИС КАРЭВА
И ХАССО КРУЛЛЯ.

Пауль-Ээрик
РУММО

СЕВАЛКА

(Из цикла «Архаичные предметы»)

Всех псов цепных
спускает весенняя ночь
все с цепи сорвалось
все и вся до последнего
ночь весенняя

спущены псы цепные
все и вся до последнего
пущено в оборот
только севалка спит одиноко в холодном амбаре
мужик в сновиденьях является ей
чуть подвинет скрипучую дверь
впускает зарницу рассвета
мужик в сновиденьях является ей
вскинется севалка встреч повиснет на шее
явится въяве мужик
вот в нее зачерпнет семена сбереженные зерна
в ливне жавороньих трелей явится мужик
вот выходят они из ворот
вот всю землю они засевают.

Огромный винный рог подобен жизни —
им овладев однажды,
не отрешись, лишь расплещешь суть.
Иль ты испей до дна, иль стой остолбенело
в неловком ракурсе и позе непотребной,
блюдуший равновесие педант,
ты стой, покамест время не настанет,
и ты падешь.

ОСЕННИМ ВЕЧЕРОМ У МОРЯ

Шторм мелодичный, шторм методичный!
Да шторм ли это?
Может, это мятежное эн, или икс, или игрек,
безвозмездное слово
из единого, мощного, зачитанного,
истерзанного словаря?
Буквы его, страницы, знаки, значенья
разметались, витают, летают вот здесь, сейчас
в море, у моря, над морем
вечером осени,
всюду, повсюду,
езде.

Так вот, теперь я снег, я падаю, иду,
в сугроб собираюсь,
топчусь, формуюсь, обращаюсь
в бесформенность
и начинаю таять, таять, таю,
теку и впитываюсь в землю,

испаряюсь прочь,
где это — прочь, где прочь?

Как непреклонна все-таки душа!
Вся в изморози, в инее бескрайнем,
а на снегу, что изнутри окутал
ее равнину, не найти следа!

ЭПИЛОГ: *tempora mutantur**

Что из того, что времена меняются?
А мы? Ну кто, когда и как.
Пока не иссякнет, пока еще может, течет река,
порхает песок, оседает, порхая, песок,
гравий катится вместе с дорогой,
лишь основы незыблем кремень.

Да, времена меняются, река течет, как может,
через, вокруг и сквозь —
всепроницающий путь,

ты же знаешь,
как совладать тебе с этим
(если, конечно, знаешь).
Сам ты в конце-то концов —
странноприимная эта река,
текущая, зная — не зная,
хотя — не хотя,
между прочим, сама, как придется.
Остальное же будет, как есть.

Перевод Бориса АВСАРАГОВА.

Юхан
ВИЙДИНГ

Два одноруких мужика на пепелище,
издревле там они — палят остатки ржи.
И нет у них ножей, обувки с голенищем,
еще нет правды и подавно лжи.

ДОРОГА

Есть путь, где с факелами люди
всё на земле с землей хотят сровнять
обжоры все, злодеи, лизоблюды.
Не в силах повернуть. Путь этот вспять.

Цветов в молочно-розовом кувшине
и прочей мишуры мне не принять,
касаясь их.
Смертельный яд отныне
во мне.
Я должен якорь свой поднять.

КАРТИНА

Картина, будь в своем пределе,
не нарушай свои законы.

* Времена меняются (лат.).

В извечной сути рукоделья
однажды разглядим каноны.

И нет от плоскости спасенья,
так далека вблизи, объемна.
Но изначальные смятенья
здесь слишком выглядят подробно.

Не распадайся на частицы
в своей погибельной рутине —
тогда не сможешь возродиться.
Мы в этой встретимся картине.

Картина, в раме пребывая,
не тяготит своим пределом.
И снова явится, живая,
как в чудедействии умелом,
что обжигает и не губит...

Святое цельное пространство
спасает нас.
И значит — любит.

АПТЕКА

Ночной звонок — пароль, загадочное слово.
На эмалевой
вывеске белой черные знаки.
Сумеречь, дверь на замке.

Свет сочится из комнаты
дальней. Может, лампа настольная,
медный с цепочкой
висячей включатель — факел,
застывший в руке?

Прилавок из мраморных плит.
Думал, что ночь позвонила — вспомнил,
у ночи нет рук,
есть только крылья, накидка и тень.
Черные знаки на вывеске белой,
четыре похожих шурупа,
шпунтиков ряд параллельный.

Так и остался не тронутым мной —
этот звонок ночной.
Много же было тех, кто среди ночи звонил.
Им отворяли.

Минует день — Иванов день пройдет,
и для меня иссякнет этот год.
Закончен год еще в начале лета.
Свет не исчез. И все же столько света.

Прекрасней нет ночного летом неба.
Я на балконе. Словно я и не был.
Деревьев тени сквозь мое сознание.
Так странно. Это — мирозданье.

даже сквозь
утепленные окна
слышит
кузнециков голос
молчащее сердце
стучит и течет
во мне эта тихая кровь
меня изнутри высветляет

деревья ко мне подступают
всякий пламень становится чище
все этим поздним летом
и этой ночью жизни
и этой жизнью дня

гляжу на того кто взлетает
гляжу потому что я вижу
смеюсь потому что я плачу
все звезды вверху как и прежде
о небо
которого впрок!

ОСЕНЬ В РОДНОМ ГОРОДЕ

нас губит время сводит с нами счеты
корней деревьев поржавела цепь
цепь поливаю умножая звенья
еще каких мне возжелать богатств

след на земле оставлен в старом парке
скамья ногами приросла к земле
угаснет все и снова возгорится
вот как моя мужская жизнь течет

узор еще мои рисуют ноги
податель время забирает все
«который час?» — полно полночных псов
в том городе где я возник на свет.

Перевод Ларисы КУЗЬМИНСКОЙ.

Дорис
КАРЭВА

До того, как наступит Час,—
Помоги! И ничуть не боле.
Этим утром сквозь снег и ветки
Прикоснулась к сердцу молитва,
Та, которой губы не знали.

Безысходность грядет, а пока
Помоги, если можешь.

Перевод Раисы РОМАНОВОЙ.

Нет, я тот свет
забыть смогу едва ли.
Тот, мартовский...

Средь жуткой тишины
как больно небеса запылали!
Какие дали сделались видны!

Ах, если б мы себе поменьше лгали —
самим себе.
Как были б мы сильны.

Не будет другого, лучшего мира
для нас. Как ни один поступок
не переиначить.

Небо и ветер сегодня иные,
чем были вчера.
Нет, ни одной опоры нет
за хрупкой чертой.

Только свет.

Ты говоришь о любви,
ее беспощадном свете.
Ты говоришь о любви,
но голос не Твой, а смерти.

Прозрачна, честна, стоит
она за спиной Твоею,
во взгляде Твоем горит.
С Тобой говорила и с нею,

покуда не стало темно.
Так скорбно лютня звучала.
Мы замолчали давно.
А смерть еще напевала.

ЛЕС БЫЛ ОГРОМЕН, ОН СТОЯЛ СТЕНОЙ

меж тем, что невозможно и возможно.
Свежело. Ночь подкралась осторожно.
Он все чернел угрюмою стеной.

В одежде, что была светлей, чем свет,
вдруг женщина мелькнула за стволами.
Все ближе, ближе — легкими шагами,
в одежде, что была светлей, чем свет.

Над нею нимбом серебрился сон.
Смеялась про себя, и жизнь в ней билась.
Босая шла и, видно, торопилась.
Над нею нимбом серебрился сон.

Лес был огромен, он стоял стеной.

Неведомой тропой любовь проходит,
но ощутимы дух ее и ток
почти во всем — к чему ни прикоснись.

Так тихо к небу тянется росток,
головку поворачивая к свету.

Какой другой инстинкт
столь же глубок?..

Перевод Марины ТЕРВОНЕН.

ХАССО
КРУЛЛЬ

Вечер. По продольному темно-синему
снегу СПУСКАется
рыжая злоба заката.

Луна, что зеленых тритонов
плела, сама уплыла
береза белобрюхая,

в меня глядящий СТВОЛ!
Одежда в холод согревает, охраняет.
От красок снега, серебристой стужи.
Талантлива зима!

В стрекочущий огонь бросай все это,
прохлада, ой, жара в моем доме.
Луна в зеленом головастике
увидела меня, береза белобрюхая,

в меня глядящий СТВОЛ!
Камин пылает, освещая лоснящийся мой нос.
Так монархичен зимний сон, в барокко,
с балдахином,

в злаченых, движущихся и восточных
птицах,
с несбыточным пейзажем.

Сном тайного убийцы оснащает
меня способная зима.

Запах розы впотьмах,
словно юная смерть.
Так в саду отвратительны влажные тени,
придорожный фонарь и заоблачный месяц,
птичье пенье, беззвучные воды.
Ни высоких, ни низких тонов.
Ровный щебет. И месяц
с незримой, без смысла улыбкой.

Долгое лето. Благоухает шиповник.
Земля как упругая лодка,
как бездонное жирное брюхо;
с ней один на один — я теряюсь.
Малиновый длинный ковер,
по которому я прохожу
через море. К берегу волны закат прибивают.
Деревца шелестят безымянные.

Только более
сдержанно море шумит.
На берегу я стою, созерцая других
берегов очертанья.

Перевод Ларисы КУЗЬМИНСКОЙ.

Сотрудники британского разведывательного
управления установили, что среди них работает
двойной агент. Он передал за границу секретную
информацию. Идет проверка служащих, имеющих
к ней доступ. Один из них, Артур Дэвис, дважды
был замечен, когда выносил секретные документы,
и подозрение, естественно, падает на него. Вместе
с Дэвисом работает Морис Касл. Он в отличие от
Артура уже давно служит в разведке. Работая
в Южной Африке, он полюбил чернокожую.

Расисты узнали об этом и стали
шантажировать Касла, склоняя его
к сотрудничеству с ними. Из-за этого Морису
пришлось спешно покинуть Преторию. Африканку
Сару, ставшую впоследствии женой Касла, спасли
от тюрьмы коммунисты, тайно переправив ее
в соседнюю страну. С тех пор Морис ненавидит
южноафриканских расистов и тайно помогает
коммунистам в их борьбе с режимом апартеида.

Глава VI

Поезд Касла задержался в Беркампсте-
де на сорок минут — где-то на линии в районе Тринга
ремонтировали пути. Войдя в кабинет, Касл ощутил
какую-то пустоту. Дэвиса на работе не было. Каслу
и раньше доводилось находиться в кабинете одному,
когда Дэвис, например, отправлялся на лэнч, в туа-
лет или в зоопарк на встречу с Синдрой.

Только через полчаса Касл наткнулся на записку,
которую Синдра оставила в ячейке для входящих
документов: «Артуру нездоровится. Полковник
Дейнтри хочет переговорить с вами». Касл не сразу
понял, о каком Артуре шла речь, так как привык
называть Дэвиса по фамилии. «Не исключено, — по-
думал Касл, — что Синдра наконец стала отвечать
Дэвису взаимностью. И потому назвала его в записке
по имени». Касл набрал телефон Синдры и спросил:

— Что с Дэвисом?
— Точно не знаю. Его сосед из министерства окру-
жающей среды позвонил и сказал, что у Дэвиса боли
в желудке.

— Может быть, с похмелья?
— Если бы только это, он наверняка позвонил бы
сам. Я не знала, как мне поступить, поскольку вас
тоже не было, и передала все доктору Персивейлу.

— И что он сказал?
— То же, что и вы. Предположил, что Дэвису
плохо с похмелья. Оказывается, они вчера вместе
провели вечер и изрядно выпили. Доктор собирает-
ся навестить его днем, поскольку сейчас занят.

— С Дэвисом что-то серьезное?
— Судя по всему, дело не просто в похмелье.
Вообще если что-то не так, доктор Персивейл сразу
бы отправился к нему, правда?

— Учитывая, что «С» сейчас в Вашингтоне, у Пер-
сивейла, наверно, не так много времени для заня-
тий медициной, — возразил Касл. — Я зайду к Дейн-
три. В каком он сидит кабинете?

Касл открыл дверь семьдесят второго кабинета.
Там находились Дейнтри и доктор Персивейл. Касл
почувствовал, что своим появлением прервал их
беседу.

— О, Касл, — обратился к нему Дейнтри. — Я как
раз хотел переговорить с вами.

— Ну, я пошел, — заметил доктор Персивейл.
— Вернемся к нашему разговору позже, Перси-
вейл. Не согласен с вами, простите, но никак не могу
согласиться.

— Помните, что я вам говорил по поводу квадра-
тов на картине Бена Николсона.

— Но я не художник, — возразил Дейнтри. —
К тому же не разбираюсь в абстрактной живописи.
Так или иначе, побеседуем с вами позднее.

После ухода Персивейла Дейнтри немного помол-
чал, затем заметил:

— Не люблю, когда делают поспешные выводы.
Мне всегда внушали, что следует полагаться только
на факты, достоверные факты.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 1—7.

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР

Грэм ГРИН

Роман

Рисунки
Геннадия
НОВОЖИЛОВА

— Вас что-то беспокоит?
— Если речь идет о серьезном заболевании, необходимы анализы крови, рентген... Не надо догадываться о диагнозе.
— Вы о докторе Персивейле?
— Даже не знаю, с чего начать,— ответил полковник.— В принципе мне не следовало бы говорить с вами об этом.
— О чем?
На письменном столе стояла фотография хорошей девушки. Дейнтри не отрывал глаз от нее. После небольшой паузы полковник спросил Касла:
— Вы никогда не чувствуете себя здесь чертовски одиноким?
Касл растерялся, затем ответил:
— Понимаете, мы хорошо ладим с Дэвисом. Поэтому все воспринимается совсем иначе.

— Дэвис? Ну, да. Я как раз хотел поговорить с вами о нем.
Дейнтри встал из-за стола и подошел к окну. Полковник напоминал сейчас заключенного, томящегося в камере.
— Какой-то серый день,— заметил он.— Судя по всему, наступила настоящая осень.
— «И поменялось и опустело все вокруг»,— процитировал Касл.
— О чем вы?
— Строка из гимна, который мы пели в школе.
Дейнтри вернулся к столу и снова взглянул на фотографию.
— Моя дочь,— пояснил он, словно считал себя обязанным представить девушку.
— Поздравляю. Она просто очаровательна.
— Выходит замуж на этой неделе, но не знаю, буду ли присутствовать на свадьбе.

— Вы не в восторге от жениха?
— С ним, кажется, все в порядке, хотя мы никогда не встречались. Просто не представляю, о чем с ним говорить? О детской присыпке «Джеймсона»?
— Детской присыпке?
— Дело в том, что фирма «Джеймсон» пытается вытеснить с рынка фирму «Джонсон». Так по крайней мере мне объяснила дочь.
Дейнтри сел за стол и погрузился в невеселые раздумья.
— Дэвис заболел,— обратился к нему Касл.— Сегодня я пришел немного позже. День для болезни он выбрал неудачный. Надо отправлять почту в Заир.
— Тогда не буду вас задерживать. Не знал, что Дэвис заболел. Надеюсь, ничего серьезного?
— Думаю, да. Доктор Персивейл собирался его сегодня навестить.

— Персивейл? — удивился Дейнтри. — А что, у него нет своего врача?

— Понимаете, если Дэвис посмотрит Персивейл, тогда визит доктора оплатит наша контора.

— Ясно. Но мне кажется, работая здесь, доктор Персивейл несколько оторвался от врачебной практики.

— По всей видимости, это не такой уж сложный случай.

— Касл, мне хотелось спросить, довольны ли вы Дэвисом.

— Что вы имеете в виду под «доволен»? Мы неплохо сработались с ним.

— Иногда мне приходится задавать весьма глупые вопросы, точнее, донельзя простые вопросы, но ведь я отвечаю за безопасность. Поэтому мои вопросы не всегда таят в себе глубокий смысл. Дэвис — азартный игрок, не так ли?

— Да, он играет на скачках. И любит говорить о лошадях. Честно говоря, сомневаюсь, чтобы он много выигрывал или, наоборот, проигрывал.

— Он выпивает?

— Если и выпивает, то, видимо, не больше меня.

— Значит ли это, что вы полностью ему доверяете?

— Целиком и полностью. Мы все, конечно, можем ошибаться. Разве есть основания для претензий? Не хотелось бы, чтобы Дэвиса переводили в какое-нибудь другое место, за исключением, пожалуй, Лоренсу-Маркиша.

— Забудьте, о чем мы сейчас беседовали, — заявил Дейнтри. — Подобные вопросы я задаю практически обо всех. И даже о вас. Вы случайно не знаете художника Николсона?

— Нет, а он тоже работает у нас?

— К нам он отношения не имеет. Иногда, — продолжил полковник, — мне кажется, я перестаю понимать людей. Кстати, интересно: вы, наверно, каждый вечер возвращаетесь домой, к семье?

— В принципе да.

— Если по той или иной причине вам придется заночевать здесь, в городе... мы могли бы вместе поужинать.

— Такое случается редко, — ответил Касл.

— Конечно, понимаю.

— Видите ли, моя жена начинает волноваться, когда остается дома одна.

— Естественно. Все понятно. Мне это просто так пришло в голову. — Полковник Дейнтри снова посмотрел на фотографию. — Мы время от времени ужинали с дочерью вместе. Молю бога, чтобы она была счастлива. Тут я вряд ли чем помогу, не правда ли?

В комнате воцарилось затяжное молчание, которое воздвигло между ними непреодолимое препятствие.

— Моему сыну еще далеко до женитьбы, — заметил Касл. — Поэтому, слава богу, у нас таких проблем нет.

— Вы ведь бываете здесь по субботам, не так ли?

А что, если вам задержаться в городе еще на часок или два?.. Я никого не знаю из приглашенных, кроме дочери, конечно, и ее матери. Она сказала — я имею в виду дочь, — что я могу пригласить на свадьбу кого-нибудь из сослуживцев. Для компании.

— Конечно, с удовольствием пойду с вами... если вы действительно считаете это удобным... — ответил Касл.

Касл почти всегда откликался на просьбы о помощи, хотя в данном случае просьба и не была высказана в открытую.

В тот день Каслу пришлось остаться без обеда. Его раздражало не то, что он был голодным, а то, что нарушили распорядок дня. Вдобавок Касл чувствовал себя не в своей тарелке. Ему очень хотелось, чтобы с Дэвисом все обошлось.

Когда в час дня Касл собирался покинуть огромное безымянное здание, в котором работал, заперев в сейфе документы, в том числе и банальную записку своего шефа Уотсона, он столкнулся в дверях с Синдрой.

— Хочу поговорить с Дэвисом. Пойдешь со мной?

— Зачем, собственно говоря? Мне нужно еще сходить в магазины. Почему это вы к нему собрались? Ведь вроде ничего серьезного не случилось?

— Вроде нет, но я решил все же навестить коллегу. Он ведь один томится в квартире. А мальчики — соседи из министерства появляются там только к вечеру.

— Доктор Персивейл хотел зайти к нему.

— Да, видимо, он уже был. Я подумал, что, может, ты согласишься составить мне компанию... ну просто посмотрим, как он там...

— Хорошо, только если ненадолго. Наверно, можно обойтись и без цветов, как вы думаете? Ведь мы не в больницу идем?

Дэвис был в халате, когда открыл им дверь. Касл обратил внимание, как он обрадовался, увидев Синдру. Потом он понял, что она не одна.

— А, ты тоже пришел... — без энтузиазма протянул Дэвис.

— Что с тобой, Дэвис?

— Не знаю точно. Наверно, ничего особенного. Скорее всего дает о себе знать старушка печень.

— Звонил твой сосед и сказал, что у тебя боли в желудке, — встала Синдра.

— Печень расположена где-то рядом с желудком, не так ли? Или рядом с почками? Чертовски плохо разбираюсь во внутренних органах.

— Я застелю тебе постель, Артур, — предложила Синдра, — пока вы тут поболтаете.

— Нет, прошу тебя, не стоит. Кровать просто слегка помята. Присаживайся и располагайся поудобнее. Хочешь что-нибудь выпить?

— Это вы с Каслом можете выпить, а я заправлю постель.

— Характер у нее что надо, — заметил Дэвис. — Что тебе, Касл, налить? Виски?

— Благодарю. Только чуть-чуть.

Дэвис достал два бокала.

— Тебе самому, наверно, не стоит, если пошаливает печень. Что конкретно сказал доктор Персивейл?

— Ну он, как положено, постарался запугать меня. Ты ведь знаешь медиков...

— Ничего, могу выпить в одиночку.

— Так вот, Персивейл заявил, что, если я не возьму себя в руки, мне не избежать цирроза печени. Завтра я иду на рентген. Я сказал, что выпиваю не больше других. Он же стал мне объяснять, что у организма разная сопротивляемость. Последнее слово всегда за врачами.

— Я бы на твоём месте воздержался от выпивки.

— Он посоветовал сократить дозу потребления спиртного, вот я и налил себе ровно вполовину меньше обычного. И еще я пообещал отказаться от портвейна. Думаю выдержать в течение недели, а может, двух. На какие только жертвы не приходится идти! Очень рад, что ты навестил меня. Знаешь, а этот доктор Персивейл меня не на шутку напугал. По-моему, он не говорит всей правды. Некрасиво получится, если меня решили послать в Лоренсу-Маркиш, а он возьмет и не разрешит поездку. И еще одно... Они говорили с тобой обо мне?

— Нет. Дейнтри лишь спросил сегодня утром, доволен ли я твоей работой. Разумеется, я ответил, что доволен, очень доволен.

— Ты хороший друг, Касл.

— Все дело, видимо, в злополучной проверке. Помнишь, когда ты встречался с Синдрой в зоопарке... Я им тогда сказал, что ты у зубного, но...

— Вот именно. Такой уж я невезучий, что вечно попадаюсь. Стараюсь все делать по правилам. Это, видимо, моя интерпретация лояльности. А вот ты не такой. Если, скажем, я возьму документ, чтобы почитать его за ленчем, то меня наверняка застукают. Ты, я заметил, тоже время от времени берешь с собой документы — и ничего. Умеешь рисковать. Говорят, это вменяется в обязанность священникам. Так что, если я действительно виноват в утечке информации, разумеется, неумышленной, приду к тебе на исповедь.

— В надежде на то, что я отпущу тебе все грехи?

— Нет, отнюдь. В надежде хоть на какую-то справедливость.

— Тут ты, Дэвис, как раз и ошибаешься. Ни малейшего представления не имею, что значит «справедливость».

— Так ты просто приговоришь меня к расстрелу на рассвете?

— Не угадал. Я все прощаю людям, которые мне нравятся.

— Тогда выходит, что ты, а не я, представляешь главную угрозу нашей службе безопасности, — пошутил Дэвис. — Как долго, по-твоему, будет продолжаться эта чертова проверка?

— До тех пор, пока они не обнаружат источник информации, или, наконец, решат, что никакой утечки вообще не было. Не исключено, что в контрразведке не так поняли, как следовало.

— Или все дело в женщине, Касл? Действительно, ведь может, виновата женщина? Скажем, одна из наших секретарш, если никто из нас — ни ты, ни я, ни Уотсон — невиновен. Вообще мне от этого не по себе. Как-то на днях Синдра пообещала поужинать со мной. Я ждал ее в «Стоунзе», за соседним столиком сидела милая девушка и тоже кого-то ждала. Мы с улыбочкой смотрели друг на друга, как соратники по несчастью. Я готов был заговорить с ней — и тут меня осенило: а вдруг ее подослали следить за мной? Может, они подслушали, как я по рабочему телефону заказывал столик в ресторане? И Синдра, вероятно, не пришла, поскольку ее тоже задержали. Представь только, кто появился и подсел к девушке за столик? Попробуй догадайся — сам Дейнтри.

— Очевидно, это была его дочь.

— В нашей конторе и дочерей используют, разве не знаешь? Какая же дурацкая у нас профессия. Никому нельзя доверять. Теперь я даже Синдру опасаясь. Вот сейчас она заправляет мне кровать, и одному только богу известно, что она хочет там

найти. Но, кроме вчерашних крошек хлеба, там ничего нет. Может, они и хлебные крошки подвергнут анализу, вдруг на одной из них окажется микрофото.

— Мне пора. Надо заняться заирской почтой.

Дэвис поставил бокал на стол.

— Черт побери, после того, как Персивейл наговорил тут всякого, даже вкус виски изменился. Думаешь, у меня действительно цирроз печени?

— Нет, но какое-то время тебе надо быть поосторожней с выпивкой.

— Легче сказать, чем сделать. Когда не по себе, я, естественно, тянусь к бутылке. Ты счастливчик, у тебя есть Сара. А как дела у Сэма?

— Он часто тебя вспоминает. Сэм говорит, что лучше тебя никто не умеет играть в прятки.

— Прелестный маленький чертенок. Как бы мне хотелось тоже иметь маленького чертенка! От Синдры. Блажен, кто верует!

— Климат в Лоренсу-Маркише не столь благоприятен...

— Ничего, говорят, что дети до шести лет тамошний климат переносят нормально.

— Ну, что же, может, Синдра действительно стала к тебе благосклонней. Так или иначе, но именно она заправляет твою постель.

— Вот именно, окружил меня материнской заботой. Синдра из тех девушек, которым постоянно нужен объект для почитания. Ей импонируют серьезные люди, как ты, например. Все дело в том, что, когда я действительно серьезен, я не умею выглядеть серьезным. Я очень смущаюсь. Разве я могу кому-нибудь нравиться?

— Сэму ты очень нравишься.

— А я вот сомневаюсь, что Синдра будет в восторге от игры в прятки.

В комнату вернулась Синдра и сказала:

— Твоя кровать в жутком состоянии. Когда ее в последний раз заправляли?

— Прислуга приходит сюда по понедельникам и пятницам, а сегодня у нас четверг.

— Почему ты тогда ее сам не заправишь?

— Видишь ли, ложась спать, я просто натягиваю на себя одеяло и простыни.

— А твои приятели из министерства окружающей среды? Они-то хоть следят за порядком в квартире?

— Дело в том, что их научили не обращать внимания на беспорядки, пока официально не доведут до сведения.

Дэвис проводил их до двери. Синдра сказала ему: «Увидимся завтра» — и стала спускаться по лестнице. Оглянувшись, она крикнула, что спешит сделать кое-какие покупки.

— «Не стоило так смотреть на меня, если хотела оставить меня равнодушным», — процитировал Дэвис.

Касл удивился, он не представлял себе, что Дэвис читал когда-то стихи Браунинга, разве что в школе.

— Итак, пора и мне на работу, нужно заняться твоей почтой.

— Извини, Касл, надо думать, как это раздражает тебя. Но, честно, я не симулирую, и дело вовсе не в том, что накануне я выпил. Просто какая-то слабость в ногах, руках, они меня не слушаются...

— Иди ложись.

— Да, пожалуй. Сэму бы сейчас не понравилось, как я играю в прятки, — добавил Дэвис, облокотившись о перила и наблюдая, как Касл спускается по лестнице. Когда Касл был уже в самом низу, Дэвис снова окликнул его: — Касл?

— Что? — Касл посмотрел вверх.

— Как ты думаешь, мне болезнь не помешает?

— Помешает чему?

— Поехать в Лоренсу-Маркиш, там бы я стал совсем другим.

— Я сделал все, что мог. Поговорил об этом с нашим «С».

— Ты прекрасный парень, Касл. В любом случае спасибо тебе.

— Ложись и отдыхай.

— Да, я так и сделаю.

Но Дэвис не уходил, а стоял на лестничной клетке и смотрел вслед Каслу.

Глава VII

Касл и Дейнтри приехали в мэрию последними и присели в конце зала. Четыре ряда пустых кресел отделяли их от остальных гостей. В общей сложности собралось человек двенадцать. Приглашенные, словно два соперничающих клана во время венчания в церкви, критически и недоверчиво поглядывали друг на друга. Казалось, их сможет примирить только шампанское, подаваемое в конце.

— Наверно, это Колин, — предположил Дейнтри, показав на молодого человека, который подошел к его дочери, стоявшей у стола регистрации. — Не знаю даже его фамилию, — добавил полковник.

— Что там за женщина с носовым платочком? Видимо, она чем-то расстроена.

— Моя жена, — ответил Дейнтри. — Надеюсь, нам удастся улинуть до того, как нас заметят.

— А вот этого делать не надо. Ваша дочь тогда так и не узнает, что вы были здесь.

Регистратор приготовился произнести речь. Кто-то из присутствующих призвал к тишине, словно они находились в театре и уже подняли занавес.

— Фамилия вашего зятя Клаттерз¹, — прошептал Касл.

— Вы уверены?

— Не очень, но прозвучало нечто похожее.

Регистратор обратился к новобрачным с краткой приветственной речью, которую иногда именуют светской проповедью. Несколько гостей, наигранно поглядывая на часы, направились к выходу.

— Вам не кажется, что нам тоже пора уходить? — переспросил Дейнтри.

— Нет.

Никому, видимо, не было до них никакого дела, когда они вместе со всеми вышли на Виктория-стрит. Такси, подобно залетным птичкам, одно за другим подбирало гостей, и Дейнтри снова попытался отстать от свадебного кортежа.

— Это несправедливо по отношению к вашей дочери, — убеждал его Касл.

— Даже не знаю, куда все направляются, — настаивал Дейнтри. — Вероятно, куда-то в гостиницу.

— А мы поедем за ними.

Так они и поступили, сев в такси вслед за остальными, миновали «Харродз» и погрузились в легкий осенний туман.

— Не представляю, в какую гостиницу все поехали... — заметил полковник. — Кажется, мы потеряли их из виду. — Он подвинулся вперед, чтобы лучше рассмотреть идущую впереди машину. — Не повезло, однако. Я узнал затылок своей жены.

— Но вы могли и ошибиться.

— Да нет, тут я совершенно уверен. Ведь мы прожили вместе пятнадцать лет, — мрачно добавил Дейнтри. — И семь лет, как не разговариваем.

— Шампанское устранил все проблемы, — заверил полковника Касл.

— Терпеть не могу шампанского. Чертовски мило с вашей стороны, Касл, что вы решили поехать со мной. Я не вынес бы это в одиночку.

— Мы только выпьем по бокалу и уедем.

— Понятия не имею, куда мы направляемся. В этом районе я вообще давно не был. Похоже, здесь появилось много новых гостиниц.

На Бромптон-роуд такси попало в пробку.

— В таких случаях обычно едут домой, к невесте, — заметил Касл, — или устраивают свадьбу в ресторане.

— Да у дочери, по сути, и нет своего дома. Считается, что она снимает квартиру вместе с подругой. На самом деле она довольно давно живет с этим парнем по фамилии Клаттерз. Ну и ну!

— Не исключено, что я ошибаюсь. Фамилию жениха произнесли недостаточно четко.

Гости вылезали из такси у маленького симпатичного домика. По счастливой случайности приглашенных оказалось не очень много — домики в районе были прямо-таки игрушечными. Если в таком домике собиралось, скажем, более двадцати человек, то казалось, что стены вот-вот прогнутся или не выдержат полы.

— Я понял, куда мы попали, — на квартиру жены, — пояснил полковник. — Слышал, что она приобрела домик где-то в районе Кенсингтона.

Они прошли к дому и по тесной лесенке поднялись в гостиную. На столиках, книжных полках, камине возвышались фарфоровые совы, которые отпугивали гостей своими дугобразными хищными клювами.

— Да, разумеется, это ее квартира, — заметил Дейнтри. — У нее всегда была страсть к совам, однако за последнее время, судя по всему, она полюбила их еще больше.

В толпе, стоявшей у буфета, им никак не удавалось рассмотреть дочь Дейнтри. Захлопали пробки от шампанского. Был здесь и свадебный торт, который украшала маленькая сова на розовой сахарной подставочке. Высокий мужчина с усами, подкрученными, как у Дейнтри, подошел к ним и предположил:

— Не знаю, кто вы, тем не менее прошу не отвлекать без внимания шампанское.

По манере говорить незнакомца вполне можно было принять за участника первой мировой войны. Выглядел он рассеянным и беспечным хозяином торжества.

— Мы решили сэкономить на официантах, — объяснил мужчина.

— Меня зовут Дейнтри.

— Дейнтри?

— Да, моя дочь выходит сегодня замуж, — сухим тоном заметил полковник.

— О, стало быть, вы и есть муж Сильвии?

— Да. А вот ваше имя я не расслышал. Незнакомец отошел в сторону, разыскивая хозяйку.

— Сильвия! Сильвия! — выкрикивал он.

— Давайте уедем отсюда, — в отчаянии обратился Дейнтри к Каслу.

— Но ведь надо поприветствовать вашу дочь. Сквозь толпу собравшихся у буфета энергично пробиравшаяся хозяйка дома. Касл узнал женщину, которая плакала на церемонии бракосочетания, однако сейчас она отнюдь не выглядела расстроенной.

— Дорогой, Эдвард сказал мне, что ты здесь, — обратилась она к полковнику. — Как мило с твоей стороны. Знаю, ведь ты всегда ужасно занят.

— Да, ты права. Нам действительно пора. Познакомься, пожалуйста, с мистером Каслом. Он тоже из нашей конторы.

— Ох, уж эта проклятая контора. Рада познакомиться, мистер Касл. Нужно найти Элизабет и Колина.

— Не стоит их беспокоить. Нам на самом деле надо уходить.

— Я приехала сюда тоже только на один день. Из Брайтона. Меня привез Эдвард.

— Кто такой Эдвард?

— Он мне очень помог. Заказал шампанское и все остальное. Женщине в подобной ситуации требуется помощь настоящего мужчины. А ты, дорогой, насколько не изменился. Сколько лет прошло?

— Шесть или семь.

— Как быстро бежит время.

— У тебя значительно пополнилась коллекция сов.

— Сов? — Она прошла немного вперед, разыскивая дочь и зятя: — Колин, Элизабет, идите сюда!

Молодые подошли, держась за руки. Дейнтри плохо представлял себе дочь, так открыто по-детски проявляющую свои чувства. Однако она скорее всего считала, что на свадьбе принято держать жениха за руку.

— Как замечательно, папа, что тебе удалось прийти. Знаю, тебе это не по вкусу.

— Просто раньше мне никогда не доводилось присутствовать на подобных церемониях.

Полковник посмотрел на молодого человека, на нем был совсем новый костюм в полоску с гвоздикой в петлице. Черные блестящие волосы жениха аккуратно подстрижены и уложены.

— Рад познакомиться, сэр. Элизабет очень много рассказывала о вас.

— Не могу похвастаться тем же, — ответил Дейнтри. — Так, значит, вас зовут Колин Клаттерз?

— Не Клаттерз, отец. Почему ты так решил? Его фамилия — Клауф. Я хочу сказать, что теперь у нас обеих фамилия Клауф.

Вновь прибывшие гости, которые не присутствовали на официальной церемонии, несколько оттеснили Касла от полковника Дейнтри. Какой-то человек в двубортном пиджаке заметил:

— Ни одной души не знаю здесь, за исключением, конечно, Колина.

Послышался звон разбившегося фарфора. Возглас миссис Дейнтри заглушил голоса приглашенных:

— Ради бога, Эдвард, это случайно не сова?

— Нет, нет, дорогая, не беспокойся, просто пельница.

— Ни одной души здесь не знаю, — повторил мужчина в двубортном пиджаке. — Меня, между прочим, зовут Джойнер.

— А меня — Касл.

— Вы знакомы с Колином?

— Нет, я пришел сюда с полковником Дейнтри.

— А кто это?

— Отец невесты.

Где-то зазвонил телефон, но никто не обратил на него внимания.

— Вам обязательно надо познакомиться с Колином. Он — отличный парень.

— У него какая-то странная фамилия, не так ли?

— Странная?

— Ну да... Клаттерз...

— Но его зовут Клауф.

— Извините, видимо, я не расслышал.

Снова что-то разбилось. Эдвард успокаивающе прокричал хозяйке:

— Не волнуйся, Сильвия! Ничего серьезного! Все совы целы!

— Он устроил буквально революцию в нашей комнате.

— Вы вместе работаете?

— Да, поэтому можете запросто называть меня мистер Джеймсон — детская присыпка.

Эдвард взял Касла под руку и спросил:

— Вас зовут Касл?

— Да.

— Вас просят к телефону.

— Никому не известно, что я здесь.

— Звонит какая-то девушка. Кажется, она чем-то расстроена. Еще она добавила, что дело неотложное.

Касл сразу подумал о Саре. Она знала, что он

собирался на свадьбу, но даже Дейнтри не ведал, куда они в конце концов поедут. Неужели снова заболел Сэм? — Касл спросил: — Где телефон?

— Идемте со мной.

Они прошли в спальню. Трубка белого телефона в изголовье белой двуспальной кровати, охраняемой белой совой, была уже положена.

— Прошу прощения, — начал Эдвард. — Надеюсь, позвонят снова.

— Она назвалась?

— Мне не удалось расслышать имя из-за этого гама. По-моему, девушка плакала. Пойдемте и выпьем еще шампанского.

— Если вы не против, я побуду здесь, у телефона.

— Тогда извините, что не могу составить компанию. Мне надо приглядывать за этими совами, понимаете? Сильвия не переживет, если хоть одна из них разобьется. Я предлагал убрать их на время, но у нее в коллекции больше ста штук. В комнатах без них было бы как-то пусто. А вы друг полковника Дейнтри?

— Мы с ним работаем вместе.

— Ну да, в каком-то засекреченном заведении, правда? Немного неловко, что мы с ним так встретились. Сильвия не думала, что он придет на свадьбу. Может, мне надо было остаться дома. Из чувства такта. Однако кто бы тогда присматривал за этими совами?

Касл присел на краешек широкой белой кровати. Белая сова, стоявшая рядом с белым телефоном, уставилась на него так, словно приняла его за переселенца, только что нелегально пробравшегося на окраину этого снежного континента, где даже стены были белого цвета и пол застилал белый ковер. Касл испугался... испугался за Сэма, за Сару, за самого себя. Страх, будто невидимый газ, струился из трубки молчавшего телефона. Он и все, кого он любил, оказались под угрозой таинственного телефонного звонка. Шум, доносившийся из гостиной, казался Каслу не чем иным, как глухим отголоском компании, отрезанной от мира покровом чистого снега. Снова зазвонил телефон. Касл подвинул белую сову и снял трубку. Он с облегчением услышал голос Синдры:

— Это М. К.?

— Да, но как ты узнала, что я здесь?

— Я пыталась дозвониться в мэрию, но вы уже уехали оттуда. Тогда я нашла телефон миссис Дейнтри в телефонном справочнике.

— Что случилось, Синдра? У тебя дрожит голос.

— М. К., случилось ужасное. Артур умер.

И снова он на какое-то мгновение задумался, кто такой Артур.

— Дэвис? Умер? Но ведь он собирался выйти на работу на следующей неделе.

— Да. Его обнаружил прислуга, когда зашла прибраться в комнату. — У Синдры не было сил говорить дальше.

— Я приеду сейчас на работу, Синдра. А доктор Персивейл в курсе?

— Он-то мне и сообщил об этом.

— Пойду и расскажу все полковнику Дейнтри.

— Да, М. К., как я теперь жалею, что не была с Дэвисом ласковее. Я только и сделала для него, что заправила кровать.

Касл слышал, как Синдра сдерживается, чтобы не разрыдаться.

— Постараюсь приехать побыстрее. — Касл повесил трубку.

В гостиной было по-прежнему тесно и шумно. Торт уже разрезали, и собравшиеся искали укромный уголок, куда можно пристроить свои тарелки. Дейнтри стоял с куском торта в руках у столика, заставленного совами.

— Именем всевышнего, Касл, давайте уедем отсюда, — произнес он. — Я ничего тут не понимаю.

— Дейнтри, мне позвонили с работы. Умер Дэвис.

— Дэвис?

— Его уже нет. Доктор Персивейл...

— Персивейл! — воскликнул Дейнтри. — Боже мой, этот человек...

Полковник сунул кусочек торта куда-то между совами, задев серую сову, которая упала на пол.

— Эдвард! — раздался женский голос. — Джон разбил серую сову.

Эдвард сразу устремился в их сторону.

— Но, Сильвия! — воскликнул он. — Я же не могу везде быть одновременно.

Миссис Дейнтри подошла к ним.

— Джон, старый болван, чтоб тебя... Я тебе этого никогда не прощу — никогда! Какого черта ты вообще делаешь в моем доме?

— Пойдемте, Касл, — ответил Дейнтри. — А тебе, Сильвия, я куплю другую сову.

— Эту ничто уже не заменит.

— Умер наш коллега, — проговорил Дейнтри. — Его тоже никто уже не заменит.

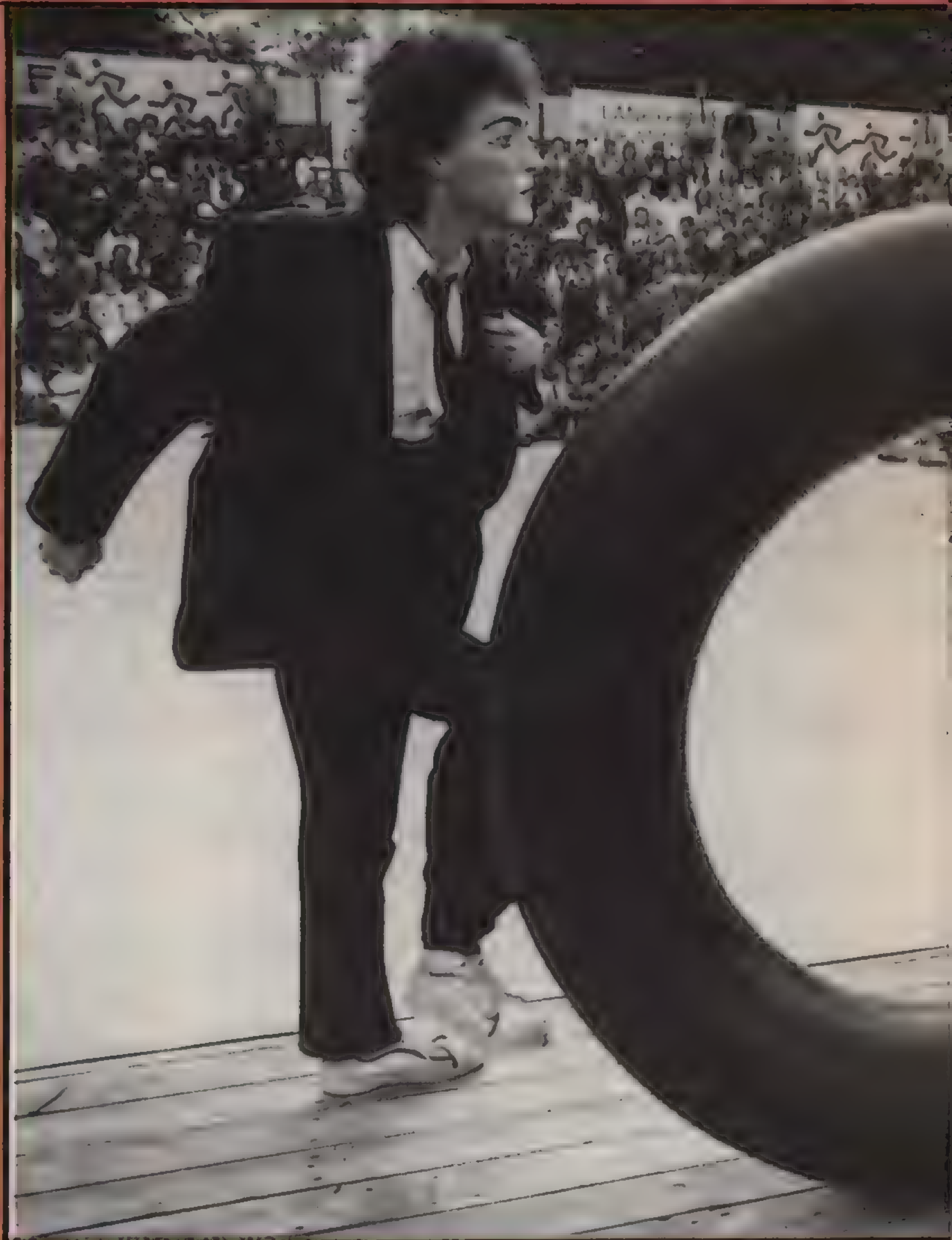
Перевела с английского Мария ОСИНЦЕВА.

Продолжение следует.

¹ По-английски дословно «суматошный».

ОХОТА НА ПОПУГАЯ

РАДОСТНЫЕ ЗРИТЕЛИ,
СЧАСТЛИВЫЕ ТАНЦОРЫ,
ЖИЗНЕРАДОСТНАЯ,
ВЕСЕЛАЯ ПТИЧКА —
ЭТО И ЕСТЬ СТАВШИЙ
УЖЕ ЗНАМЕНИТЫМ
НА ВСЮ СТРАНУ
ФЕСТИВАЛЬ
СОВРЕМЕННОГО ТАНЦА
В ПАЛАНГЕ «ПОПУГАЙ».
ЭТИ СНИМКИ СДЕЛАНЫ
ФОТОКОРРЕСПОНДЕНТОМ
ЮРИЕМ ФЕКЛИСТОВЫМ
ПРОШЛЫМ ЛЕТОМ.
ПЛАНЫ НЫНЕШНЕГО ГОДА
БЫЛИ НЕ МЕНЕЕ ИНТЕРЕСНЫ,
НО СКОРЕЕ ВСЕГО
ФЕСТИВАЛЬ «ПОПУГАЙ-88»
НЕ СОСТОИТСЯ...

К

огда доброе дело все же состоялось, о барьерах мы пишем с доброй иронией, словно бы о чем-то таком, без чего и наш герой не был бы героем. Известно ведь, что «новатор» всегда сталкивается с «бюрократизмом». Но на гребне удавшегося праздника оставшиеся позади барьеры кажутся уже почти бутафорскими, как бы нарочно придуманными для испытания героя на прочность.

Но вот праздники отшумели, газетные очерки прочитаны и подшиты, осветительные приборы ТВ погасли и...

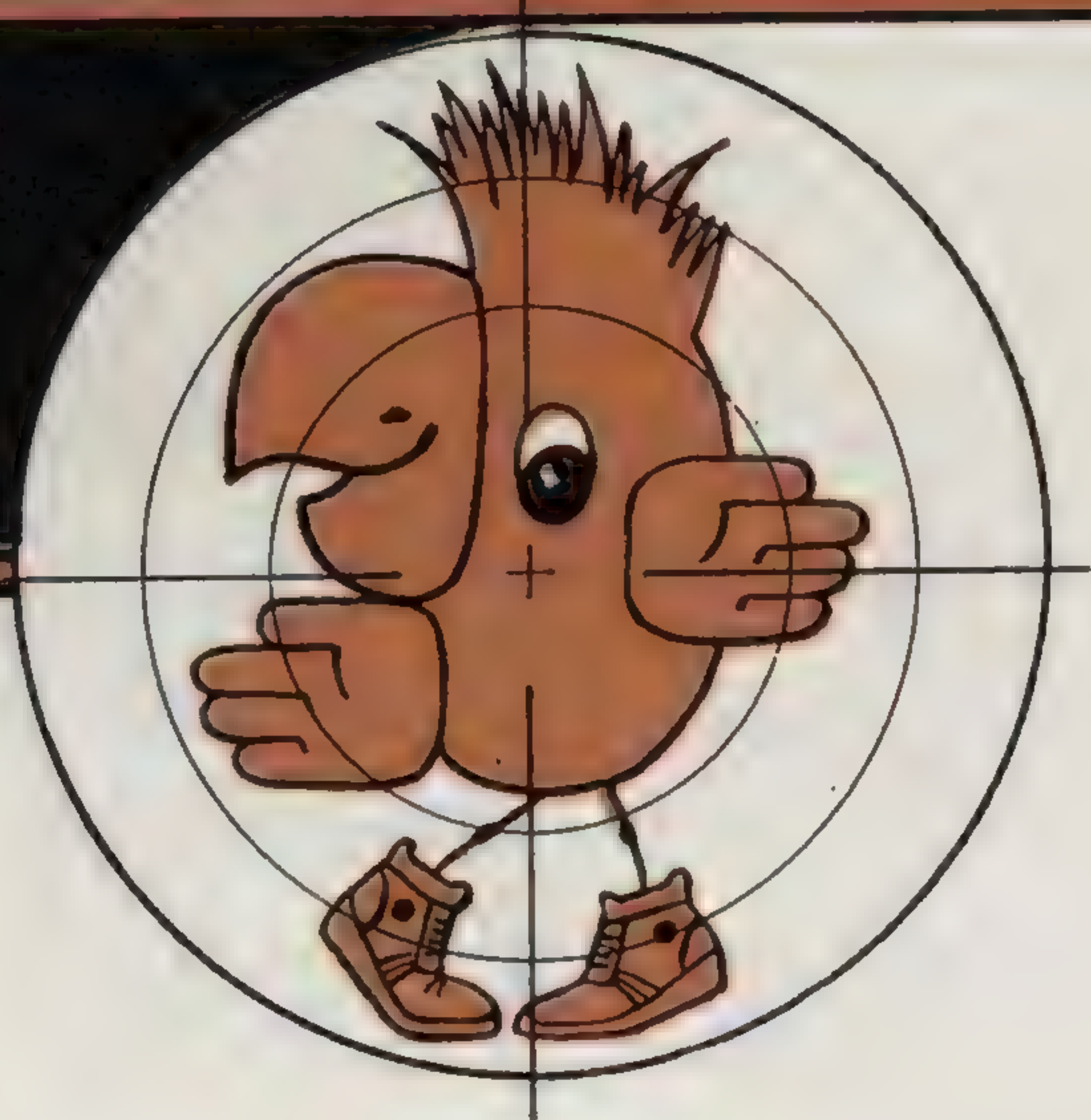
История молодежных фестивалей «Попугай» в Паланге, о которых писали центральные газеты, журналы, в том числе и «Огонек», насчитывает два года. Два. И третьего, возможно, не будет. Недавно Гедиминас и Дайва Мондейки получили, по существу, предложение уволиться: «Извещаем, что самовольно занятое помещение в административном здании парка культуры и отдыха вы должны освободить... В противном случае дело будет передано в суд». И две подписи: директор парка культуры и отдыха Паланги В. Якштас и председатель профкома Л. Габренас. Правда, вторая подпись — чистая формальность, профком не собирался и не обсуждал этой бумаги.

Ох, как узнаваемы печальные черты бюрократической войны! Впору писать учебник по ее стратегии и тактике.

А начинали, казалось, как близкие друзья. Тогда Гедиминас и Дайва работали в Шяуляе. Познакомились с Виктором Якштасом, директором парка, случайно, на каких-то курсах для культработников и были очарованы. Выходило так, что молодой директор парка в Паланге, умеющий оценить идеи, борется там, у себя, в одиночку с рутинной, хочет, чтобы «парк нашел свое лицо». Ему нужны вот такие, как Дайва и Гедиминас, — люди широкого, смелого дыхания. С квартирой — да, в Паланге трудно, но есть комната

МОЛОДЕЖЬ:
ДЕЛА. ПРОБЛЕМЫ.

В СУМЕРКАХ

в административном здании, живите пока там, поставим на очередь, добьемся.

Гедиминас год, как вернулся из армии. До этого он окончил училище, работал на заводе. И везде был лучшим диск-жокеем. Ему всегда хотелось начать «свое дело», и вот замаячило: «поднимать» парк практически с нуля, возможности самые широкие. Так они с Дайвой приехали в Палангу.

Поселившись в маленькой комнатенке с пятиметровыми потолками, с пятью углами, похожей на граненый стакан и предназначенной, видимо, под склад, Гедиминас построил там второй этаж, настелил полы, провел воду — все своими рука-

ми. А работать он начал так: за неделю до переезда приехал в Палангу, походил по местным барам, где слоняются шестнадцатилетние ребята, присмотрелся и, как рассказывает, выбрал одного, «с самыми умными глазами», пошел с ним покурить. Мол, вот есть «вариант», буду делать дискотеку, приходи через неделю в парк, приводи друзей. В субботу они с Дайвой переехали в Палангу, а в воскресенье у него уже собрался актив будущего дискотеки. Якштас сказал: «О!». Тогда еще казалось, что они единомышленники.

Сотни зрителей и участников, собирающихся на фестивали брейк-данса в Паланге, вряд ли знают, что «Попугай» — надводная часть айсберга, это «гран-вариант», если употребить излюбленное словечко Гедимины. А подводная — это дискотека с дискотеккой, которую ведет Гедиминас, и кружком современного танца — его ведет Дайва. И все это — наглядно связанное целое. Ты поднимаешься по лестнице на второй этаж,ходишь в зал дискотеки — здесь проходят и репетиции Дайвы, и вечера отдыха — и не сразу в нем заметишь дверь — прямо тут же, за стенкой дискотеки они и живут в своей странной самодеятельной комнате. «Как там можно жить, не представляю, — сказал мне один из работников парка. — Днем скрипят аттракционы, вечером гремит дискотека. Он там и за диск-жокеем, и за сторожа».

Этот зал, как и свою комнатенку, он получил в первозданном виде — голый бетон. Два десятка старшеклассников сами превратили его в дискотеку — изменили акустику, наклеив на стены покрытие, покрасили потолок, установили аппаратуру, оформили. Ничего удивительного в том, что в рабочем кабинете Гедимины в стаканчике для карандашей торчат и победитовые сверла.

Чем объяснить удачу Гедимины и Дайвы? Талант? Да. Я же думаю, что дело еще и в их

удивительной «непуганности», почти детской доверчивости и открытости. Рядом с ними чувствуешь себя попавшим в такое «энергетическое поле», где все растет как на дрожжах. Два года в Паланге, а в активе у Дайвы танцевальная группа, занявшая первое место по рок-н-роллу в Москве, ее ребята приглашены сниматься на телевидении, в московском спортивном издательстве Дайва готовит пособие по брейку, а у Гедиминаса — диско-клуб, два всесоюзных фестиваля брейкеров...

Но речь теперь не о том, как «Попугай» поселился в Паланге, а о том, как его душили. Увы, безрадостно пересказывать, как скандал в очереди. Никто ведь не скажет прямо: «Нельзя ли чего-нибудь поскромнее, чтобы поменьше хлопот, меньше риска». Большие идеи и свободное, не перехваченное испугом мышление душат мелочами.

Вида Кштатутскене пришла в парк раньше Гедиминаса. Открытая улыбка, юмор и такая же чувствительность к «бюрократизму», как у Гедиминаса. Ее пристрастие — литовские фольклорные танцы.

«У нас сейчас каждое подразделение по любому поводу обменивается бумагами, — говорит она. — Если нужен плакат — заявка художнику, вкрутить лампочку — электрику. С точки зрения «исполнительской дисциплины», это вроде бы гарантирует надежность. Но на самом-то деле верный признак распада коллектива».

Я слушал ее и думал: бюрократия — это ведь не всегда мафия с какими-нибудь чудовищными злоупотреблениями. Но всегда — некий стиль, и его узнаешь сразу. Его можно описывать так, как энтомологи описывают бабочек — признак за признаком.

...А Дайва Мондекене и сегодня так и не может до конца поверить в то, что они с Гедиминасом просто обманулись, «купились» на видимость интеллигентности.

Да, оказалось, что их размах ни к чему. Уже через полгода весь культмассовый сектор почувствовал себя пасынком в парке (ну, и в самом деле! — основная прибыль-то — от аттракционов; так что в парке культуры и отдыха «культура» вроде инвалида-иждивенца) — полтора года сектор не получал премий. И это уже при всесоюзной популярности «Попугая»!

Да и сам-то «Попугай»?! Одни ведь хлопоты. Дошло до того, что при подготовке «Попугая-87» В. Якштас заявил, что отключит служебный телефон Гедиминаса: слишком много междугородных переговоров (?!). Клайпедскому горкому комсомола пришлось практически «купить» этот телефон, то есть дать обязательство оплатить все переговоры Гедиминаса. Уместно добавить, что «Попугай» — акция вполне рентабельная. В этом году парк вложил в его подготовку 3 тысячи, получил — 13.

Виктору Якштасу 34 года. Он окончил мореходку, несколько лет ходил радистом на судне, а на суше судьба занесла его в директорское кресло. С приходом новой «команды», а ее — это стоит подчеркнуть — собрал именно Якштас, парк из убыточных прыгнул в прибыльные, причем цифры пошли шестизначные. Работать бы и работать, но... «почему-то» ушел художник, автор талантливых плакатов «Попугая», ушел один из опытейших строителей города, и вот уже на очереди художественный руководитель.

Что же случилось?

Похоже, что не выдержал Виктор Якштас соседства с людьми талантливыми. Да, что-то случилось именно с ним самим, и, наверное, ответ на этот вопрос открывает подлинный смысл конфликта в палангском парке.

От первых успехов «понесла» директора идея самокупаемости. Идея сегодня престижная, но в обращении тонкая: есть опасность попасть под «магию цифр». Безоглядно отнес успехи парка Виктор Якштас на свой счет и начал предлагать плановые цифры не от возможности и разумного, а от желаемого. Началась гонка. Впопыхах монтировали аттракционы, а когда выяснилось, что в срок уложиться не удастся, пришлось бежать в исполком — «корректировать» план. Без всяких консультаций начал закупать все новые и новые аттракционы. Народный контроль не заглядывает в парк, а зрелище грустное: прямо под окнами директорского кабинета гниют под проливными дождями два автопоезда, купленные, что называется, «на ура»... Привезли на место — выяснилось, что нельзя их пустить в условиях Паланги.

Да, Виктору Якштасу не хватает компетентности, но я бы не поставил ему это в вину. Повторюсь: «команда» была, да и сейчас отчасти отличная. Не хватило такта. Такт — пустяк, казалось бы, понятие нематериальное, но — вот парадокс! — его отсутствие бьет и по материальной стороне дела.

Жаль, что исполком Паланги уже год смотрит на конфликт в парке как на естественную, «дарвиновскую» борьбу за выживание. Если его позиция не изменится и Гедиминас с Дайвой вынуждены будут уйти, то победит вовсе не «сильнейший».

Конфликт местного значения, как говорится. Ну, а если посмотреть на него с «птичьего полета»? Увидеть его на карте сегодняшней молодежной жизни?

Пестрая карта, цветной ковер, яркая ткань из многих нитей. От семидесятых годов она досталась нашему десятилетию вся в разрывах. Какой узелок ни возьми — будь то МЖК, городские молодежные объединения на хозрасчетной основе, или движение дискуссионных клубов, или музыкальные фестивали — везде густеют тромбы организационных проблем и везде сейчас нужны

менеджеры. А именно так я назвал бы Гедиминаса Мондейку — это менеджер молодежной культуры, причем уже нового склада, нового поколения.

Они были, конечно, и в семидесятые годы, когда всякие запреты создали, например, так называемый «подпольный рок». Организаторы рок-фестивалей, рок-клубов — они были биты не раз, когда всякая молодежная массовость, не инспирированная сверху, а возникающая сама собой, воспринималась с подозрением. А что говорить о «вожаках»? На них тень подозрения ложилась двойная. И они жили в полулегальном мире, в поисках ДК, залов, аппаратуры, в поисках «ширмы», прикрытия, всегда под угрозой следствия, потому что все в этом деле оказывалось почему-то противозаконным. Сейчас на дворе 1988-й, и Борис Гребенщиков поехал в Америку записывать пластинку, а в 80-м я шел на домашний концерт «Аквариума» в Москве при строгой конспирации.

Может быть, читатель скажет: так обстоит именно с рок-музыкой, — вот ведь есть у нас группа писателей, которые категорически против этой молодежной субкультуры по нравственным соображениям. Легко могу себе представить, что кому-то не нравится брейк, а уж многочисленные фестивали брейкеров — тем более. Но дело тут не в борьбе мнений, такая борьба естественна. И не в рок-музыке и в брейке, а только в том, что массовость многих явлений молодежной жизни вызывает страх у должностных лиц.

Страх массовости — это синдром. Тот, кто боится и не умеет, находит разные объяснения, но сквозь них всегда слышит одно слово: «Хлопотливо». И из-за этого «хлопотливо» и появляются все остальные сомнения и соображения. Ведь вспомним: и такое движение, как Клуб самодетельной песни, с многолетними традициями, с проверенными формами, сталкивалось с сопротивлением там, где возникали массовые формы, — закрывали большие московские слеты, пытались урезать знаменитый грушинский фестиваль в Куйбышеве.

На пестрой карте сохраняется прежняя диспозиция: те, кто не может, те, для кого иметь дело со стихией молодежной жизни «хлопотливо», бьют тех, кто умеет и у кого это получается талантливо. А семидесятые годы уже показали, к чему это приводит: от битья люди уходят в подполье, искривляются характеры, усиливается оппозиционность, а те, кто бьет, ставят им это в вину. Иногда эта схема обнаруживает себя достаточно ясно, как в недавних публикациях о подпольных рок-журналах. В чем их только не обвиняют?! И все же эти обвинения были бы справедливы, если бы...

Если бы у нас был молодежный музыкальный журнал! Но его нет. И если начать перечислять то, чего у нас нет, имея в виду стратегию организации молодежной жизни, то, наверное, не хватит пальцев и двух рук. Но это тема для другого, большого разговора. А если вернуться к «Попугаю», к молодежным фестивалям?

Они у нас, говоря словами Жванецкого, «почему-то пока не получаются». Почему? Вот уже вышло на сцену новое поколение организаторов, есть инициативные группы, есть кого пригласить, но... часто в этом сюжете появляется «дядя», который в последнюю минуту спрашивает: «А зачем?» Так был закрыт фестиваль молодежных коллективов «Мы и современность» в Таганроге, на который съехались члены всесоюзного заочного дискуссионного клуба. С таким же «дядей» столкнулись инициаторы «Фестиваля Мира» в Челябинске. В прошлом году их фестиваль, как и «Попугай» в Паланге, прошел при радостном внимании прессы, а по поводу многих замечательных смелых идей «ФМ-88» — тех самых, каких нам не хватало в молодежном движении за мир в семидесятые годы, — уже прозвучали эти «зачем?» и «хлопотливо!».

Поздно ночью, уже в самом конце разговора, Гедиминас подвел такой итог: «Начинать в другом городе, на новом месте — это значит еще два года отдать на то, чтобы обжиться. Только-только работа пошла — и надо уходить...» И он покачал головой. Да, это совсем не «гран-вариант».

На следующий день я еще раз встретился с Виктором Якштасом. Искреннего разговора не получилось: двадцать минут он упорно доказывал юридическую правомерность выселения Гедиминаса и Дайвы из парка. Так что приходится сомневаться: состоится ли «Попугай-88»? Не кончится ли охота на попугая в сумерках гибелью этой смелой и иронической птицы?

Александр МОРОЗОВ

Паланга — Москва.

ФЛАГМАН ОРДЕРА

70 ЛЕТ СОВЕТСКОЙ АРМИИ И ВОЕННО-МОРСКОМУ ФЛОТУ

НОВАЯ НОЧЬ. БЕТОННЫЙ ПИРС
ЭНСКОЙ БАЗЫ КРАСНОЗНАМЕННОГО
ТИХООКЕАНСКОГО ФЛОТА.
ВОЕННЫЕ КОРАБЛИ, ПРИЖАВШИЕСЬ
ПЛЕЧОМ К ПЛЕЧУ, ХРАНЯТ ТИШИНУ.
ВАХТЕННЫЕ У ТРАПОВ,
КОСО ПОГЛЯДЫВАЯ НА НАШИ
ГРАЖДАНСКИЕ КУРТКИ,
ПЕРЕДВИГАЮТСЯ МЕДЛЕННО, ЧТОБЫ
НЕ ГРОМЫХНУТЬ САПОГАМИ
О ПАЛУБУЮ СТАЛЬ;
ЗА ПЕРЕБОРКАМИ СПЯТ ДРУЗЬЯ,
РОВЕСНИКИ. ВЧЕРАШНИЕ МАЛЬЧИШКИ.
СНЫ ИХ СПОКОЙНЫ.

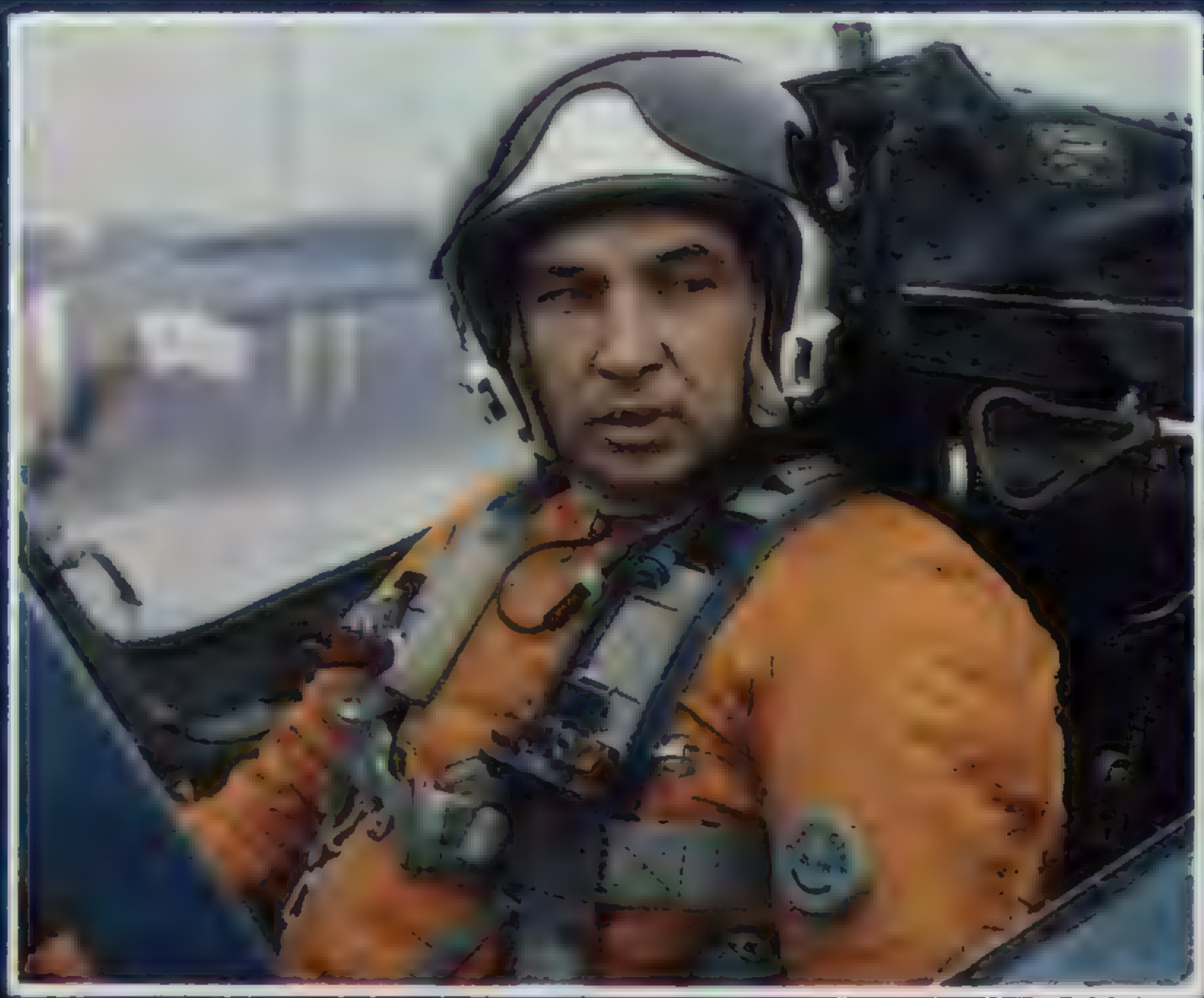
А утром встреча с нашим кораблем. Командирский катер, посланный за нами, расталкивая сонную волну, шел на внешний рейд. Силуэт «Новороссийска» — сразу за боновыми воротами. Надвигающаяся громадина. На флоте мы служили срочную, бывали в командировках на кораблях различных рангов. Такого еще не видывали. Подсвеченный океанским рассветом, корабль

КОРАБЛЬ

поражал размерами прямолинейной палубы.

Противолодочный авианесущий крейсер «Новороссийск». Служит на Тихоокеанском флоте. Вахту несет от арктических льдов до тропических вод. На борту крейсера, точнее в его огромной утробе, готовые в любую минуту «выпорхнуть», базируются вертолеты и самолеты с вертикальным взлетом. «Новороссийск» — океанская плавающая крепость в десятки тысяч тонн водоизмещением.

Это мощь современных ракетных

комплексов, торпедных и оружейных установок, крупнокалиберных и зенитных пулеметов. Тысячи помещений и коридоров. Знакомя нас с «Новороссийском», капитан 2-го ранга Дмитрий Островский предупредил, что для полного осмотра корабля потребуется несколько суток.

Просторна лишь полетная палуба. Остальное: отсеки, рубки, кубрики, каюты, — до предела заполнено приборами, механизмами, аппаратами. Сравнить корабль можно с городским микрораионом, только имеющим собственное радиовещание и телецентр. Центральный командный пост сродни крупному вычислительному центру солидного института. Электронные машины ЦКП поглощают в себе данные разнообразной информации и выдают оценку реальной обстановки. Экраны дисплеев высвечивают надводные, подводные, воздушные цели. Фиксируют их местонахождение, скорость, расстояние. Корабль синтезировал в себе последние достижения научно-технического прогресса. ЦКП — сердце сложнейшего корабельного организма.

Корабельная авиация — дело новое, сложность работы летчиков увеличивается по сравнению с обычной в несколько раз. Летчик работает часто при полном отсутствии ориентиров. Только приборы ведут петчика к цели.

Продолжение на стр. 24.

НА ПЕРВОЙ ПОЛОСЕ ВКЛАДКИ.

- НОЧНЫЕ ПОЛЕТЫ
- ГОРНИСТ КОРАБЛЯ
МАТРОС Р. ЛЫТКИН

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ.

- ГЕРОИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
Ю. И. ЧУРИЛОВ
- КОМАНДИР «НОВОРОССИЙСКА»
Е. Я. ЛИТВИНЕНКО
- ТЕЛЕЦЕНТР КОРАБЛЯ
- НА ПОЛЕТНОЙ ПАЛУБЕ

Фото Геннадия КОПОСОВА.

РАЙМОНД ПАУЛС:

Вообще-то я не оратор. Но с того времени, как стал работать главным редактором музыкальных программ, а потом и художественным руководителем Латвийского радио, мне все чаще дают слово как в теле- и радиопередачах, так и на страницах прессы. Поначалу я больше шутил, затем раз от раза становился серьезнее, начал что-то критиковать, обозначать пробелы в надежде помочь прежде всего тому жанру, в котором работаю. Нет, я не очень верю, что дожусь когда-нибудь перемен, за которые ратую... Почему? Несколько раз после моих выступлений в прессе мне звонили из Союза композиторов СССР и предлагали: мол, ты нас критикуешь, так прими участие в исправлении недостатков — и приглашали на всевозможные заседания и комиссии. Шел, надеясь: «А вдруг на самом деле...», — но уже в первый перерыв, досадуя на потерянное впустую время, собирался и уходил. Вот и сейчас, чтобы не выглядеть болтуном, не буду распространяться о наших музыкальных и околмузыкальных проблемах «вообще», не стану повторять то, о чем не раз уже говорил журналистам... Коснусь лишь того, с чем ежедневно сталкиваюсь в работе на радио.

КТО УМЕЕТ

НЕСКОЛЬКО
МОНОЛОГОВ
В ЗАПИСИ
НАШЕГО
КОРРЕСПОНДЕНТА
ТАТЬЯНЫ
СЕКРИДОВОЙ

ДИРИЖИРОВАТЬ?

Мы сегодня говорим о необходимости перестройки в области музыки, но мне, к сожалению, пока встречалось слишком мало музыкантов, которые хотели бы перестроиться. Что значит перестроиться в нашем деле? Я считаю: начать наконец честно работать! Мы же пока чаще лишь болтаем о перестройке. Вот мы на республиканском радио и начали с весьма конкретного дела: решили разобраться в организации труда штатных творческих коллективов.

Все радиокomiteеты Советского Союза по структуре примерно похожи: в штате у них симфонические оркестры, камерные или эстрадные хоры — одним словом, большие коллективы, которым государство выделяет дотации, и немалые. Сами по себе сегодня симфонические оркестры, например, существовать уже не могут, но и обойтись без этого серьезно-го вида музицирования ни один культурный народ позволить себе тоже не может. Жанр должен жить. Но речь не о том. А о том, какими должны быть все эти творческие коллективы на радио. На мой взгляд, ответ единственный — высокопрофессиональными. Ведь требования к музыкантам, работающим в основном в студиях записи, куда более высокие, чем к концертующим составам. Казалось бы, дилетантам на радио делать нечего. На деле же коллективы эти крайне низкого уровня! Почему? Получают неплохую постоянную зарплату, записями заняты довольно мало, есть возможность выступать в концертах — положение куда выгоднее, чем у филармонических коллег, а работают настолько плохо...

Расскажу, как решил разобраться со своими, так сказать, подчиненными на Латвийском радио. Мы начали с хора. В нем шестьдесят семь человек. В последние годы внутри коллектива началось какое-то внутреннее брожение: воюющие друг с другом и дирижером группировки, бесконечные скандалы... Начинаю слушать их записи и вижу, что хор и звучать стал плохо... В чем причина? Может быть, виновато руководство радио? Но оно вроде бы в дела хора не вмешивается... Значит, коллектив нуждается во внутренней перестройке. Каким образом? На первый взгляд сделать ее довольно просто — у нас на радио теперь вводится новая договорная система: мы заключаем договор с каждым исполнителем коллектива персонально. И можем, разобравшись с каждым в отдельности, выяснить, соответствует ли его профессиональный уровень требованиям хора. Если нет — договора с ним не заключать, а принять на его место того, кто этого по-настоящему заслуживает.

Однако, когда начался этот процесс конкурсов и заключения договоров, мы оказались в очень сложной ситуации: одному до пенсии несколько лет осталось доработать, у другого много детей, третий больной, четвертый ветеран, пятый... Но ведь иного выхода у нас нет, мы все равно должны добиться качественного звучания хора, а значит, провести в нем необходимые замены. Вот тогда-то и началась в коллективе настоящая битва за «насиженные, теплые места» и посыпались обвинения в непрофессионализме в адрес руководителя, дирижера...

Все правильно, и я за то, чтобы во главе коллектива стоял высокопрофессиональный руководитель.

Может оказаться, что какие-то его взгляды и выводы ошибочны или проявились, скажем, неважные человеческие качества. Если это отрицательно сказывается на работе хора, то и на такого руководителя вскоре найдется управа — соберется художественный совет, разберется и может высказать ему, что общего языка, видимо, нам не найти и поэтому лучше расстаться... Возможен ведь и такой вариант. Но коли уж человек занял пост руководителя коллектива, он должен получить и право решать самостоятельно, кто может петь в его хоре, а кто — нет, поскольку он хозяин коллектива, подчеркиваю, хозяин, и ему в первую очередь отвечать за качество звучания хора. И мы у него должны спрашивать, подходит ли ему в коллективе этот певец или нет. А диктаторские принципы в этой работе считаю даже необходимыми: когда дирижер встает у пюльта, в студии, где находится хор, должна быть нормальная рабочая обстановка. У нас же в коллективе только и слышно было: «Тот умеет дирижировать, тот не умеет...», — но что сами петь не могут, в расчет брать никак не хотели...

Ну с хором мы вроде бы разобрались: поставили художественным руководителем и вторым дирижером молодых ребят, произвели необходимые замены в составе и теперь ждем его первого выхода на публику — концерта в зале университета. Здесь же наверняка соберутся и все «обиженные», и жаждавшие провала и мести... Оказывается, мы посмели «тронуть» в своей реорганизации и не заключили договора с человеком, которого на протяжении уже многих лет считалось, что «трогать» нельзя: влиятельная поддержка и тому подобное... Но я всегда был против всевозможных группировок и «кланов», никогда с ними не считался. И если был уверен, что поступаю правильно, доводил дело до конца и выигрывал. Знаю, ради чего «заварил» эту «кашу» сегодня, и должен добиться желаемого результата.

А в симфоническом оркестре, например, появились у нас какие-то крикуны. Их немного — трое-четверо. Послушаешь и диву даешься: вроде бы серьезные люди, играют серьезную музыку, а чем они занимаются?... Один из них, между прочим, профсоюзный деятель, во всеуслышание заявляет: «Я все буду делать наоборот тому, что говорит администрация!» Ну а нам что делать с человеком, у которого во главе угла такие принципы? Единственный выход — расстаться с ним, и немедленно!

Пожалуй, я не хуже любого из них разбираюсь, что такое творчество и работа творческого коллектива. И так же знаю, что мы должны отвечать за качество нашей творческой продукции. Поэтому и считаю, что одинаково строго нужно спрашивать за плохую игру и с молодого музыканта, и с имеющего звание «заслуженного», а не оглядываться на его былые успехи. И если на конкурс в симфонический оркестр придет молодой парень из консерватории и будет играть в сто раз лучше «заслуженного», который уже много лет сидит в оркестре и мимо нот «пилит», мы возьмем все-таки молодого.

Но опять же, повторюсь, решающее слово должно быть за художественным руководителем, которому, увы, составители правил договоров забыли дать реальную власть в коллективе. Снова нам рекомендуют собирать комиссии, развести бумаготворчество, писать характеристики... А почему, собственно, эти характеристики должен писать я, главный редактор? Откуда я могу знать, не работая непосред-

ственно с оркестром, что из себя представляют скрипач, сидящий за пятым пультом?! Это дело только художественного руководителя!

Следующий на очереди в нашей цепочке — эстрадно-симфонический оркестр. И я уже не раз говорил музыкантам: «Товарищи, вы мне напоминаете Рижский радиозавод, выпускающий приемники, которые никто не покупает!.. Вашу продукцию не хочет брать ни одна редакция радио...» Недавно от эстрадного отделения нашего радио мы получили письмо, в котором говорится, что «пора остановить это никчемное производство и записывать то, что нам нужно, или вообще прекратить свое существование...». Казалось бы, это должно вызвать внутри коллектива желание разобраться в своих творческих неполадках. А вместо этого, что меня крайне поразило, они стали искать автора этого послания! Когда же им думать о творчестве?..

Вообще со страшным подозрением отношусь я к этому красивому званию «эстрадно-симфонический оркестр». Мне совершенно непонятно, кто это выдумал. Может быть, просто для того, чтобы музыкантам больше платить?.. Я тоже за то, чтобы платить профессиональным музыкантам больше, но при чем тут название? К чему эта профанация? У меня, к примеру, есть давняя мечта — создать при Латвийском радио оркестр танцевальной легкой музыки. Однако платить им по существующей у нас пока системе будут меньше, чем каким-то бездарным музыкантам эстрадно-симфонического оркестра. А почему?! Не пора ли отменить все эти старые названия и формулировки, пересмотреть расценки и платить музыкантам столько, сколько они реально заслуживают, а не подгонять их зарплату под названия и звания...

Вот, к слову, пример из серии невероятного, но очевидного: «Мы уже заслуживаем звания академического», — говорили мне музыканты симфонического оркестра. И стали добиваться этого: подготовили документы, прошли инстанции — звание получили. И что же вы думаете? Уже на следующий день они меня напрямую спрашивают: «А когда нам зарплату повысят?..» А ведь получают они совсем немало при том, что заняты на радио ежедневно всего часа по четыре, ну и примерно раз в неделю имеют концерты. Причем никто не запрещает им работать где-то еще... И живут они не хуже меня, и машины все имеют. Только я не думаю, чтобы они работали так же много, как я, зато кричать...

В свое время меня поразил так называемый «ефремовский процесс» во МХАТе. Ведь сколько нервов он стоил всем актерам! Я долго думал: откуда у нас это появилось, почему? Не верю я, что в своем театре Станиславский во всем спрашивал бы мнение худсовета. Он был главным режиссером, главным хозяином театра. Возможно, со своими ошибками, но они забывались за главным результатом — в блестяще поставленном и сыгранном спектакле. Хотя, с другой стороны, мы же под давлением всевозможных «кланов» умудряемся подчас поставить на посты директоров театров и филармоний таких бездарей, что потом годами стонем, не зная, как от них избавиться...

Долгие годы в штате радио работали еще и солисты, и какие-то эстрадные ансамбли, группы. Но в конце концов пришли к выводу, что это невыгодно ни радио, ни самим певцам. Эстрадному исполнителю, к примеру, очень трудно больше двух-трех лет

выдерживать постоянную студийную работу на записях. Во-первых, радиозапись требует от него в каждой песне 100-процентной отдачи, а во-вторых, практически еженедельных записей новых песен. Сначала, если это сильный вокалист, резко подскакивает его популярность. Затем какими-то творческими находками в течение некоторого времени он может продержаться на этой волне. Но потом может и надоесть слушателю... Вот и получается, что один и тот же певец в таком объеме звучания на радио не требуется. Куда лучше, если он будет работать в концертной организации, гастролировать, получая при этом гораздо большую материальную поддержку, и время от времени записываться в студии радио.

СКОЛЬКО СТОИТ МУЗЫКА?..

Вообще эстрадный жанр очень коварен. И один певец, умело дозируя свое звучание в радио-, телеэфире и появление в концертных программах может продержаться в популярности и 20—30 лет, а другой уже через полтора года оказаться никому не нужным. Но опять же, дозировать это звучание в эфире можно, лишь имея записи нескольких песен на магнитной ленте и постоянно записывая новые. А где делать эти записи, если, скажем, у нас в республике всего две (!) студии звукозаписи: небольшая комнатуха на «Мелодии», способная вместить лишь маленького состава рок-группу, и единственная более-менее нормальная в телерадиокомитете, в которой к концу рабочего дня магнитофон уже раскаляется докрасна, обслуживая и телевидение, и радио одновременно.

В Москве студий побольше, но и исполнителей, жаждущих иметь записи, тоже куда больше. Кроме того, не все и не всегда в них прямым путем попадают. И поэтому многим сильным в общем-то певцам и группам довольно часто приходится прибегать к помощи каких-то полуофициальных студий звукозаписи за немалую плату. Как мне недавно сказали, в Москве сейчас такса за одну песню — что-то около 200 рублей... И ведь певцу некуда деваться, и он платит, потому что гораздо проще прийти на радио и телевидение с уже готовой магнитной лентой, чем дожидаться, когда тебя туда пригласят на запись, и пригласят ли...

Честно говоря, я не против того, чтобы платить за запись в студии. Но вот только кому платить и сколько: официальным путем в кассу предприятия и государства или в карман проходивцев, волею случая оказавшихся у звукорежиссерского пульта и наживающихся на наших эстрадных проблемах? Кстати, плата за запись в студиях радио и съемки на телевидении очень бы сконцентрировала весь рабочий процесс в целом. Ведь если подсчитать, получается, что три четверти времени в студии проходит впустую: сначала раскачиваемся, потом начинаем еле-еле работать, и вся эта процедура затягивается далеко за полночь. А стоит мне в Москве, например, на телевидении сказать, что уже в восемь вечера у меня поезд в Ригу, все успевают отснять минута в минуту.

Я уже упомянул, что у нас в телерадиокомитете всего одна студия звукозаписи, которая «кормит» практически всю Латвию. В таких условиях, как у нас, по-моему, давно уже никто не работает. Представьте, что в этой студии днем проводятся репетиции и записи симфонического оркестра, хора, эстрадно-симфонического оркестра, эстрадной группы и солистов, вечером — записи серьезной камерной музыки для фондов радио. И плюс ко всему в студии же проводятся все партийные, профсоюзные и комсомольские собрания республиканского радио и телевидения, нарушая заранее запланированные графики звукозаписей.

Долгое время я искал какое-нибудь подходящее помещение, где можно было бы оборудовать еще одну студию звукозаписи. И в нашем же здании нашел довольно приличный подвал. За разрешением обошел с десяток инстанций, дошел до самого «верха». Но вопрос так и остался нерешенным, потому что, оказывается, никого не волнует, где мы репетируем и записываемся: радио не молчит, и ладно...

С нетерпением ждали мы того момента, когда наконец республиканское телевидение переедет в новое здание. Уже наместили, какой павильон-студию отдадим для работы симфоническому оркестру, какой — хору, а в какой поставим звукозаписывающую аппаратуру... И вдруг я слышу по телевидению выступление известной актрисы, председателя республиканского театрального общества Вии Артмане, в котором она говорит, что нам нужен еще один театр, и есть подходящее помещение — освобождается площадь, которую занимало телевидение.

Состояние полушоковое!.. А буквально через несколько дней мне предлагают вступить с ней в дискуссию на страницах прессы. Представляю, каким колоссальным для республики будет зрелище, когда Паулс начнет ссориться с Артмане из-за того, кому нужнее эти помещения! Какая тут может быть дискуссия или всенародное обсуждение, если я с само-

го начала уверен, что на 99 процентов против одного перевес будет в сторону театра, а не симфонического оркестра. Ведь точно такими же оказались бы пропорции, спроси мы, что больше любят — эстрадную музыку или симфоническую!.. Но это же вовсе не означает, что мы должны поставить на серьезной музыке крест, а оркестры распустить за ненадобностью... Не можем мы докатиться до такого идиотизма! И, между прочим, в том «шедевре» архитектуры, выстроенном специально для телевидения, при наличии нескольких павильонов для съемок по-прежнему нет самого главного — записывающих студий.

А если еще шире посмотреть на работу нашей единственной студии звукозаписи Гостелерадио республики, увидим, что она же обеспечивает записями еще и Рижское отделение фирмы «Мелодия», потому что их собственная уже много лет закрыта...

МЕНЕДЖЕР ПОНЕВОЛЕ

Кстати, о пластинках... Факт выпуска пластинки — определенный этап в творчестве композитора, поэта и исполнителя. Представим себе, что мы уже вложили средства в звукозапись на магнитной ленте. Куда я с ней пойду дальше? На завод грампластинок? В фирму «Мелодия»? А мне там скажут: «У нас свой план... Вас никто не знает... Мы не можем рисковать...» И так далее. Вот здесь-то и необходима помощь так называемого продюсера, который бы часть записей запустил в теле-, радиоэфир, чтобы с ними познакомился широкий слушатель, заключил бы с певцом или ансамблем необходимые гастрольные контракты и вложил определенную сумму денег, в какой-то степени и рискуя, в производство пластинок. Разойдется она миллионным тиражом — окупятся и все предыдущие затраты. Пока же, на что идут прибыли от продажи наших миллионных тиражей, абсолютно непонятно. Во всяком случае, исполнители особого материального удовлетворения от этого не получают. А если еще и качество записи на диске резко отличается от магнитной ленты, да на конверт без слез не взглянешь, — совсем грустно становится. Как с таким багажом нам поднимать свой авторитет на международном уровне?

Вот, к слову, несколько свежих примеров из этой серии. В начале лета Министерство культуры СССР поставило нас в известность, что Родриго Фоминс должен готовиться к эстрадному конкурсу «Сопот-87». В Советский Союз приезжал один из организаторов конкурса, побывал он и в Юрмале, где нашел Фоминса, сообщил, что в Польше его хорошо знают и с нетерпением ждут приезда с группой «Ремикс». Увез с собой пластинку певца, кассету с записью его новых песен, и, как нам стало известно, вскоре они уже звучали на польском радио, занимая высокие места в хит-парадах. Но подошло время конкурса, а вызова Фоминсу из Министерства культуры так и не прислали. И вместо негра в Сопот поехал кто-то другой. Почему? Кто нам ответит на этот вопрос?..

Другой пример — как то же Министерство культуры СССР отправляло на «Братиславскую лиру» Лайму Вайкуле. За несколько месяцев было известно, что именно она должна поехать на этот конкурс. А за день до выезда певица не могла понять, едет она или нет, потому что на одной из характеристик не хватало подписи, и никак не могли решить, кто же ее должен поставить, поскольку прописана Вайкуле в Риге, а работает в Азербайджанской филармонии. В результате ни о рекламных фотоматериалах не было времени подумать, ни о предконкурсных репетициях — прямо с корабля на бал...

В последнее время нам вроде бы пообещали, что в Министерстве культуры создан специальный комитет, который будет прослушивать и рекомендовать эстрадных исполнителей на участие в международных конкурсах. Но пока этот комитет не внес никакой ясности: куда и кого он рекомендует — никому не известно. Кто готовит ноты, дирижера — тоже непонятно. Мне очень часто кажется, что этих людей в Министерстве культуры совершенно не интересует ни престиж страны, ни ее репутация. Иначе как объяснить, что та же Дания или Голландия могут себе позволить послать на конкурс певца с дирижером или ансамблем (не ради путешествия, а ради дела), а мы не можем?..

ДИАГНОЗ: «ХРОНИЧЕСКАЯ БЕССИСТЕМНОСТЬ»...

Именно она и отбивает всякое желание и всякие надежды. Вот я, скажем, «заварил кашу» с телевизионным конкурсом в Юрмале. Но ведь мне, несмотря на то, что уже позади два конкурса, так и не удастся пока добиться того, ради чего все это началось. Во-первых, вынести в название слово «шлягер». А ведь именно оно во многом определяло бы лицо нашего конкурса и репертуар, с которым певцы собирались бы в нем участвовать. А во-вторых, наладить отбор кандидатов на конкурс. В прошлые годы мы столкнулись с такими «зелеными» исполнителями и таким «серым» репертуаром, что к следующему году, если все-таки хотим закрепить «Юрмалу»

в жизни, должны отнестись к его подготовке и проведению куда серьезнее.

После того как закончилась «Юрмала-87» и в прессе развернулась о ней дискуссия, в мой адрес пришла телеграмма, подписанная А. Градским, В. Кузьминым и А. Макаревичем, в которой было написано, что всю организацию, проверку и отбор будущих конкурсантов должно провести Латвийское телевидение. Честно говоря, я думаю так же. Но на этом конкурсе мы не хозяева, а лишь представляем ему кров и сцену.

Однако жюри конкурса еще летом высказало желание помочь в отборе кандидатов на следующий год в предварительном осенне-зимнем прослушивании по регионам. А в феврале в Москве, на Центральном телевидении провести подготовительный просмотр. Не знаю пока, как действовали мои коллеги, но я уже выяснил состояние дел в республиках Прибалтики, на Украине и в Белоруссии. И делается это, как оказалось, довольно просто: кто-то один на местном телевидении следит в течение месяца — трех за своими музыкальными передачами, местными песенными конкурсами, хит-парадами и определяет несколько кандидатов. Затем их можно приглашать на телевидение или радио и устроить с ними в эфире концерт, чтобы и слушатель принял участие в окончательном отборе на предварительное прослушивание в Москве. На Центральном телевидении уже прошло несколько совещаний по «Юрмале-88», мне обещали, что аппарат отбора уже нормально работает. Хотя, оглядываясь на прошлый опыт, я, честно говоря, пока не очень-то этим обещаниям верю. И прежде всего потому, что царствует у нас в области эстрадной музыки абсолютная бессистемность. А ведь можно было бы начать работу по музыкальному воспитанию уже с детского возраста. Например, устроить — и это вызвало бы фантастический интерес в стране — конкурс детей-исполнителей и музыкантов, скажем, до 7-летнего возраста. Я представляю его очень хорошо, потому что мы у себя на радио проводим конкурсный отбор 3—4-летних малышей в детский вокальный ансамбль «Кукушечка». А в Италии такой конкурс проводится в масштабах страны, да со зрителями, которые «умирают» от восторгов на этом зрелище... И ведь какой колоссальный материал здесь нашло бы для себя телевидение!

Почему-то уже на протяжении нескольких лет мы никак не хотим поучиться лучшим достижениям в области эстрады у наших западных коллег, панически боимся влияния чуждой «массовой культуры», стараемся выставить какие-то заслоны. Но ведь молодежь да, впрочем, и старшее поколение все равно слушают эту западную эстраду, так же как и западную серьезную музыку, и следят за выступлениями зарубежных спортсменов, и самое главное, что сравнивают все это с нашим. И ведь в области серьезной музыки, кинематографа, театра и спорта мы выдерживаем конкуренцию, потому что наши певцы ездят в тот же «Ла Скала», режиссеры снимают фильмы и ставят спектакли за рубежом, а актеры в них участвуют, спортсмены вместе тренируются в Альпах... И ведь мы не говорим оперному певцу: «Зачем тебе «Ла Скала»? Сиди дома, во Фрунзе!..» А в эстраде тоже есть своя «Ла Скала», да еще какая! И мы должны своим лучшим исполнителям давать возможность поработать вместе с зарубежными «звездами» в концертных программах, записываться там в студиях, организовывать выпуск совместных пластинок...

На протяжении двух последних десятилетий в мире происходило бурное развитие рок-музыки. Рок много видоизменялся в музыкальном плане, а в последние годы приобрел особенно яркую социальную окраску. Да, рок как музыкальное направление зародился не у нас. Но это вовсе не означает, что он не мог появиться у нас первым. Если бы мы в те годы могли уделять развитию эстрады столько же внимания, как было в Америке, мог бы и у нас появиться свой Элвис Пресли... Однако для этого нужна четко налаженная система взаимоотношений жанра со слушателем. Только в таком случае можно чувствовать настроение публики, ее интересы, и диктовать ей моду на тот или иной музыкальный стиль.

Еще совсем недавно у нас в республике многие молодые с ума сходили по «металлу». И в то же время была другая часть, которой этот шум совсем не был нужен... А в последнее время как-то даже неожиданно тихо стало. Может статься, что кто-то вдруг скажет, что сегодня в моде старые «блатные» песни или совсем не электронная музыка, а гитара в дуэте с роялем... Кто ее поймет, эту моду?.. Ведь если вдуматься, чаще всего именно мода называется современной ту или иную музыку, тот или иной жанр, группу. И в нашем деле можно слепо следовать моде и писать что-то в ее духе — тогда ты всегда обречен лишь на роль последователя, а не законодателя. А можно писать о том, что ты чувствуешь сам и что тебя волнует. И если твоя музыка окажется созвучной чувствам публики и она будет тебя слушать — ты окажешься прав, а значит, и современен.

ИЗ КАБИНЕТА ГЛАВНОГО НАРКОЛОГА ГОРОДА МОСКВЫ УХОДИЛА ЖЕНЩИНА. ВНЕШНЕ ЛИЦО ЕЕ БЫЛО СПОКОЙНЫМ. ВПРЧЕМ, КАК-ТО БЕЗНАДЕЖНО СПОКОЙНЫМ. ТОЛЬКО ЧТО В КАБИНЕТЕ СОСТОЯЛСЯ РАЗГОВОР, КОТОРЫЙ НА ПЕРВЫЙ ВЗГЛЯД МОГ БЫ ПОКАЗАТЬСЯ СО СТОРОНЫ ДИКИМ. ВРАЧИ УГОВАРИВАЛИ ЖЕНЩИНУ ПОПЫТАТЬСЯ СПАСТИ СВОЮ ЕДИНСТВЕННУЮ ДОЧЬ. А ОНА ОТКАЗЫВАЛАСЬ.

КОГДА-ТО ЕЕ ДОЧКА, ВЕСЕЛАЯ, КРАСИВАЯ, ИНТЕЛЛИГЕНТНАЯ ДЕВОЧКА, ХОРОШО УЧИЛАСЬ, ЗАНИМАЛАСЬ СПОРТОМ, СОВРАЛАСЬ ПОСТУПАТЬ В ИНСТИТУТ. С ТЕХ

ПОР ПРОШЛО НЕСКОЛЬКО ЛЕТ. С ТОГО САМОГО МОМЕНТА, КОГДА МАТЬ СЛУЧАЙНО УВИДЕЛА НА ЕЕ РУКЕ СЛЕДЫ ОТ УКОЛА И ДОГАДАЛАСЬ, ЧТО ЭТО ТАКОЕ. ЭТИ ГОДЫ ПРОШЛИ, КАК КОШМАРНЫЙ СОН. МАТЬ МЕТАЛАСЬ ОТ ОДНИХ ЛЮДЕЙ К ДРУГИМ: ВРАЧИ, ПСИХОЛОГИ, МИЛИЦИЯ, ГАДАЛКИ, ДРУЗЬЯ, УЧИТЕЛЯ... НО НИЧТО НЕ ПОМОГАЛО. ЖИЗНЬ ТЕПЕРЬ СОСТОЯЛА ИЗ ЭТАПОВ: БОЛЬНИЦА, НАКАЗАНИЯ, ПОБЕГИ ИЗ ДОМА, И СНОВА МИЛИЦИЯ, БОЛЬНИЦА... А ДОЧКА ВСЕ БОЛЬШЕ ЗАМЫКАЛАСЬ В СЕБЕ, ВСЕ БОЛЬШЕ ОЗЛОБЛЯЛАСЬ, УХОДИЛА ОТ ЛЮДЕЙ ВСЕ ДАЛЬШЕ И ДАЛЬШЕ...

УЧЕРТЫ

Ирина ВЕДЕНЕЕВА, Игорь ГАВРИЛОВ (фото).

не знаю, как надо было спасать мою дочь,— говорит женщина,— знаю только, что в результате этих «спасений» она превратилась в озлобленное, затравленное существо, сделавшись нечеловеком...»

Правда, в последний раз, когда дочка лежала в семнадцатой больнице (это было не так давно), матери показалось, что лечение помогло — первый раз за всю жизнь. Дочка вышла, и в глазах ее появился некоторый свет. Но ненадолго. Свет быстро погас. Видно, было слишком поздно...

— Она уже не может ходить, думать, говорить, даже встать и закрыть дверь не может, ничего не помнит,— говорит мать,— только смотрит перед собой, глаза пустые, безразличные. Не жалец она на этом свете. Других спасайте, пока не поздно...

Мать уходит, и врачам нечего сказать ей вслед...

Еще два года назад у нас в стране наркомании как бы не было. Не было, естественно, и этой девочки-наркоманки, мать которой долгие годы обивала разные пороги, моля о помощи. Впрочем, так же, как и сотни других бывших

мальчиков и девочек, а теперь или тяжело больных, или погибших (третья стадия наркомании, самая запущенная, неизлечима).

Слово «наркоман» для нас всегда ассоциировалось со словом «преступник». А преступников надо изолировать от общества, выбрасывать подальше, сажать за решетку. И сажали, выбрасывали, изолировали. Достаточно было обнаружить на квартире у наркомана шприц и ампулу, его могли отправить в колонию на пять, семь лет. Выходили из колонии обычно люди обзленные, истощенные, отсидевшие срок среди уголовников, оторвавшиеся от жизни своих сверстников, и поэтому, возвращаясь, они с новой силой, уже навсегда, уходили в наркотики. А в это время сажали новых...

Только вот странная получалась вещь: несмотря на суровые меры, число наркоманов не уменьшалось, а наоборот, все увеличивалось и увеличивалось.

Сейчас в печати начал наконец-то дискутироваться вопрос об излишней жесткости нашего Уголовного кодекса по сравнению с уголовным кодексом других развитых стран (а ведь мы всегда считали себя самыми гуманными).

Многие уже сейчас яростно этим возмущены: мол, нечего с ними, этими подонками, наркоманами всякими, гума-

низм разводить! Тут на нормальных, приличных людей-то его не всегда хватает, а вы еще и их жалеть хотите!

Но как очень верно заметил один юрист, гуманизм — такая вещь, которая в принципе не может быть избирательной: если ее нет на одном полюсе общества — по отношению к преступнику, то и не дожدهшься ее на другом — ко всем нам.

Но самое главное, и это доказано уже статистикой, излишняя жесткость законов не уменьшает количества преступлений, а, как это ни парадоксально, увеличивает их.

Сейчас статья Уголовного кодекса в отношении наркоманов несколько смягчилась: если ты употребляешь наркотики сам и не втягиваешь при этом других, ты еще не преступник, а только больной. Правда, не обычный больной, а больной, который ставится на учет в милицию и в принудительном порядке доставляется в больницу. Но все-таки больной. Которого надо лечить.

15-я психиатрическая больница широко известна в узких кругах потребителей наркотиков. До недавнего времени это было чуть ли не единственное в городе место, куда привозили больных наркоманов.

Два года назад я писала о большом судебном деле. Судили подростков.

Они залезали в детские сады и таскали оттуда пузырьки с каплями от насморка. Смешивая их с некоторыми веществами, получали наркотик — коктейль «джеф», как они его называли между собой, или психостимулятор, как его называют врачи.

Во время следствия я встречалась и разговаривала с этими ребятами — учащимися школ, техникумов, ПТУ (впрочем, многие уже были бывшими учащимися: узнав, что они употребляют наркотики, их, естественно, быстро отовсюду повыгоняли). Было очень трудно применить к ним это страшное слово «наркоман». Нормальные, неглупые, современные, довольно симпатичные мальчики и девочки, немного запущавшиеся, часто одинокие, неприкаянные, но еще совсем не потерянные.

Так вот, многие из этих ребят к моменту следствия уже лежали в 15-й больнице, или, как они называли ее между собой, — «пятнашке». И, надо сказать, тема обсуждения лечения была для них самой болезненной. Какими словами они ее, эту больницу, только не называли! Каких только ужасов про нее не рассказывали! И прыщи на лице, и нервный тик, и уколы, при которых сходишь с ума от боли, и озлобленность, и знакомство прямо там же, в больнице, со всеми типами наркотиков, коктейлей, смесей и т. д.

— Первым делом, о чем мечтал каждый в этой больнице, это выйти, уколоться, чтобы все забыть... — говорили они.

Я далека от того, чтобы выдавать слова ребят-наркоманов за истину. Но единственный факт, который не признать невозможно, — почти все, прошедшие больницу, с кем я тогда говорила, колоться не перестали. И хотя многие, во всяком случае на словах, хотели «завязать», в больницу больше никто из них попадать не хотел. Желание лечиться было отбито надолго.

Тогда еще, только столкнувшись с проблемой лечения наркоманов, я засомневалась: что же это за лечение, которое вызывает такое озлобление? Впрочем, думала, врачам виднее.

И вот спустя два года после этих

разговоров я в пятнадцатой психиатрической больнице. Той самой «пятнашке». Здесь собраны все — психические больные самых разных возрастов, алкоголики, наркоманы. Первое, чисто внешнее впечатление — жутко скрипящие, с несмазанными железными засовами двери, хмурые медбратья, испитые лица хронических алкоголиков, одетых в безразмерную одежду. Но больше всего почему-то поразил забор вокруг больницы — грязный, страшный, облезлый. Не знаю, как с точки зрения психиатрии, но чисто по-человечески за ним находиться довольно тоскливо.

Я опять предвижу возмущенные слова: не хватало еще этим алкоголикам и наркоманам санаторий из больницы устраивать! Заборы белокаменные возводить! Обойдутся!

Не знаю, может, действительно забор — это и мелочь, но, по-моему, унижая человека такими условиями, явно давая ему понять, что он второсортный, мы никогда не сможем вылечить в нем личность, душу, а это, по-моему, и есть главное в лечении таких больных.

Первые слова, которыми меня встретила заместитель главного врача больницы Лилия Сатаровна Журавлева, были примерно такие: вы себе представить не можете, как нам тяжело жить!

Через некоторое время выяснилось, что все врачи немного на взводе — буквально накануне в другой психиатрической больнице один из больных пронес с собой нож и убил им врача. Рассказывая об этом случае, Лилия Сатаровна вспомнила все свои беды: не хватает

ДЛЯ ЛЮДЕЙ
С ИЗУРОВАНА-
НЫМИ ВЕНАМИ
ЭТА БОЛЬНИЦА —
ПОСЛЕДНЯЯ
НАДЕЖДА
В ЖИЗНИ.

медбратьев, охраны, обслуживающего персонала, в таких условиях врачи не могут нормально, спокойно работать! А наркоманы — это же паразиты, тунеядцы, желающие одного — полегчить за казенный счет! Что еще о них писать! Это о врачах наших писать надо, говорила Лилия Сатаровна, что они еще работают в таких условиях!

В отделение, где лежали мужчины-наркоманы, мы попали перед обедом. Мимо нас проходили заросшие, опустившиеся существа непонятных лет. Шли есть.

— Это не наркоманы, это алкоголики. Они же у нас лежат вместе, — сказал заведующий мужским отделением Валерий Николаевич Волуйский, приглашая нас в кабинет и закрывая за нами тяжелую дверь, — наркоманы до таких лет редко доживают...

Через некоторое время дверь кабинета открылась.

— Евгений Иосифович Цимбал, — познакомил меня заведующий отделением с молодым врачом, вошедшим в кабинет. — Работает с наркоманами...

Отвечаю: очень приятно. Достая ручку, блокнот, собираюсь записать: Евгений Иосифович, нарколог...

И в ответ иронично: «Ну что вы! Какой нарколог! Я же приличный врач, я — психиатр!»

Конечно, это шутка, но шутка гораздо более серьезная, чем может показаться на первый взгляд. Все эти годы отношение в медицине к наркологам было не очень-то уважительное. Среди самих врачей даже считалось, что в наркологи идут неудачники. И это понятно. Помните, как у Эльдара Рязанова в фильме «Гараж»: на ответ героини, что она занимается современной советской сатирой, герой иронично замечает: счастливый человек, занимаетесь тем, чего не существует...

Первое, что я пытаюсь узнать у врачей наркологического отделения, — это ремиссия больных, то есть продолжительность времени после лечения, когда наркоман не употребляет наркотика. Самая важная цифра. Другими словами, я хочу узнать эффективность лечения больных, хотя бы за последний год.

— Мы бы тоже это очень хотели узнать, — отвечают мне врачи, — поверьте, нам самим интересно, какая польза от нашего лечения. Но увы... никто этим не занимается. Больница ставит наркомана на ноги и выписывает, отправляет на учет в диспансеры. А сколько уж они там не колются, может, год, а может, всего день, мы не знаем. Связи с диспансерами у нас нет. Конечно, это ненормально, но не самим же врачам бегать по диспансерам, узнавать о своих больных. Этим должна заниматься специальная служба, которой у нас нет.

— А может, больные вообще не вылечиваются? — законно интересуюсь я. — Если сами врачи в этом не уверены?..

— Может, и не вылечиваются, — соглашаются со мной, — кто его знает...

Возможно, я несколько утрирую наш разговор с врачами. Беседа была, естественно, куда обстоятельнее и длиннее. Но сути ее я не меняю. Врачи не знают эффективности своего труда. Как это ни абсурдно, но цифр, которые должно знать все общество, не знают даже специалисты.

Вспомнила я и рассказы подростков о жутком лечении. Мне посоветовали поговорить по этому поводу со специалистом по детской психиатрии, заведующей отделом 2-го Московского медицинского института, работающего на базе 15-й больницы, профессором Ириной Николаевной Пятницкой.

— Ну, о каком нормальном лечении можно говорить, пока наркоманов кладут вместе с психическими больными? — тяжело вздыхает Ирина Николаевна. — У нас ведь в городе нет ни одного подросткового отделения. Подростков просто некуда класть. Необходимы специальное отделение, специальные врачи, психиатры, наркологи, знающие основы детской и подростковой психики. А сваливать всех в одну больницу и ждать результата — это смешно... Они тут основательную «школу жизни» проходят — у психически ненормальных учатся «косить себе шизофрению», у опытных наркоманов перенимают рецепты новых наркотиков. Положение, которое у нас сложилось

с лечением детей и подростков, — крайне тревожное. Из-за элементарного незнания врачами и педагогами детской психики огромное количество детей запущено. Скажем, легкая дисфункция мозга — часто последствие алкоголизма родителей, она сейчас у очень многих детей. Таким малышам нужно уделять с раннего детства больше внимания, необходимы особое воспитание, иной подход, в детском саду должны быть специальные группы — тогда они к подростковому возрасту догонят своих сверстников. А вы видели это особое внимание? А в младших классах? Да на таких детей зачастую только кричат, ругают их... В результате, когда они достигают подросткового возраста, уже ничего сделать нельзя. Человек становится инвалидом. А потом и нюхачом, наркоманом, токсикоманом, преступником, кем хотите! Кого винить надо? Мы себя сами и должны винить! У нас никак не могут понять, что только больница и лекарства, пусть и прекрасные, наркомана не излечат. Его должно лечить общество. А общество пока этого делать не умеет.

17-я наркологическая больница. На сегодняшний день — главный лечебный центр по борьбе с наркоманией. Здесь существует единственная в городе лаборатория наркологической экспертизы.

Без сомнения, у этой больницы более цивилизованный вид, чем у предыдущей. Ну, а как с лечением?

— У нас тоже нет никакой дифференциации больных: молодые, пожилые, начинающие, «заканчивающие» — все лежат вместе, — говорит заведующий отделением В. В. Назаров. — Ко мне недавно сами мои больные обратились, наркоманы со стажем, говорят, пока вы не будете подростков отдельно от нас класть, никакой пользы от вашего лечения не будет. Представляете, сами наркоманы это говорят! Что ж, из собственного опыта вынесли...

Потом я сижу и разговариваю с больными. Все они, несмотря на молодые годы, уже наркоманы, как сказал Назаров, со стажем. Не раз лежали в боль-

ницах, сидели за хранение наркотиков в тюрьмах, колониях, не раз пытались «завязать», и все начинали сначала...

Судьбы у них разные, один — бывший спортсмен, член сборной страны. Другой — звукооператор с центральной киностудии, третий — врач, четвертый так и не успел стать никем, колоться начал с подросткового возраста. Почти все они потеряли свои профессии, загубили призвание, и что будет с ними, когда они выйдут из больницы, — неизвестно.

Они не утверждают — сможем без наркотика. Говорят честно — попытаемся.

Я спрашиваю их: если бы им, бывшим или настоящим наркоманам, поручили бороться с наркоманией, что бы они сделали, что посоветовали, исходя из своего опыта?

— Во-первых, более по-человечески стали бы относиться к наркоманам, — разом говорят почти все. — Мы даже не совершали никаких преступлений по отношению к другим, мы делали хуже только себе...

— Это в газетах пишут, что, мол, общество хочет нам помочь вылечить, — говорит один. — А на самом деле нас ненавидят! Я учился в техникуме, меня вызвал к себе директор, доверительно так спрашивает: скажи честно, что колешься, я тебе ничего не сделаю, наоборот, помогу. Я и сказал сдуру честно: попробовал, мол... Так меня на завтра же выгнали. В колонию отправили. Я просидел несколько лет. Вышел, на работу никто брать не хочет. Ну, я снова стал колоться. Я, конечно, понимаю, что так жить нельзя, хочу бросить. Но даже думать боюсь, куда деться, когда выйду из больницы. Кому я нужен? Хоть оставайся здесь навсегда...

— А я вообще уже не колюсь, — говорит парень зло из угла. — Так все равно живу, как проклятый! На милицейском учете! Пытался несколько раз сняться, ходил по диспансерам, доказывал, что не колюсь, а мне говорят: врешь, все равно знаем, что колешься! Это что у них, психотерапией называется? Так я в больницу, сюда сам попро-

сился, чтобы ремиссию доказать. Иначе жить невозможно...

Пока мы разговаривали, по отделению ходили милиционеры.

— Зачем так много милиции? — поинтересовалась я у В. В. Назарова.

— Боремся с теми, кто не хочет лечиться, — объяснил он мне. — Сейчас от нас будут забирать одного наркомана. Он уже несколько раз проносил в отделение наркотики. Его предупредили, но он урока для себя не извлек. Я попросил, чтобы его забрали. Не хочет лечиться — не надо...

Высокий, бледный, худой человек затравленно, как зверь, бродил за стеклом палаты с надписью «Интенсивная терапия», ждал, когда оформят все бумаги и за ним придут.

— Наркоман — человек социально опасный, — сказал Назаров. — Сейчас некоторые врачи пытаются доказать, что наркоманам надо устроить анонимное лечение. Этот псевдогуманизм я считаю бесполезным и даже вредным. Необходим жесткий милицейский контроль, учет, официальное, стационарное лечение, полная гласность. Хочешь быть полноправным членом общества, докажи это поступками. А не хочешь... Тогда с тобой будет то же, что и с этим...

...Мимо нас милиция уводила наркомана. Уводила туда, где уже не лечат. Во всяком случае — не вылечивают. Он шел безразлично-покорно, сопровождаемый двумя милиционерами. Было что-то безнадежно нехорошее в его уходе. Слово роспись в собственном бессилии: не можем вылечить — избавимся...

Психолог женского отделения этой же больницы, Марина Владимировна Ковальчук, относится, по-видимому, к тем, кого Назаров считает псевдогуманистами. Она активно борется за анонимное лечение.

Почти все наркоманки в женском отделении — молодые девушки и женщины.

Марина К. училась в университете. Однажды в одной компании ей предложили попробовать наркотик. Все это было в шутку. Она согласилась.

— Мне тогда еще одна девчонка сказала, — вспоминает Марина, — смотри, влипнешь... Я только засмеялась. Глупость какая, подумала, попробую один раз, и все. А потом начались какие-то неприятности в жизни. С родителями ругалась часто, с парнем разошлась. Укололась еще раз. И так хорошо сразу стало, никаких проблем. Потом еще раз и еще... Но все равно, это для меня не казалось серьезным, думала: брошу в любой момент, как захочу... Я только потом поняла, как иезуитски «ловит» наркотик. Вдруг в один момент ты с ужасом замечаешь, что всё. Начинается жуткое состояние: руки дрожат, сердцебиение, в общем, колешься снова и снова. Я, когда поняла, что «села», пыталась что-то сделать. Но посоветоваться было совершенно не с кем. Страшно боялась, что узнают родители. Ушла из дома, бросила университет. Так все и поехало...

Наташа М. принимать наркотики начала, когда еще училась в школе.

— Однажды я поняла, если сейчас не брошу, — это все, конец. А как? Про больницы такие ужасы рассказывали, в милицию «сдаваться» идти тоже не больно-то хотелось, боялась родителям неприятности будут. Решила «переломаться» дома сама. Запаслась разными таблетками. Но стало так плохо, что потеряла сознание. Привезли меня в больницу. Там все было ужасно. Обращались как с преступниками, кололи чем-то, так что места себе не находишь, вот и все лечение. Вышла: родители кричат, в школе кошмар, в общем, я сбегала из дома, и все началось опять. В этой-то больнице все по-другому. Здесь разговаривают как с людьми, лечат без боли...

Я смотрю на девушек, с которыми говорю. Они пытаются следить за собой: аккуратно одеты, в домашних свитерках, причесаны. Значит, не все потеряно, значит, они все надеются, хотят другой жизни, человеческой...

— Именно после долгих разговоров с больными, когда подробно узнаешь об их судьбах, я еще раз поняла, как необходимо нам анонимное лечение, — говорит Марина Владимировна Ковальчук. — Почти все девушки пережили период, когда хотели с кем-то посоветоваться, исповедаться, узнать, как быть дальше. Но, согласитесь, вряд ли кто-то пойдет советоваться, зная, что его тут же поставят на милицейский учет. Многие боятся даже не за себя, за родителей, не хотят их подводить. Да и родители многие тоже не знают, куда пойти, чтобы не навредить ребенку. Естественно, для наркоманов, которые совершили преступления против закона, анонимного лечения быть не может. Но ведь есть и другие, например, как эти девочки, запутавшиеся, одинокие, не нашедшие ни в ком поддержки. Они уже так много себе сделали плохого, может быть, сами того не подозревая, так много у себя отняли, что мы просто обязаны попытаться им помочь. И помочь добром, а не принудительными мерами. Уважающее себя общество не может опускаться до ненависти к больным, заблуждающимся людям. Оно должно быть мудрее, сильнее не умеющих жить.

Марина Владимировна всем своим бывшим больным, которые выписались из больницы, дала домашний телефон. Сказала: если будет плохо, одиноко, трудно — звоните. И они звонят. Иногда днем, иногда ночью. По их голосу Марина Владимировна понимает, что они на грани срыва, что им одиноко, что им некому помочь. Часто врач и бывший больной говорят по несколько часов, и этот долгий разговор заканчивается только тогда, когда Марина Владимировна чувствует: вроде отошло...

— Пока к врачам нет доверия, пока в больницы к нам в основном приводит только милиция, — говорит Марина Владимировна, — с наркоманией нам не справиться.

Вот такие два разных взгляда на проблему лечения наркомании у врачей даже одной больницы. Надо ска-

зять, что на сегодняшний момент официально принята точка зрения Назарова. Анонимность в лечении наркоманов у нас отсутствует. По-прежнему считается, что лечить должен только стационар и только после постановки человека на милицейский учет.

Однако есть одна цифра. Ее я не без труда все-таки получила в семнадцатой больнице — ремиссия прошедших стационар больных за год. Она составляет меньше 10 процентов. Очень печальная, надо сказать, цифра. Она говорит о том, что после лечения в лучшем случае из десяти больных к наркотикам не возвращается только один человек.

Эти печальные проценты высвечивают массу проблем, которые накопились сейчас в нашей наркологии. В единственной в городе лаборатории, в которую отовсюду привозят наркоманов для экспертизы, оборудование так устарело, что это, как сказал заведующий лабораторией Алексей Викторович Крохин, даже не вчерашний день, а вчерашний век. Зато в лаборатории антидопингового контроля для спортсменов с приборами все в порядке — новейшее слово техники. Я не хочу спорить на тему, где приборы нужнее и должны быть лучше. Они должны быть хорошими везде. Сегодня здесь не хватает приборов, реактивов, вероятно слаба биохимическая диагностика, без которой немислим точный диагноз, а значит, правильное лечение. Плохо выявляются скрытые случаи,

значит, приходится иметь дело в основном с запущенными больными. А запущенных лечить гораздо труднее, если вообще возможно...

Есть еще одна проблема. Может быть, самая главная на сегодняшний день. Наркомания — не воспаление легких, не дизентерия, не чума. Ее лекарствами не вылечишь. Лекарствами можно только привести в порядок организм в порядке. А дальше что? Что делать с тягой, которая не дает человеку жить нормальной жизнью?

Можно, конечно, попытаться «вылечить» наркомана силой. Не хочешь, дескать, негодяй, понимать, что реальная жизнь счастливее, лучше, чем твоя, мы тебя заставим!

Можно попытаться решить проблему чисто милицейскими методами. Перекрыть весь доступ к наркотикам, наркоманов всех пересажать, и посчитать, что все в порядке.

Но увы... Запретили посев опийного мака, пошел в ход обыкновенный. Убрали «натуральные» наркотики, стали быстро распространяться химические, которые оказались еще страшнее. Начали жестче бороться с наркоманами, стало увеличиваться количество токсикоманов. А токсикоманы, кстати, почти все — или дети, или подростки. Как считают специалисты, перекрыть доступ к токсическим веществам практически невозможно. Никто просто не в силах предугадать, что принесет «нового» быстро развивающаяся химия.

Недавно состоялся показ нового до-

кументального фильма режиссера Андрея Никишина «Группа риска». Фильм рассказывает о тех, у кого больше всего шансов заразиться СПИДом: о проститутках, наркоманах, гомосексуалистах. Авторы фильма попытались не просто осудить тех, о ком они делали фильм, но и постарались их понять, чтобы всем нам вместе подумать: как им помочь? Фильм сразу же после просмотра вызвал ожесточенные споры. Те, кто не принимает фильм, ставят в вину авторам именно... гуманизм. Мол, на этих подонков общества авторы смотрят как на людей, пытаются с ними говорить, выслушивать их и еще и понимать!

Только ведь методы жесткого, силового отношения к тем же наркоманам в мировой практике не новы. Запад, который раньше нас столкнулся с этой проблемой, за долгие годы перепробовал все. И сажали, и избивали, и унижали. А наркомания все увеличивалась и увеличивалась. И тогда остановились. Появились разумные, продуманные до мелочей программы борьбы с наркоманией. Есть такая программа в США, в странах Западной Европы. Социалистические страны также активно включились в эту работу. Наверное, многие слышали об уникальном опыте польской ассоциации борьбы с наркоманией.

Мы плохо знаем проблему, плохо изучаем ее. Возраст, пол, социальное происхождение, регионы, причины... Таких исследований у нас нет, а если они

и есть, то даже специалисты о них не подозревают. Не имея этих данных, мы обречены на пассивную борьбу с наркоманией, и будем еще долго иметь лишь все те же грустные проценты ремиссии...

В семнадцатой больнице я узнала, что сами больные обратились с предложением помочь им создать общество бывших наркоманов. Сугубо добровольное, естественно. В этом обществе под руководством врачей и психологов объединятся те, кто уже вылечился, и те, кто хочет вылечиться. Бывшие наркоманы будут поддерживать, помогать друг другу. Особенно это важно для тех, кто только вышел из больницы. Они попадают в самую сложную ситуацию, без поддержки, по сути в одиночку сражаясь и с собой, и с болезнью, и с бывшей средой, и с нами со всеми, поставившими на наркомане штамп изгоя. Такое объединение, такое общество бывших наркоманов может сделать очень много.

По-моему, мы уже пришли к пониманию того, что так, как мы боролись с наркоманией раньше, — с шумом, помпой, с шашками наголо, — так с этой острейшей проблемой не справиться. Необходимы новое понимание и новый подход. Впрочем, почему новый?.. Древние говорили, что истинная нравственность человека определяется его отношением не к сильному, а к слабому. К слабому...

Им нужна наша помощь.

**У НИХ ЕСТЬ ШАНС.
ШАНС НА СПАСЕНИЕ.
КТО-ТО,
БУДЕМ ВЕРИТЬ,
СМОЖЕТ
ВОСПОЛЬЗОВАТЬСЯ
ИМ.
А КТО-ТО
УЖЕ НЕТ...**

ФЛАГМАН ОРДЕРА

Не просто и поднять машину, которая взлетает с палубы. Самолет разворачивается встречей ветру и, надсадно ревя, как бы встает «на цыпочки», на самые кончики вытянутых до предела шасси. Мгновение — и, отжимаясь на воздушных струях, зависает в воздухе. За колпаком кабины я вижу напряженное лицо майора Юрия Анкудинова. Еще миг, и, оглушив форсажным ревом, летчик-вертикальщик бросает машину вперед и вверх. Через секунду она видится уже тоненькой стрелой, мчащейся к солнцу.

Но взлететь проще, чем вернуться обратно. Полетная палуба «Новороссийска» с высоты кажется крохотной. Летчик должен с первого захода поймать в мерцающей зыби шевелящийся «пят» — единственное его пристанище в океане. Запасных аэродромов у летчиков палубной авиации нет. Такая у этих людей профессия. Расслабиться летчик-вертикальщик может только после посадки.

КОМАНДИРЫ

Обоим нет сорока. Оба из сельской глубинки, с раннего детства — деревенский труд. У обоих на погонах по три большие звезды, ордена «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР», другие награды. Правда, у Юрия Ивановича Чурилова, командира летчиков, — еще Золотая Звезда Героя Советского Союза. Дружба его с Евгением Яковлевичем Литвиненко, командиром «Новороссийска», началась, когда оба были еще на вторых ролях. Сейчас они дружат и семьями.

Так распорядилась жизнь их судьбами, что в один год окончили учебу в академиях. Вместе делегировались коммунистами флота на XXVII съезд партии. У обоих любящие жены, по двое детей. Правда, Чурилов считает, что его другу больше повезло: у Литвиненко вторым ребенком стал сын. Будет продолжение семейной традиции. Чурилов же дочерям свою профессию не передаст.

Однако позволю себе не согласиться с Чуриловым — сыновей у него целый полк. В прямом смысле слова.

Полковник морской авиации Чурилов принадлежит к первому поколению советских летчиков-вертикальщиков. Одним из первых «объезжал» строптивые машины. Взлетает с земли и с палубы, садится на бетонку и на сталь. Летает днем и ночью. Заставляет самолет взмывать в небо после короткого разбега по корабельной палубе. Садится на корабль с укороченным пробегом машины. Вот уже несколько лет он на острие борьбы — тяжелой борьбы, воплощающей конструкторскую мысль в реальную работу. И в этой борьбе, как в бою, он теряет товарищей. Среди них

был и Юрий Гарнаев, Герой Советского Союза, заслуженный летчик-испытатель СССР, стоявший у истоков палубной авиации.

Трижды и Чурилова спасали лишь крепкие нервы, умелые руки, трезвый разум, мгновенная реакция. В первом случае катапультировался: положение было безвыходным — напрочь отказал двигатель. Дважды спасал машину, причем в одном случае его самолет столкнулся с птичьей стаей. Казалось, ничто не может помочь машине. Однако Чурилов выровнял практически неуправляемый самолет и дотянул до посадочной полосы.

Бороться до последнего, в любой ситуации испробовать все шансы — этому учит сегодня молодых офицеров опытный летчик.

...Колокола громкого боя разбудили корабль. «Новороссийск», выбрав якоря, ложился на морской курс. Крейсер шел на экзамен. Тихоокеанский флот доверил «Новороссийску» участвовать в состязаниях за приз Главнокомандующего Военно-Морским Флотом.

Поставленная кораблям задача максимально приближалась к реальному бою. Корабли шли ордером. Флагман «Новороссийск», окруженный кораблями охранения, легко резал море форштепнем.

Командир флагмана Евгений Яковлевич Литвиненко, в строгом рабочем кителе, мерил шагами ходовую рубку. Подходил к большому командирскому креслу, брал микрофоны на длинных шнурах. Запрашивал, подсказывал, отдавал команды. Переключал тумблеры на телевизионном мониторе, заглядывая в дальние точки корабля. Ему докладывали обстановку на корабле и вокруг. Он аккумулировал информацию, принимал решения. Огромный корабль полностью был подчинен сейчас его воле.

О флоте с детства мечтал Литвиненко. Двадцать лет назад поступил в военно-морское училище. В двадцать семь лет стал командиром современного эсминца. В тридцать один год капитан 2-го ранга Литвиненко расстался с командирской должностью и был назначен старшим помощником на строящийся «Новороссийск». К тому времени он прошел все курсы офицерской учебы. Его назначают командиром крейсера и разрешают учебу в академии. Так и совмещал он командирские обязанности с заочной учебой.

...Первыми цели противника обнаружили подчиненные капитана 3-го ранга Полякова. Тяжелые торпедоносцы шли на ордер с трех сторон. Литвиненко распорядился поставить дымовую завесу, кораблям охранения открыть огонь. Самолеты не смогли «дотянуться» до флагмана. Но появилась новая угроза — с левого борта к кораблю приближалась ракета-цель. Задержались

«усы» зенитно-корабельных комплексов. Остроносые тушки ракет развернулись на левый борт. Все произошло в считанные секунды, мы даже не успели нажать затворы фотоаппаратов: пламя, клубы дыма, грохот. Только взгляд заметил мчащуюся к горизонту стрелу.

Командиру доложили об уничтожении ракеты «противника». Потом мы узнаем оценку посредника. Отлично!

Кто-то вспомнил майские события в Персидском заливе. Тогда пострадал американский фрегат «Старк». Он был поражен ракетой, по классу подобной той, что шла на нас.

Не пропустили новороссицы к своему кораблю и вторую ракету.

Литвиненко, не скрывая улыбки, поднес к губам микрофон. Корабельная трансляция разнесла по всем помещениям благодарность командира личному составу.

Мы прощались с «Новороссийском». Корабль стал на якоря в уже знакомой бухте. К берегу шли на том же катере. Вспоминали ребят, с которыми успели познакомиться. Слава Нестеров, старшина команды машинистов-турбинистов. Отличный парень, знающий свое дело специалист. Он из тюменского поселка Агириш. До призыва работал в бригаде своей матери Раисы Никитичны, строил жилые дома. Другой старшина, Юрий Яситников, командир отделения кормовой установки ЗРК. С ним мы знакомимся после ракетной стрельбы. Юрий рассказал о вручении ему медали «За отличие в воинской службе». После службы собирается Юра вернуться обратно в свое село Павелец на Рязанщине. Отец его в прошлом моряк-североморец. Тоже вернулся после службы на родину, плотничает. Решение сына его радует. Что может быть лучше, чем вернуться в родной колхоз и уже весной вывести свой трактор в поле! А потом обязательно поработать на комбайне. Хлебные нивы сняты старшиной.

Пролетят годы службы, снимут новороссицы флотские бушлаты, но из-под гражданских рубашек обязательно будут выглядывать полосатые треугольнички тельняшек. И будет с ними песня, что поет сегодня молодой матрос Саша Кулика-пов.

...А палуба полетная под Яками дрожит.
Расправив крылья звездные,
Они уходят ввысь.

И пусть страна родная спокойно

ночью спит.

Новороссиец бдительно покой
ее хранит...

Владимир КУЗНЕЦОВ,
соб. корр. «Огонька»

МНЕ СТЫДНО!

ТВ: ПЕРЕДАЧИ, КОТОРЫЕ МЫ ВЫБИРАЕМ

Почему же мне было так стыдно, когда я смотрел документальный телефильм «Мы ли это?» по первой программе ЦТ?

Ведь это не я, а мне загоразживал дорогу швейцар на пороге гостиницы, не я, а мне отказывались выдать чек в кассе за пять минут до перерыва, мне писали шариковой ручкой на ладони четырехзначный номер в очереди, меня в упор не видел приемщик в мастерской, мне чуть что говорили: «А кто вы такой? Покажите документы»...

Почему же теперь, когда моих обидчиков и оскорбителей выставили на общее посрамление, почему стыдно мне?

Мне стыдно, потому что они полностью уверены в своей силе и своем праве. Потому что они защищены, а я беззащитен.

Руководящее лицо не разрешает снимать в столовой и говорит, что это запрещено государством. Не возмущайтесь! Он знает, что говорит. Потому что государство — это не только Совет Министров и Верховный Совет. Государство — это вся система адми-

нистративного управления, и эта система замечательно научилась ограждать себя от незваных посетителей и неприятных вопросов, любопытных взглядов в подсобки и под прилавки, за ведомственные барьеры и заборы. Ограждать своими же собственными правилами, положениями и распоряжениями. И я не удивлюсь, если в самом деле существует инструкция райобщепита, запрещающая снимать на киноплёнку грязь в столовой или хамство буфетчицы. И мне стыдно. Я чувствую свою неполноценность перед монументальностью портье или бриллиантовым сиянием администратора гостиницы. У меня перед носом закрывают двери автобуса, и с девушками, которые выписывают квитанции, мы говорим на разных языках. И я знаю, что во всем этом я виноват сам.

Да, есть объективные причины. У нас много чего не хватает. Хорошей обуви, сносных столовых и любых гостиниц. Не хватает продуктов, продавцов и магазинов. Не хватает билетов, кассиров и поездов. Это все знают, а кое-кто этим пользуется.

Но беспокоит ли нас дефицит того достоинства, которое в нас оскорбляет? Или нули — утришь, не упустили — не возникай, отказали — скажи спасибо и отойди.

Как же мы привыкли быть маленькими, незаметными! Как же привыкли замирать перед надписью «Хода нет» и не спрашивать: «Почему?». Может, ее просто давно забыли снять?

Есть таблички, которые охраняют нас от опасности: «Не влезай — убьют!», «Осторожно, окрашено!», «Не стой под грузом». Спасибо им. Но есть надписи, которые призваны охранять кого-то от нас с вами — чей-то покой, благополучие, чью-то бесхозяйственность или возможность получить больше, чем заслужил. Эти таблички не опадут сами собой, как сухая листва. Трясти дерево надо нам самим.

Недавно в Правилах Московского метрополитена появился пункт: запрещается фото- и киносъемка без письменного разрешения руководства. Заметила? А я сразу подумал: что у нас с метро не в порядке, раз снимать нельзя?

Тот администратор в столовой говорил, закрывая ладошкой объектив: «Так вы где угодно начнете снимать. А может, вы иностранцы!» Как же нас долго пугали иностранцами: не дай бог, узнают про наши порядки, какой урон престижу страны! А может, лучше стаканы помыть?

И не надо лукавить: знает администратор, что не иностранный журналист ему сегодня опасен, а свой, до тошный, вездливый, страх потерявший. Действительно, кого бояться — их, вскормленных дефицитом товаров и услуг?

Нет, бояться надо других, выросших в стойком дефиците достоинства — молчаливых, согласных, безропотных. Мне было стыдно смотреть фильм. Мы ли это? До чего же мы себя довели...

В фильме Г. Левашова-Туманишвили и О. Гвасалия, который снял оператор В. Мелетин, нет ни слова комментария. Наверное, не нужен и этот отклик — все ведь ясно. Давайте снова посмотрим на экран. Пусть нам будет стыдно.

Юрий АРГЕЕВ

Госэда ХОРЮ (1827—1892).
СВИТОК «СРАЖЕНИЕ
УЭСУГИ КЭНСИНА
И ТАКЭДА СИНГЭНА».
Конец 1840-х и начало 1850-х гг.

ЭРМИТАЖ ПОПОЛНЯЕТСЯ

Начало на стр. 8.

В отделе нумизматики хранятся и собираются не только монеты, но и ордена, медали, изумительные по красоте печатки из хрусталя, полудрагоценных камней, а также значки. В обмен на советские значки Эрмитаж получил из отдела нумизматики Британского музея значки Большого Совета Лондона, отражающие зло-

БУТЫЛОЧКА
ДЛЯ РИСОВОЙ ВОДКИ,
ВОСЬМИГРАННАЯ.
Мейсенская
фарфоровая мануфактура.
1723—1725.

ТАРЕЛКА С ИЗОБРАЖЕНИЕМ КАЛМЫЧКИ
ИЗ ГУРЬЕВСКОГО СЕРВИЗА.
Императорский фарфоровый завод.
1809—1817.

Людвиг КЕРГЕЛЬ
(1814—1874).
ДЕРЕВНЯ В ГОРАХ.
1853.

Жан Антуан
ГУДОН
(1741—1828).
ПОРТРЕТ САБИНЫ,
ДОЧЕРИ
СКУЛЬПТОРА.
1791.

бодневные политические проблемы современности: «Кампания за атомное разоружение», «Против расизма», «Против безработицы» и другие.

Почти каждый год радуют глаз и удовлетворяют самый требовательный вкус новые поступления западноевропейского и русского прикладного искусства. Они впечатляют прежде всего качеством и красотой самих вещей и большим их разнообразием: фарфоровая пластика, керамика, стекло и художественный металл, камеи, часы, ювелирные изделия... В последнее десятилетие музей стал активно приобретать не только старинные изделия, но и высокохудожественные предметы прикладного искусства, отражающие основные стилистические направления конца XIX—XX века: неоклассицизм, стиль модерн, конструктивизм. Таковы камея с головкой вакханки итальянской работы 1900 г., брошь в стиле «либерти» «Индеец», выполненная английской фирмой Мюрл, Беннет и К в 1910-е годы, брошь фирмы П. Кардена, созданная по рисунку Нади Леже в середине XX века. Знаменитый датский фарфор представлен вазой со стилизованным изображением анютиных глазок.

Грациозной жеманностью поз и красотой росписи пленяют «Пастух и пастушка», а также гротескные «Панталоне и Коломбина» — группы, созданные на Мейсенской фарфоровой мануфактуре. Но подлинным раритетом является восьмигранная бутылочка для сакэ (рисовой водки). В эрмитажном собрании имелся лишь один подобный экземпляр, но меньшего размера и без росписи. Вновь поступившее изделие свиде-

тельствует о глубоко творческом использовании немецкими мастерами традиционных форм японского фарфора и росписи, восходящей к таким жанрам восточной живописи, как «цветы и птицы».

Если пополнение коллекции русского прикладного искусства в 1985 году прошло под знаком великолепной шпалеры времен Анны Иоанновны, приобретенной во Франции на аукционе Ива Микаэлова, то в 1986 году оно шло под знаком поступления изделий из фарфора — их было приобретено более 100. Редкой удачей следует считать покупку тарелки с изображением калмычки, входившей некогда в Гурьевский сервиз. Большая часть его предметов издавна принадлежала Петергофскому дворцу, некоторые попали в Русский музей. Тарелка «Калмычка» имела какую-то свою, особенную судьбу, так как уже в 1904 году находилась в частном собрании, что явствует из юбилейного издания Н. Б. Вольфа «Императорский фарфоровый завод», выпущенного к 200-летию его основания, где и была помещена репродукция с нее. Следы тарелки давно затерялись, теперь она «нашлась», и является единственным предметом Гурьевского сервиза в Эрмитаже.

СобираТЕЛЬСКАЯ работа в музее продолжается: идут горячие и заинтересованные споры на закупках; отряды археологов разъехались в экспедиции; научные сотрудники определяют авторство, принадлежность той или иной художественной школе, уточняют даты создания уже приобретенных предметов искусства, которые будут выставлены на обозрение в этом году.

ПОЭТИЧЕСКАЯ АНТОЛОГИЯ

РУССКАЯ МУЗА XX ВЕКА

ВЕДЕТ ЕВГЕНИЙ ЕВТУШЕНКО

Николай ДЕМЕНТЬЕВ 1907—1935

Даже если бы Дементьев и не написал ничего значительного, Багрицкий уже обессмертил его в своем «Разговоре с комсомольцем Н. Дементьевым». Заслугой Дементьева являлось то, что среди многочисленных «красных человеческих статуй» (выражение Светлова) он воздвиг памятник трудовой русской матери не из бронзы, не из мрамора, не из папье-маше, а из ее собственной воскрешенной плоти. Среди начинавшейся фальшивой героизации, помпезного монументализма это была одна из немногих отчаянных последних попыток уцепиться за некрасовскую традицию. Еще в 1933 году такая поэма могла быть опубликована в «Правде», но года через четыре это было бы уже невозможно. Страна входила в тот период, когда сентиментальность народнического типа становилась политически подозрительной. Вместо существующей боли народной в искусстве воцарилось восприятие несуществующего общенародного счастья. Лебедев-Кумач подменил Некрасова. Дементьев рано ушел из жизни, и можно лишь предположить, что судьба у него была бы нелегкая, если бы он прожил хотя бы на два года больше. Но его небольшое наследие заслуживает нашего незабвения. Вместе с Багрицким Дементьев переводил стихи молодого Назыма Хикмета, интуитивно угадав в нем будущего великого поэта-революционера.

МАТЬ
Поэма

Толпы с поезда. Ну и народ!
Впрямь как с шабаша:
Прут и прут, не допрутся пока...

— Тише! Бабку затискали! Что тебе, бабушка?
«Мне б Петрушу...» — Которого это? — «Сынка...»

Бултыхается старуха с баулом
и чайником.
У возниц, у шоферов, у публики —
смех:
— Это что ж за петрушка такая? —
«Начальник он...»
— Тут начальников много... —
«Так мой — выше всех».

Уморила!
Над сборищем этим, над сонмом
Гогот, хохот, шибайущий в пот.
Вдруг один кучерок как смекнет
да как вспомнит,
Что начальник строительства —
Правильно — Петр!

Кулаком по мордам
Лошадей задремавших,
Чтоб стояли,
Чтоб выглядели, как орлы!
Сено — в ноги. Кнут — в руки.
«Садитесь, мамаша!..»

Ой, железные шины круты
и круглы!
Ты качайся, на клевере
вскормленный мерин!
Ворона кобылка, пластайся
вразлет!
Обернется, башкой помотает —
и верит,

И — не верит.
А бабушка носом клюет.
Кацавейка на ней —
не по-летнему — ватная.
Ишь! Горбатая...
Ишь! Неприглядная вся...
Загорелая, старая и рябоватая...

У начальника в комнате
Карты висят.
На кровати начальника —
простыни взрыты.

Шторы — настезь,
И солнце —
По всем косякам,
Книгам, стеклам, приборам.
Слепящая бритва
Пышет в зеркало,
А перед зеркалом — сам,
Крепкий, свежий, еще не успел
приодеться,

Напеваает чего-то в усы и под нос,
Пена шлепается на полотенце...
Входит возчик:
«Мамашу в порядке довел...»
А за возчиком,
В белом платочке и валенках.
Что-то давнее-давнее —
и не узнать...

Вспоминал... вспоминал...
вспоминал...
Вспомнил. — Маменька! —
«Я, Петруша! Я, милый! Я, кровный!
Я — мать...»

Отобрал у нее узелки и баулы,
Рассовал под столы, оглянулся
мельком,

Усадил, оглядел ее всю —
И пахнуло
Детством — речкой, репейниками,
молоком.

Молодыми рябинами над оградой,
Рубашонкой в заплатах, сестренкой
в соплях...

— Мама! Мамонька!
Чем же тебя мне порадовать?
Ты, наверно, с дороги устала —
приляг.

Уложил ее, старенькую, на топчанике,
Одеялом, коротенькую, — до бровей...

— Самоварчик?
У нас, понимаешь ли, — чайники...
В церкву хочешь?
А я и не строил церквей.

Ну, да ты не волнуйся!
Ты мало грешила.
Я ж тебя от любого греха излечу.
Знаешь, мамонька, что?
У меня есть машина.
Я тебя по строительству прокачу.
...Ты посмотришь,
чего мы настроили... Дела ж
до сих пор полон рот — и какие дела!
Покатаемся? Хочется? —
«Что ты! И где уж!»

Два денечка поохала
И померла.

А начальника мы уважали.
Не с ним ли
Возвели комбинат за четыре зимы?

Вышло так, что мамашу его
хоронили
Всем строительством,
всеми бригадами мы.

В полдень, как по сигналу, —
Сойтись и собраться!
В разогретый асфальт —
Многотысячный шаг.
Тихо-тихо прошел в голове

демонстрации
Пятитонный, задернутый черным
«фомаг».

Там четыре партийца
Почетною вахтой
Охраняют стоймя,
Не опершись на борт,
Загорелую, старую и рябоватую
Мать начальника наших работ.

Мы проходим, работопорные
жители,
Мимо ясных от яркого света
громад.

Автогеном мерцает
Машиностроительный.
Равномерно работает
Химкомбинат.

Мерны медные трубы
Оркестра умелого.
На девчонках — платочки
Весенних цветов...
...Ничего не видала
И мало что сделала
За семь с лишним десятков
Бедняцких годов.

На голодной степи, у дороги —
песочек.
Бабий голос — еще молодой —
одинок...

Сын приехал
С уральских заводов
Вальцовщиком.
Прогармонил недельку —
И смылся сынок.

А у ней, как и встарь,
догнивает под дождем
Ощетиненный, малоколосьистый
сноп...

Сын приехал,
Бежавши из ссылки
Подпольщиком,
Ночевал на овине —
И смылся сынок.

А она — со скотом — поднимается
раненько,
Уж от старости пальцы пускаются
в пляс...

Сын приехал
С гражданского фронта,
Израженный.
Отдохнул — и на фронт!
А она осталась...

Протащилась,
Не чуя ни горя, ни времени,
Через двадцать беременностей
и смертей.

...Мы положим тебя,
Аграфена Ефремовна,
В парке отдыха,
У пионерлагерей...

Через светлые,
Через стеклянные версты
Сын тебя провожает,
Как через века...
Это строили мы
Под его руководством —
Инженера, начальника, большевика.
Это мы возводили,
Чтобы крепче дышалось,
Чтобы легче работалось,
Лучше жилось,
Чтобы с ног не валила

Ни хворь, ни усталость...
Мы положим тебя
У веселых берез,
Измощенную, темную мать
неимущих,
Всех, кто новым и властным
хозяином стал.

Пусть в оркестре
Все трубы играют
«Замучен
Тяжелой неволей...»
И — «Интернационал»!

Степан ЩИПАЧЕВ 1899—1980

Из уральских крестьян, батрачивший с раннего детства. С 1919 по 1931 год в Красной Армии. Первый сборник «По курганам веков» был опубликован в 1923-м. И этот сборник, и последующие были риторичны, во многом несамостоятельны. Однако Щипачев постепенно «выработался» в небольшого, чистого, непохожего на других поэта. Щипачев, однако, никогда не использовал государственного признания во зло другим писателям и обожал чужие стихи, как никто на моей памяти. После смерти Сталина возрождение русской поэзии началось, когда Щипачев, возглавлявший вместе с Винокуровым поэтический отдел «Октября», напечатал после долгого перерыва Заболоцкого, Смелякова, Мартынова, утвердил признание Слуцкого, открыл многих молодых поэтов — в их числе Ахмадулину. Щипачев был самым лучшим на моей памяти руководителем писателей Москвы с 1959 по 1963 год, и был снят, когда литературные интриганы дезориентировали Хрущева, уверив его в том, что Москва превратилась в «гнездо ревизионистов». Щипачев дал удивительный пример, что можно быть не самым большим поэтом, но большим человеком.

БЕРЕЗКА

Ее к земле сгибает ливень,
почти нагую, а она
рванется, глянет молчаливо —
и дождь уймется у окна.

И в непроглядный зимний вечер,
в победу веря наперед,
ее буран берет за плечи,
за руки белые берет.

Но, тонкую, ее ломая,
из силы выбьются... Она,
видать, характером прямая,
кому-то третьему верна.

1937

Себя не видят синие просторы,
и, в вечном холоде светлы, чисты,
себя не видят снеговые горы,
цветок своей не видит красоты.

И сладко знать, идешь ли ты лесами,
спускаешься ли горною тропой:
твоими ненасытными глазами
природа восхищается собой.

1945

НА ЧЬЕЙ СТОРОНЕ

ИЗ КОГО ДЕЛАЕМ КУМИРА?
ИЗ ЗАГОВОРЩИКА?!
ИЗ КОНТРРЕВОЛЮЦИОНЕРА?
КТО ТАКОЙ ЭТОТ ГУМИЛЕВ?
ОН В ЗАГОВОРЕ ПРОТИВ
СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ ВЫСТУПАЛ,
А МЫ ЭССЕИ ПРО НЕГО
ТЕПЕРЬ ПИШЕМ?!
СВОИМ ЗНАМЕНИТЫМ
ИМЕНЕМ ПРИКРЫВАЕМ?!

УСПЕХ

Татьяна ИВАНОВА

Речь была страстной. В ней слышался неподдельный гнев, искренняя боль. Зал притих, опустил глаза. Оратор все распалялся. Вы слышали его? Почти наверняка слышали. Он обязательно оказывался в любой аудитории, в любом зале, где собрались читатели, где говорили о литературе. Иногда он был старше, иногда совсем молодой, иногда в его голосе звенел металл (как у того оратора, которого слышала я — «эссеи пишем?!», «своим именем прикрываем?!»), иногда его речь была изысканно плавной, мягкой, сдержанной, даже печальной — суть не менялась.

Сойдя с трибуны, он брал в руку перо и отправлял письмо того же содержания в «Огонек», в «Литературную газету», в журналы, «в инстанции» — о том же. И многие из тех, кто слышали его, тоже брались за перо. Немало писем таких получил «Огонек» после публикации в сентябре 1986 года эссе Владимира Карпова «Поэт Николай Гумилев». Существо и содержание их — в первом абзаце этой статьи.

А вот и настал теперь момент, когда надо бы всех этих ораторов, всех авторов писем собрать в одну аудиторию. На трибуну пусть бы вышел Г. А. Терехов — член объединения старых большевиков при ИМЭЛ при ЦК КПСС, заслуженный юрист РСФСР, государственный советник юстиции второго класса. И пусть бы он спокойно, не напрягая голоса, прочитал свое письмо в «Новый мир», то письмо, которое опубликовано в последнем номере прошлого года.

И пусть бы аудитория, состоящая из таких победительных ораторов, из таких правых авторов писем, глаза-то попускала.

«Я ознакомился с делом Гумилева, будучи прокурором в должности старшего помощника Генерального прокурора СССР и являясь членом коллегии Прокуратуры СССР. По делу установлено, что Гумилев Н. С. действительно совершил преступление, но вовсе не контрреволюционное... а именно — не донес органам Советской власти, что ему предлагали вступить в заговорщическую офицерскую организацию, от чего он категорически отказался... Мотивы поведения Гумилева зафиксированы в протоколе его допроса: пытался его вовлечь в антисоветскую организа-

цию его друг, с которым он учился и был на фронте. Предвзвешенки дворянской офицерской чести, как он заявил, не позволили ему пойти «с доносом»...»

Предположим невероятное: «Новый мир» не опубликовал ничего достойного, кроме этого небольшого письма. Думаю, что за одно это письмо «Новому миру» причитался бы наш низкий читательский поклон. Значит, замечательный поэт не только не участвовал в заговоре против Советской власти, но еще и руководствовался «предвзвешенками дворянской офицерской чести», жизнью заплатил за то, что не пошел с доносом... Что ж. Это еще одна ветвь в лавровый венок, венчающий прекрасное чело русской поэзии.

И мы можем поднять глаза. Так приятно смотреть прямо, без смущения и страха.

И страха?.. Да, именно страха.

Но как же нам, боже мой, наконец, научиться одолевать страх, как научиться не опускать глаза перед обвиняющими, запугивающими словами, перед охранительным пафосом, в который так готовно, так легко, с удовольствием впадают многие наши сограждане? Ведь моменты торжества истины (такие, например, как письмо Г. А. Терехова) хоть и не так часты, как нам хотелось бы, зато так ярки, так впечатляющи, как нам и не мечталось (взять хоть письмо Г. А. Терехова). Что же, они не становятся для нас уроками бестрашия? Слишком живы в памяти иные уроки?

...Как и все, я пока прочитала только первую часть «Доктора Живаго». Ясно, что начался изумительный роман в духе русских классических романов, неторопливый, чистый, умный, написанный не просто русским, а великим, могучим, правдивым и свободным русским языком. Читала с наслаждением. Но не могу прогнать от себя одну мысль: что же произошло тогда с этим романом, с Пастернаком. Почему книга и ее автор были преданы анафеме? То страшное собрание московской писательской организации, на котором прозвучало столько страшных, обвиняющих, пафосных слов... Ведь в зале сидели в основном люди, не читавшие роман. Опустили глаза.

Мне кажется, я поняла, что тогда произошло. В романе нет никакой «крамолы» — это очевидно. Значит, был оговор, самый настоящий оговор. Люди, которым почему-то было необходимо изъять «Доктора Живаго» из оборота, нашли слова, распалившие гнев в людях, принимавших решения. Нашли? Да их особенно и искать не надо, мы все их знаем: «антисоветчина», «контр-

революционность», «очернение советской действительности», «буржуазная идеология», «подрыв основ»... Что еще? «Оплывывание высших ценностей социалистической культуры», «враждебность по отношению к патриотизму», «утрата классового чутья», «размытость идейной позиции»... Если все эти слова с пафосом, с искренней болью и гневом говорит о книге известный, уважаемый в обществе человек или несколько таких людей дружно — человеку, обязанному принять решение, а книгу не читавшему, руководящие брови естественно сдвигаются в гнев. В самом деле, кому же и должен верить человек, принимающий решения, если не уважаемым в обществе людям? И если, например, решить для себя, что уважаемые люди могут умело лгать из собственных выгод, то как вообще руководить, принимать решения, да и попросту жить? Кому же тогда верить?

Да, кто-то в те годы страшно оговорил Пастернака и его роман. Страшно, умело. Кто же мог это сделать — кому это было нужно, зачем? Могу только предполагать. И строить предположения по методу Марка Блока («Апология истории»): идти от более известного к менее известному. Откуда я знаю все страшные слова, перечисленные несколько выше? Разве память сохранила мне их из прошлых лет? Да нет, это самые сегодняшние слова, они звучат в речах, они мелькают в статьях. По прошлым поводам? Да нет, по поводу самых сегодняшних публикаций. А кто же произносит, кто пишет эти слова? Может, какие-нибудь замшелые старики, которые других попросту и не знают? Да нет, их произносят и пишут... писатели. Но о ком же они так говорят, о чем? Может быть, все-таки о ком-то чужом, враждебном, чуждом... Да нет же, нет — о книгах своих коллег, собратьев по перу, соотечественников, сограждан, живых и даже покойных, трагически погибших, как говаривали в старину, невинно убиенных. Верят ли они сами в то, что говорят? Беда, если верят: потому что это означает, что лгут не только другим, но и самим себе. Но такая беда маловероятна. Где вера — там идеалы, а здесь надо говорить об интересах (вы, разумеется, уже прочли статью Андрея Нуйкина в первом номере «Нового мира» и прекрасно понимаете, о чем я).

Но что же это за интересы? А попросту-то говоря: слава, деньги, тиражи, переиздания. Эти забытые рукописи, эти залежавшиеся в столах повести и романы, ведь они самым решительным образом теснят из читательского сознания многих кумиров, обретенных

нами «на безрыбье», в годы застоя. Ведь у нас есть чувство сравнения. Мы кладем, например, одесную «Доктора Живаго», а ошую застойного своего кумира. И что мы видим? Мягко говоря, большую разницу.

Так вот чувство сравнения у писателей ведь тоже есть. И тогдашние знаменитости, первые перья, прочитав роман в рукописи, должны были прийти в ужас.

Страх, между прочим, всегда сильнее реальной опасности. Горько об этом говорить, но нынешние писатели, так самозабвенно и изощренно воюющие против «забытых», «залежавшихся» и прочая, боятся почти зря. Ну слава... слава это, конечно, да, их слава уже заметно поубавилась. Но переиздания, деньги, тиражи? Все, по-моему, на месте, ничто не покачнулось. «Забытых» и «залежавшихся» никто не спешит издавать. Кто-то, правда, видел «Дети Арбата», а кто-то даже в руках держал. А вот не скажете ли мне, где все остальное? Где, например, «Белые одежды» Владимира Дудинцева? Помните, зачитывались мы ими в первых четырех номерах журнала «Нева» за прошлый год. Года как не бывало. И книжки как не бывало. Ее, видите ли, еще не успели нигде издать. Сейчас, наверно, издадут во всех издательствах страны что-то не терпящее отлагательств, что-то такое интересное, такое необыкновенное — ну, никак до Дудинцева очередь не дойдет.

А посмотрите, как дружно нас уговаривают, что произведения, которыми мы зачитывались в золотом для литературы прошлом году, художественно не слишком состоятельны! Доказательствами никто себя не затрудняет. А повторяют все увереннее, все увереннее, все чаще. И вот уже будто бы и это общеизвестно, и спорить тут не с чем: по части художественности нет в этих книжках ничего такого особенного, это, скорее, явление общественной, чем литературной жизни. Больше общественной, чем литературной... Слышите? Такая абсолютная бессмыслица — а как абсолютно бесспорно звучала. И будто никто уже и не замечает, что в этом словосочетании противопоставлены категории, которые ну никак невозможно противопоставлять. Ибо ничто в литературе не становится явлением, если не имеет значения для общества. Да и нелепо говорить о какой-то литературной жизни, отдельной от общественной. И скажите мне, если сама литература не часть общественной жизни, то что же она такое, и если таковая существует, то зачем...

Эх, что говорить... Много странных утверждений нынче в широком ходу. Столичные писатели последовательно утверждают в нашем сознании мысль, что забытые, залежавшиеся, запоздалые произведения буквально затопили журналы, рукописям молодых теперь вовсе не пробиться, даже «маститые» вынуждены ждать. И — для пущего устрашения — современность исчезает со страниц периодики, наши взоры обращены в прошлое, негатив захлестнул; и — для совершенного страха — на каких положительных идеалах теперь воспитывать молодежь?

Страшно? Жуть. Еще бы не жуть: двадцать лет воспитывали молодежь сплошь на идеалах, а теперь?! Смотрите-ка: «Новое назначение», «Зубр», «Белые одежды», «Ночевала тучка золотая», «Собачье сердце», «Защита Лужина», «Реквием», «По праву памяти», «Котлован», «Доктор Живаго»... Все. Конеч идеалом. А я еще не все назвала. Наименований пять еще надо прибавить. А то и, страшно вымолвить, шесть.

И все негатив. Какое емкое слово! Как гладко, без всякого напряжения современные литераторы употребляют его в одной фразе со словом «идеалы», «духовность», «нравственность». И ничего, ухо не режет. Вообразите себе ну хоть Чехова, который говорил бы, что Салтыков-Щедрин пишет негатив. Или Горького, Толстого, Пушкина. Ну, попробуйте себе представить, чтобы кто-то из великих русских писателей был озабочен усиливающимся критическим направлением в журналах, протестовал бы против излишнего внимания к рукописям невинно осужденных, оклеветанных коллег. Никакого воображения не хватит.

А если серьезно, то публикациями, вызывающими такое беспокойство у значительной части писателей, занимаются «Знамя», «Новый мир», «Октябрь», «Дружба народов», «Нева», немножко «Юность», немножко прибалтийские журналы. Пожалуй, все. Разве наводнен забытыми, запоздалыми, залежавшимися произведениями, например, «Наш современник»? Или «Молодая гвардия»? А «Памир», «Ашхабад», «Полярная звезда», «Сибирские огни», «Север», «Сибирь», «Волга», «Байкал», «Звезда», «Подъем», «Дон», «Дальний Восток», «Радуга», «Урал»? Можно назвать еще десятка два журналов, где ничего «такого» близко нет.

Трудно представить себе произведение, ради которого журнал «Октябрь» должен был бы отложить публикацию романа Василия Гроссмана «Жизнь и судьба». Чья жизнь, чья судьба? Моя и ваша. Нашей страны и нашего народа. Жизнь и судьба, осмысленная таким могучим умом, воспринятая таким чутким сердцем... Неужели и этот роман кто-нибудь запишет в «негатив», а кто-нибудь призовет проанализировать с точки зрения художественного исполнения, спокойно проанализировать, а кто-нибудь спокойно проанализирует и скажет, что это опять взгляд в прошлое и правильному воспитанию молодежи способствовать не будет?

Вопрос риторический. Ясно, что так и будет. Утешимся тем, что «спокойные анализаторы» не находят себе многих читателей, в основном читают друг друга. Весьма скромны тиражи печатных изданий, предоставляющих им свои страницы. Этим «анализаторы», видимо, бывают раздосадованы — и зря. Они просто счастья своего не понимают. Если представить себе, что, например, статью А. Марченко о романе В. Дудинцева «Белые одежды» (автор и редакция, видимо, думают, что как раз аналитическую, в аккурат «с точки зрения художественности») опубликовал не журнал «Литературное обозрение», а какое-нибудь популярное у читателей издание, то люди были бы поражены глухотой критика к их боли, высокомерным пренебрежением к их радости. А может быть, им было бы просто смешно, насколько неадекватно восприятие «Белых одежд» А. Марчен-

ко нормальному человеческому восприятию.

Было времечко, когда в романе «Жатва» критики находили массу художественных достоинств. А вот «Районные будни» как ни прочитают, видят, что очерки и очерки. Ничего с точки зрения вечных художественных ценностей особенного. «Жатва», скажем так, явление, скорее, литературной, а «Районные будни» — скорее, общественной жизни. А взять Достоевского, ну, вот хоть «Бесы». Многие литераторы, обладающие, видно, особой пристальностью к эстетической стороне литературного произведения, до сих пор ведь считают, что художественные достоинства романа не особенно высоки. «Бесы» — явление, скорее, социальной, чем литературной жизни.

Это должно нас утешать. Меня, во всяком случае, утешает.

Но чем же утешить тех, кто рассудку вопреки считает, что все «этакое» произведения вытесняют со страниц периодики современность. Рассудок-то, я думаю, говорит нам, что все замечательные произведения, опубликованные в прошлом году, были как раз современны, были о современности в том смысле, как и должна литература понимать современность. Современность последних недель и даже месяцев дышит на газетных страницах. Исторический срок, равный сроку жизни старшего поколения современников, — и есть современность для литературного произведения.

А все-таки пойдем и оппонентов. Вдруг у них в связи с ускорением вышло и отлилось в нетленные строки высокохудожественное произведение о работе предприятий в связи с введением в действие Закона о государственном предприятии. Куда ж его нести, если везде Гроссман, Пастернак или Шатров?

Давайте, товарищи читатели, вместе поищем место для современного романа.

Вот познакомьтесь, например, с двумя довольно объемными произведениями, опубликованными в конце прошлого года (журналы приходят в Москву с большим опозданием) в журнале «Сибирские огни». Повесть Эдуарда Бурмакина «Тополиная метель» с подзаголовком «Два телефонных разговора о любви» рассказывает о школьном романе Андрея и Лины, о том, что, прожив порознь каждый свою отдельную жизнь, они нашли друг друга под старость, но не решились встретиться, боясь потерять мечту. Конечно, пересказ сюжета мало что дает. Если там язык, если богатейшая фабула... Но язык обыкновенный, бедненький, а фабула — подробности жизни в пионерском лагере, романтические пионерские костры — все читано-перечитано, все было-перебыло...

Второе произведение длиннее. Называется повесть-эссе. Александр Плитченко. «Письмовник, или Страсть к каллиграфии». Тут пересказывать — только портить. Будем цитировать. Вот автор поражен глубиной мысли друга, с которым состоит в переписке. «Твое изречение насчет очистительных свойств весеннего времени я переписал крупными и красивыми буквами и повесил над своим столом: «Все отмирает весной — и стволы берез, и сосновые иголки, и воробы, и синицы, которые за зиму совсем почернели, и только черного кобеля даже весна не отмоет до белы...»

«Изречение» набрано прописными буквами, помещено «в лесенку», занимает таким образом семь строк. На совершенно отдельной строке, например, размещено слово «воробы», видимо, по причине своей неотразимой многозначительности... «Спасибо!» — благодарит автор друга за «изречение».

Вот еще цитата из «повести-эссе», напечатанная с отступом от предыдущего и последующего текста, стало быть, тоже воспринимаемая самим автором (и редакцией) как нечто вполне достойное всеобщего пристального вни-

мания. «Срок выплаты алиментов детям настоятельно требует продления. В 18 лет молодой человек только-только оканчивает школу, идет в армию, после которой ему предстоит учеба, настоящие приобретение профессии. И на этот период он лишен помощи отца или матери, которые его оставили, поскольку не смогли жить вместе, поскольку нашли себе иную, как им казалось, лучшую пару. Но почему из-за этого должен страдать будущий гражданин? Думается, будет справедливее, если срок выплаты алиментов будет продолжен до исполнения 21 года, когда человек заканчивает учебу...»

Вы увлечены, читатель? Вы тоже считаете, что срок выплаты алиментов должен быть продлен? Ах, нет? У вас совсем другое мнение? Простите, а вы не забыли, что я делаю выписки не из подборки читательских писем в местной вечерней газете, а из художественного произведения, из повести, да еще и эссе! Так что прошу высказаться не об алиментах, а о художественных особенностях. Как вам, например, такой пассаж: «поскольку не смогли, поскольку нашли»? А «срок», который «требует продления»?

Но погодите, у вас впереди еще будут поводы восхититься. Потому что вообще-то эта повесть-эссе о темных силах. Помните? «Темные силы нас злобно гнетут?» Ну, правда, не о тех старинных, а о нынешних, современных темных силах. Я так, прочитав всю повесть, поняла, что в это понятие входят, примерно, писатели, артисты, режиссеры, студенты, интеллигенты... Не все, конечно. Но я догадалась, какие. Вот и вы тоже догадайтесь.

Литература ведь учит нас думать. Давайте думать. Вам будет труднее, чем мне, но я постараюсь выписать самые красноречивые цитаты.

«Чаще всего недостатки жены — это увеличенное отражение недостатков мужа. (Читатель, не забудьте выписать это изречение большими красивыми буквами. — Т. И.) А поиск новых форм семьи — это досужие разговоры. Не новые формы тут ищутся, а люди стараются найти себе такой вариант жизни, где поменьше было бы труда и ответственности, а побольше удовольствий. И, наконец, задайся вопросом, который вносит ясность во многие с виду смутные проблемы. Вопрос таков: кому это выгодно? (Внимание: мы приближаемся к темным силам. Дальше у автора каждая фраза — с абзаца. Потому что такие фразы и надо как гвозди вколачивать. Вы сами это поймете. Хотя я из экономии места выписываю их в подбор. — Т. И.)

«Кому выгодно, чтобы в нашей стране число сирот и безотцовщины росло год от года? Тебе? (абзац. — Т. И.) Мне? (абзац. — Т. И.) Отцам — пусть они дважды алиментники? Матерям — пусть они трижды омещанились? Рабочим? Крестьянам? Науке? Искусству? Обществу нашему? Кому? Правильно, никому среди нас. (Вы не забываете про абзацы? Я вам показала принцип их расстановки. Вот мы уже приближаемся, приближаемся к ответу, сейчас мы узнаем, кто заставляет наших трижды алиментников, а все-таки милых нашему сердцу, наших сплошь омещанившихся матерей бросать своих детей... — Т. И.) Рушили избы, жгли нивы, засыпали бомбами — не смогли поколебать наше общество. Что же теперь? Теперь всеми средствами идеологической, психологической войны бросились на разваливание изнутри, одну из ставок сделали на развал ячейки общества — семьи, авось — получится! Вот где проходит фронт».

Надеюсь, всем понятно, что такое непосредственное влияние враждебных средств массовой информации на наших сограждан исключено. Понимает это и автор. Лучше нашего понимает. Он показывает нам, как вражеская идеология все-таки к нам при помощи темных сил проникает: «Ползуче внедряются такие мыслишки: вообще-то

воровать дурно, но если украд для пользы дела, то не совсем дурно и даже совсем не дурно, вообще-то жестоко и несправедливо относиться к подчиненным нельзя, но если это делается на пользу дела (выполнение плана по валу), то можно и даже нужно; ползуче проводится мыслишка: если ты заинтересовался поменять больную жену на здоровую или старую на молодую, то, конечно же, эта «любовь» должна всегда побеждать любовь к детям; ползуче внушается подросткам, что самое главное и даже единственное, что должно их теперь интересовать в жизни, — это интерес к противоположному полу, то мление страсти в окружении враждебных взрослых. Не тому ли посвящены теле- и театральные зрелища, многие повести для подростков».

В этом месте, читатель, я подумала, что ведь ничего не стоит всех этих ползуче внушающих отловить. И обезвредить. Плитченко, видимо, знает их имена. Может быть, он даже оставил список для сведения редакции, можно редакцию запросить. И положить конец. Потому что до каких же пор?!

Вот послушайте, что делают: «Эстрадный лауреат-попрыгунчик в дамских пиджачках; песенная «дива» с раскованностью базарной торговли; живописец, торгующий историческим натурализмом (видимо, нашим собственным историческим натурализмом, подлец, за границу торгует — вот до чего дошло! — Т. И.); другой живописец, работы которого своей красивенькостью так и напоминают работы Чертова; широкоэкранный фильм, снятый только для того, чтобы дать возможность престарелой красотке предстать в двух десятках нарядов; модный роман о приключениях демона и его любовных играх в Кордильерах (ну, в это, читатель, я даже не верю! неужели даже до того дожили, что демон становится литературным героем?! нет, пора кончать. — Т. И.); кинорежиссер, понуждающий немолдую уже актрису голый кататься в снегу... А стихотворные сборники, сплошь наполненные стихами о несостоятельной и несостоявшейся любви... А проза для подростков...»

Нет, читатель, я умоляю. Я не могу больше терзать вашу душу. Эта голая пожилая актриса в снегу поразила меня даже больше, чем проза для подростков, про которую автор даже говорит не может, а может с трудом выговорить: «проза для подростков» — и ужас сковывает души понимающих, в чем дело, людей. Но эта актриса... Эта пожилая женщина... Кому было выгодно раздеть ее до гола и катать в снегу? Кому было выгодно, чтобы она схватила воспаление легких, может быть,

Рисунок
Александра УМЯЛОВА

даже двустороннее, получила тяжелый насморк, охрипла, наконец? Кому? Искусству? Отделу кадров? Бухгалтерии?

Темные силы вовсе распустились. Я уж не буду вам рассказывать, что они упорно тиражируют конфетные обертки «с уродливыми зверьками на поваленном дереве — гнусную пародию на русскую классическую картину Шишкина». Не буду, потому что вы спросите, где продается. А я не знаю, где продается. Темные силы, наверно, стали теперь тиражировать пустые фантики, и где-то Плитченко их углядел. И про «кичмена, превратившего в ходкий шлягер эпизод из тяжелой жизни великого Пиросмани». Имеется в виду особенно тяжелый эпизод: когда художник вынужден был потратиться на миллион алых роз. Хихикать тут не над чем, расход, правда, огромный...

Вся повесть, читатель, состоит из откровений и изречений такого рода. Ради них и написана. Для чего я потратила на нее столько места, столько времени, так долго вас ею занимала? А для того, чтобы показать: надо в журналах потеснить не Андрея Платонова, не Михаила Булгакова, не Василия Гроссмана или Бориса Пастернака. Не на них надо спихивать беду с недостатком места. Не их надо упрекать в том, что у молодежи пропадают идеалы. А вот таких авторов — от злобной и унылой писанины которых не только у молодых идеалы рухнут, а у старых-то от отчаяния скулы сведет: это теперь называют литературой? повестью? художественным словом? куда идем, братцы? до чего дожили? какие враги ползуче внушили нам мысль, что такое нужно публиковать? кому выгодно, чтобы вместо прозы и на месте прозы печатались такие пародийные всесторонне безграмотные тексты? ну? кому? искусству? рабочим? крестьянам? обществу?

Я-то, грешная, думаю, как и сам Плитченко, что темным силам. Только представление о темных силах у нас с ним разное. А так... Он думает, что гнетут. И я думаю, что гнетут. Только я сопротивляюсь гнету агрессивного невежества, бездарности и безграмотности, некомпетентности, непрофессионализму, всем видам рабства в нас. И полагаю, что если опять появятся в продаже конфеты «Мишка косопалый», ни одна семья не рухнет, как не рухнет она и в том случае, если некой-режиссер разденет догола не одну, а даже четырех-пятерых старых актрис и заставит их валяться в снегу.

Я-то думаю, что публикация вот такой повести как раз и есть торжество воинственного невежества, непрофессионализма и безграмотности — потому и пишу так долго об этом. Я-то место ищу для современных произведений, которые через «негатив», «ретроспекции» и — как это еще говорят? — «по-

ток деструктивной литературы» (чувствуете, как интеллигенция формулирует?) к читателю пробиться не может.

Не понимаю, почему они не могут пробиться. Вот Петр Лебеденко в «Дон» пробился же с романом «Предвестие». В «Дон»! В журнал, опубликовавший в прошлом году роман Б. Можавова «Мужики и бабы», роман Виктора Лихоносова «Наш маленький Париж». А взгляните, каков роман «Предвестие», подчеркиваю: жгуче современный и производственный. Послушайте, как разговаривает положительный рабочий Костя с отрицательным мастером Бурятовым. «Товарищ Голубов, — это мастер говорит, — мне кажется, вот этот шовчик получается у вас чуть-чуть грубоват...» «Если вам это кажется, — говорит Костя, — пойдите, помолились». «Не кажется ли вам, товарищ Голубов, что вы не только бестактны, но и до нахальства невыдержанны?» — это мастер. Обычный мастер, на обычном заводе, обыкновенный разговор с рабочим, что вы удивляетесь? Анекдот вспомнили, как два рабочих в детском саду что-то паяли, и один другому за шиворот капнул раскаленным оловом, и тот, кому капнули, тоже, кажется, сказал: «Не думаете ли вы, коллега, что впредь надо бы было нам обоим несколько осторожнее относиться к кипящему металлу? Вы, надеюсь, не обиделись на меня?» Память у вас, вижу, хорошая, но все-таки послушайте, что ответил Костя: «Будьте любезны, уважаемый, не мешайте работать».

Мастерский диалог сочетается с психологически точным портретом. Положительный Костя ростом метр девяносто, «зубы у него — чудо природы, большие, ровные, крепкие». Кроме того, Костя широкоплечий, «с узкими бедрами». «Интимной связи» Костя не признает, пока не уверует, что «влюбился без памяти». «И расстанется он с предметом своей недолговечной любви по-рыцарски: «Прости, Валентина (Тамара, Наташа, Надежда...), но я должен сказать тебе честно: перегрело что-то внутри, а фальшивить я не могу. И не хочу. Еще раз прости...» Автор не может сказать, что «все это ему по душе», но... «вообще-то характер Голубова мне нравится».

Мне тоже. И зубы. И рост. И узкие бедра. Но еще больше мне нравится, как этот крепкозубый и узкобедный Костя, видимо, впервые в жизни увидав, что остатки хлеба летят у нас в помойку, был потрясен открывшимся и отреагировал на новую для себя информацию тут же, не сходя с места, со всей присущей ему прямоотой и непосредственностью. И так, женщины с помойными ведрами на улице ждали, когда придет помойная же машина (большое неудобство, но автору и Косте, видимо, привычное и потому на них впечатление не производящее). Костя шел мимо. «Остановился рядом с ве-

личественной, килограммов под девяносто тетенькой, заглянул в ее ведро (оцените непосредственность Кости — тетенька ведь чужая, и наблюдательность автора — как тонко и точно он нарисовал портрет отрицательной героини: положительные хлеб не выкидывают и такого веса себе, конечно, не позволяют; не говоря о величественности. — Т. И.).

«— Это что же такое? — Костя увидел хлеб. — А ты землю пахала? На тракторе в тридцатиградусную жару вкалывала? Суперфосфат, азот и калий вырабатывала? Комбайны делала? Ну?»

Видимо, оглянувшись по сторонам, увидев, что сына поблизости нет и крепко ударить по большому и белым Костиным зубам некому, величественная тетенька, бросив ведро, побежала прочь. Но узкобедный Костя ведь еще не договорил, вот чего она, бедная, не учла. Пришлось ей дослушать.

«— А совесть гражданская у тебя есть? — продолжил обличения положительный герой остросовременного романа «Предвестие», передовой рабочий крупного промышленного предприятия Константин Голубов. — Или давно подохла? Может, вон такой полбуханкой хлеба где-то на краю света ребенка от голодной смерти можно было спасти, ты об этом подумала? Я у тебя спрашиваю, ведьма стопудовая. В тюрьму вас таких сажать надо».

Следует авторская ремарка: «Женщина завопила».

Вот все-таки что значит писатель. Тонко он понимает женскую душу. «Женщина завопила...» Умри, Денис! Ну, а Костя? Костя рванул к другой женщине, решившейся вступить за воплящую, опрокинул ее ведро «вверх дном, ногой разворошил содержимое». А владелице ведра сказал: «Ну-ка ты, личность, подойди сюда. Твое? А? Чего молчишь? Язык проглотила?»

Вам придется поверить мне, что весь роман «Предвестие» написан на том же уровне художественности. Станем дальше искать место для тех, кто не может пробиться?

Это будет легко и просто, уверяю. Перлы, подобные цитированным, есть во всех журналах.

Но сколько же всего достойного пробивается! «Нева» не была смущена тем, что роман Александра Житинского «Потерянный дом, или Разговоры с милордом» пришлось печатать в четырех номерах — и достойно завершила им 1987 год. «Волга», которую многие разыскивают сейчас из-за воспоминаний Елены Петровой-Водкиной, постоянно публикует на своих страницах прекрасные рассказы Бориса Екимова. Грустный роман Анатолия Афанасьева «О чем горевать» вселил оптимизм в читателей «Подъема» — значит, и здесь возможна хорошая проза. «Москва» не пожалела места для «Жизнеописания

Михаила Булгакова» Мариэтты Чудаковой — и мы получили произведение, которое сделает честь серии «Жизнь замечательных людей». А первый номер «Москвы»? Может быть, что-то и вытеснил Николай Михайлович Карамзин, кому-то и перешел дорогу, а вот для «Зрячего посоха» Виктора Астафьева место нашлось — и мы получили богатую пищу уму. Трудно, конечно, отбierać произведения в соседство к великой исторической прозе Карамзина, но, может быть, это и к лучшему?..

Рассказ корейского советского писателя (его имя Лаврентий Сон) «Мастерица», прочитанный мною в последнем номере журнала «Простор» за прошлый год, потряс меня и растрогал — не только горестной судьбой героини, не только трагической участью корейцев, вывезенных с Дальнего Востока в Казахстан, не одним сюжетом интернационального братства, — но и совершенно особенной мелодией языка, не русской, но родной интонацией... Рассказ о родстве человеческом. Плач по общей участи. И надежда на торжество света — для всех.

«Простор» порадовал и «Хроникой последних лет жизни Федора Михайловича Достоевского и некоторых его современников» Павла Косенко. Особенно интересны живые письма читателей к своему современнику, Достоевскому. О них и над ними интересно подумывать.

Почти шестидесятилетний московский художник Мюд Мечев впервые выступил как прозаик с повестью в «Север». Повесть, по-моему, превосходна. В ней удивительные люди, сочетающие в своих характерах мужество с бесшабашностью и упованием на «авось». «И как все-таки искусны, несмотря на свое легкомыслие, мы, люди, и пока наша удачливость превосходит глупость».

...А Бориса Пастернака, к великому несчастью, оговорили тогда, жестоко оговорили... Между прочим, статья А. Нуйкина в первом номере «Нового мира» убедила меня в том, что этой догадкой нужно поделиться со всеми. Нуйкин призывает не быть «глупенькими», прекраснотелыми и перестать недооценивать коварство тех, чьи интересы затрагивают революционные перемены в нашем обществе. Оговоров, устрашающих слов немало звучит и сегодня. «Не могу не заметить, кстати, что история этой повести мне сильно открыла глаза на причину успехов в жизни мерзавцев: они поступают с честными людьми, как с мерзавцами, а честные люди за это поступают с мерзавцами, как с людьми, которые словно во сто раз честнее их, честных людей. Борьба неравная! — Удивительно ли, что успех на стороне мерзавцев?» Эта выдержка из В. Белинского, конечно, хрестоматийна. Но уж очень, понимаете ли, кстати.

ГАМАРДЖОБА, ИЛИ ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ!

**НА СТАРОМ АРБАТЕ
ОТКРЫЛСЯ ТОРГОВО-
КУЛЬТУРНЫЙ КОМПЛЕКС
«МЗИУРИ» ГОСАГРОПРОМА
ГРУЗИНСКОЙ ССР. ЗДАНИЕ
КОМПЛЕКСА,
ПОСТРОЕННОЕ
В КЛАССИЧЕСКОМ СТИЛЕ
АМПИР В 1826 ГОДУ,
НАСТОЯЩИЙ ШЕДЕВР
АРХИТЕКТУРНОГО
ИСКУССТВА. ГОВОРЯТ,
ДВОРЕЦ ПРИНАДЛЕЖАЛ
ГРАФУ ОРЛОВУ, ЗДЕСЬ
ЖИЛА ВНУЧКА СУВОРОВА,
ЧАСТЫМ ГОСТЕМ БЫЛ
ЛЕРМОНТОВ.**

Уникальный фасад реставрирован так, чтобы не нарушить того блеска и красоты, которыми дворец очаровывал посетителей еще 150 лет тому назад. Работы велись на одном дыхании, динамично, что и обеспечило сдачу объекта в короткий срок. Необходимо отметить, что авторы — архитектор Ш. Кавлашвили и художник З. Церетели — сделали все, чтобы сохранить и передать потомкам каждую деталь уникального памятника русской культуры.

На цокольном этаже можно попробовать хачапури, компоты, грузинское варенье, чай и сиропы 12 наименований. У маленьких столиков одновременно могут разместиться 120 человек. На первом этаже продают знаменитые «воды». Тут стену украшает портрет Митрофана Лагидзе, красуется старая этикетка, которая хорошо была известна тбилисцам с 1900 года. Объединение «Солани» предложит москвичам изделия народных умельцев, которые пользуются заслуженной славой не только у нас, но и за рубежом. На втором — выставочный зал, где запланированы экспозиции как знаменитых, так и молодых грузинских художников. Первый вернисаж пройдет под девизом: «Грузия глазами русских художников». Любители изобразительного искусства получат возможность увидеть оригиналы работ М. Лермонтова, а также произведения В. Тропина, Г. Гагарина, И. Занковского, И. Грабаря, Н. Чернецо-

ва, Ф. Байкова и других. Рядом — еще один зал, где будут устраиваться встречи с деятелями литературы и искусства.

Директором комплекса назначен заслуженный артист Грузинской ССР, солист Большого театра СССР А. Джапаридзе. Уникальная люстра, украшающая середину зала, — основной элемент интерьера, тема которого — вечность жизни и мира на земле. Московское небо добавляет мерцающим свечам неповторимое сияние.

В «Зале встреч» исполненные в эмали картины повествуют о дружбе, взаимности русско-грузинских отношений, которые длятся уже века. Здесь Вахтанг VI, большой ученый и поэт царь Арчил, сподвижник и друг Петра Великого, генерал-фельдцейхмейстер русской артиллерии Александр Багратион, прославленный географ и общественный деятель Вахушти, Сулхан Саба Орбелиани, герой Бородине Петр Багратион и другие.

На первом этаже размещена еще одна работа З. Церетели «Тбилисская сюита», которая ярко и красочно, словно радуга, раскрывает быт и колорит старого Тбилиси.

Грузинский торгово-культурный комплекс широко распахнул свои двери перед москвичами и многочисленными гостями столицы.

Давид МАЧАВАРИАНИ

Пятдесят шестой год — год начала моей судьбы. Весной я заканчивал школу-студию МХАТ, в это же время появилась на экранах моя первая картина «Убийство на улице Данте», а в ноябре пятьдесят шестого я впервые сыграл Гамлета в спектакле Н. П. Охлопкова.

Оттого поначалу эта книжка называлась «56-й, или Записки счастливого человека, страдающего радикулитом».

«Записки счастливого человека»... Я без всякой иронии считаю себя, в основном и главным, счастливым человеком моего в общем-то относительно счастливого поколения.

В трагические для наших отцов и матерей 37—38-й годы я был очень мал. Затем война. Погибает на фронте мой старший брат. Моим сверстникам в это время восемь, девять, десять лет, и тяготы войны касаются нас лишь косвенно. Но память остается.

Нелегкий 48-й и начало 50-х вновь грузом ложатся на плечи уцелевших, выживших, перестрадавших. В это время я лишь школьник, сын своих родителей, младший из оставшихся в живых двух старших, которых нет на свете. Теперь уже обоих. В 53-м году я студент второго курса — свидетель поворота жизни в лучшую, для всех нас счастливую сторону.

Мы дожили до времен, когда имена Булгакова, Мандельштама, Пастернака, Цветаевой, Ахматовой могут, например, стоять в афише. Мы многое увидели, прочитали, узнали. Наши родители, их поколение и помышлять об этом не смели!

Наконец, я пишу эти записки без внутреннего цензора, и это тоже кое о чем говорит...

Мама всегда работала: то в институте ветеринарных врачей, то в Литфонде Ленинградского отделения Союза писателей, то в издательстве «Искусство», но алиментов за братьев не получала. Сама оставляла мужей и, забрав детей, уходила к следующему, гордо отказываясь от материальной помощи. Писатель Никитин, отец старшего, Вовки, хотя и жил благополучно, матери в этом вопросе перечить не стал. А Борькин отец, москвич, директор 1-й образцовой типографии Рензин, бывал в нашей семье и меня любил, на руках носил, как гласит семейное предание. Он даже перед своей смертью предлагал маме помощь, но она отказалась. Очень гордая женщина была моя мать. И все мужья ее очень любили. Рензин, когда его в 1936-м исключили из партии, позвонил из Москвы и попросил мать срочно приехать к нему. Мать поехала. Встретились. Она его спросила, что стряслось. Он ей ничего не сказал, так, мол, неприятности, и предложил ей деньги для Борьки.

Она говорит:

— И для этого ты меня из Ленинграда вызывал? Ты же знаешь, что мне ничего не нужно.

Он стал уговаривать. Но мать стояла на своем и в тот же вечер уехала в Ленинград. А наутро звонок из Москвы:

— Наум Михайлович застрелился.

Через год мать вместе со слепой бабушкой посадили. Отца не тронули. Номера ордеров на арест были с одним пропуском. Пропущенная цифра стояла, должно быть, на ордере, предназначенном для отца.

Мать год в одиночке отсидела. Вы-

РИСУНКИ НА ПЕСКЕ

ФРАГМЕНТЫ ИЗ КНИГИ

держала только благодаря внутренней дисциплине. Каждый день делала утреннюю зарядку и до блеска драила половой тряпкой камеру. Из спички соорудила иглу и вышила крестиком носовой платок. Платок этот я потом видел, мать его хранила. Прошла она и пытку — тринадцать суток подряд без сна. Следователи менялись, а подследственная продолжала держать ответ.

Спас ее один следователь. Приходя на допрос, говорил:

— Зоя, вы спите, спите. Но если что, не обессудьте, матом крыть буду, тогда не пугайтесь.

Мать всегда поминала его добрым словом, объясняя, что он рисковал своей жизнью. Обвиняли же ее в том, что она агент «Интеллидженс Сервис», а она толком сообразить не могла, чья эта разведка и какой державы...

Перед войной ее и слепую бабушку-дворянку выпустили.

У отца и на воле дела шли худо. Он написал пьесу «Когда я один». Герой

ее, интеллигент, приходил в отчаяние, что люди все воюют между собой, грызутся, как звери. Сталин прочел и поставил автограф: «Пьеса вредная, пацифистская. И. В. Сталин». И, несмотря на то, что была у отца еще и пьеса «Чекисты» про Дзержинского, и статья в том самом сером томе о Беломорско-Балтийском канале, отец попал в немилость. И началась его черная полоса, которая тянулась до самой смерти в пятьдесят четвертом году в Москве. Шел II съезд писателей, и отца, чей союзный билет был подписан самим основателем — Горьким, на съезд не делегировали и даже гостевого билета не прислали. Он это очень переживал. Инфаркт и диабетическая кома, все вместе, в два дня свели его в могилу.

Роман «Девять точек» переизданным он не увидел. Вышел тот в новой редакции под названием «Крушение империи» уже после его смерти, и мы с матерью развозили долги всем друзьям, которые помогали ему много лет. А друзей у него было много, тем он и счастлив был. Иначе как бы вынести им с матерью все, что они вынесли?

Часто приходил еще один человек, которого мы, дети, обожали: дядя Женя Шварц. Мы его считали всецело принадлежащим нам, так как думали, что он пишет только для детей; поэтому висли на нем и не пускали к взрослым, пока толстый, веселый дядя Женя не расскажет что-нибудь смешное. А Шварц, который когда-то был актером, сопровождал остроумные рассказы чудесными показами людей, волшебников или животных. Иногда изображал даже предметы. Он предлагал нам игру: в покупателя и кассиршу, а сам изображал и кассиршу, и кассу. Покупатель, например, говорил: «Выбейте, пожалуйста, 28 рублей 43 копейки...» «Вам в какой отдел?» «Где конфеты». Наша кассирша повторяла: «28 рублей 43 копейки» — и выбивала сумму на своем лице, поочередно мигая то левым, то правым глазом и шевеля носом.

Потом крутила ручку кассы около уха, открывала рот и высовывала язык — чек, при этом так смешно тараща глаза, что мы умирали со смеху... «Дядя Женя! Ну еще что-нибудь», — не унимались мы. Но тут на выручку приходила жена Бориса Михайловича Эйхенбаума Рая Борисовна: «Ребята, дайте Евгению Львовичу побеседовать со взрослыми», — и уводила Шварца в кабинет Эйхенбаума.

В 48-м году Шварц читал друзьям свою пьесу «Обыкновенное чудо» — называлась она тогда «Медведь». Происходила читка в Комарове, в Доме творчества писателей, где летом обычно жили мои родители. Евгений Львович предложил отцу прихватить на читку меня: мне стукнуло уже тринадцать лет, и ему была интересна реакция подростка, потенциального зрителя будущего спектакля.

Шварц принес огромную кипу испанской бумаги. У него в это время уже тряслись руки, и он писал крупным прыгающим почерком. На титульный лист он приклеил медведя с коробки конфет «Мишка на Севере». Большой, полный, горбоносый — таким он мне запомнился на той читке. (Про него говорили: «Шварц похож на римского патриция в период упадка империи».) Читал он замечательно, как хороший актер. Старый Эйх, папа, дядя Толя Мариенгоф и я дружно смеялись. А иногда смеялся один я, и тогда Шварц на меня весело поглядывал. Чаще смеялись только взрослые, а я с удивлением поглядывал на них.

Пьеса всем очень понравилась. Когда Шварц закончил читать, дядя Толя Мариенгоф сказал: «Да, Женечка, пьеска что надо! Но теперь спрячь ее

* Возможно, и это часть легенды о Нем, — читавшем все, знавшем все, видевшем всех насквозь. — Прим. автора.

и никому не показывай. А ты, Мишка, никому не протрешь, что слушал».

Современному человеку это может показаться по меньшей мере странным. Признаться, теперь и мне кажется преувеличенной такая реакция А. Б. Мариенгофа. Но он-то трусостью не страдал, просто шел тот самый 48-й год, и в писательских семьях уже не доставало очень многих...

Б. М. Эйхенбаум написал книгу об А. А. Ахматовой в начале 20-х годов, уже тогда признав в ней большой талант. Мне посчастливилось сразу после войны видеть Анну Андреевну в квартире дяди Бори и слышать, как она читает стихи.

После войны, вернувшись в Ленинград из Ташкента, она была худая, выглядела усталой, и мне было странно слышать, что взрослые называли ее красавицей, как-то по-особому глядели на эту женщину и говорили с ней крайне почтительно. Не помню я и стихов, которые она тогда читала, — было мне лет одиннадцать-двенадцать. Помню только ощущение, помню чувство значительности происходящего и ее ровный голос, без интонаций.

Моя мать знала Ахматову давно, еще с двадцатых годов. У мамы после ее смерти в 1973 году я обнаружил записи, к сожалению, немногочисленные: так и не собралась написать, хотя знала очень многое и очень многих. Одна из записей относится к Ахматовой. Приведу ее целиком.

ИСТОРИЯ ПАМЯТНИКА А. А. БЛОКУ

Прокофьев принимал деятельное участие, чтобы поставить Блоку памятник на Литераторских мостках, куда его останки были перенесены во время войны.

В 1930-м или 31-м году Издательство писателей предлагало Любови Дмитриевне Менделеевой-Блок водрузить памятник А. А. Блоку на Смоленском кладбище, на что Любовь Дмитриевна ответила: «Сашеньке будет тяжело».

Союз писателей возложил на меня обязанность организовать установку памятника А. А. Блоку (в начале 46-го или в конце 45-го года). Мы запросили Комитет по делам искусств, и нам было ассигновано 25 тысяч рублей. Это были очень маленькие деньги.

По совету писателей (кажется, Ольги Берггольц или Прокофьева) я обратилась в Музей скульптуры с вопросом, чем они могут нам помочь. И там оказалась фантастическая женщина Тамара Федоровна Попова, директор музея, которая мне обещала, что она постарается отобрать одну из бесхозных скульптур; и она повела меня в это хранилище бесхозных скульптур, предложив выбрать обелиск, на который можно поставить барельеф. В 46-м году барельеф был утвержден Прокофьевым, и памятник был готов к 7 августа.

7 августа 1946 года я позвонила Анне Андреевне и сказала, что за ней заеду. Я заехала, и мы отправились на кладбище. С нами в машине случайно оказался И. Эвентов, при котором произошел следующий разговор. Анна Андреевна обратилась ко мне и сказала:

— Правда ли, что Блоку установлен памятник из бесхозной скульптуры?

Я ответила утвердительно. И вдруг Анна Андреевна сказала:

— Зоя Александровна, если я умру и вы будете устанавливать памятник у меня на могиле — ни в коем случае не берите его из бесхозных скульптур. Я сказала:

— Помилуй бог, Анна Андреевна, не будет ли вам тогда все равно?

На что она, немного подумав, сказала:

— Да, пожалуй, вы правы, мне будет все равно.

Когда мы приехали на кладбище, торжественного митинга не устраивали,

выступил, кажется, Евгений-Максимов и кто-то еще, но я знала, что дело сделано, у Блока есть памятник.

Я сговорила с Анной Андреевной, что заеду за ней, чтобы отвезти ее в БДТ на вечер памяти Блока. Когда я приехала к ней домой, у нее сидели два человека, в том числе критик Р. Беньяш, которая большими буквами записывала стихотворение Блоку, которое Анна Андреевна собиралась читать в театре (она хотела читать его без очков). Это стихотворение было: «Он прав, опять фонарь, аптека...»

Анна Андреевна одевалась и диктовала это стихотворение, подкрашивая губы, поэтому звук был приглушенный. Надевая свои лучшие вещи, которые, как она мне рассказывала, раздобыла ей Ольга Берггольц по каким-то лимитам, на которые Ахматова формально не имела никаких прав, — какое-то черное платье, черно-бурая лиса, — она рассказывала нам попутно бытовые детали этого дела и что она сейчас более или менее одета, и тут же она сказала, что накануне они были в Пушкинском Доме, в музее, где выставлена часть кабинета А. А. Блока, в том числе папироза, которую он не докурив и оставил в пепельнице. И она сказала: «Боже! До чего это противно! Нельзя делать культ вещей». И тут же она рассказала о своей последней встрече с Блоком, который увидел ее на вечере в БДТ... Блок читал стихи в БДТ... Анна Андреевна шла с испанской шалью на плечах. Посмотрев на нее, Блок сказал: «Вот и испанская шаль. Вам не хватает только розы в волосах».

Затем мы отправились в БДТ, где Анну Андреевну встретили как королеву; и, когда она вышла на сцену, чтобы прочесть стихи, театр встал и долго ей аплодировал.

Это был апогей ее славы перед постановлением, перед «решениями», перед всем дальнейшим.

Наш театр называли театром единомышленников, но единомыслие давалось подчас тяжело и вырабатывалось годами совместной жизни. Если программу мы записать не сумели, то Устав выработали, и он был «начертан». До 1964 года мы назывались театром-студией и существовали по студийным правилам внутреннего распорядка.

Мне скучно приводить документы, стенограммы ночных бдений и споров, этапы создания законодательства «Современника», да и не нужно это. Важно другое: Устав был написан искренне, он возник органично, как внутренняя потребность.

Репертуар утверждался сообща — это было главное в Уставе. И труппа формировалась общими усилиями — это второй опорный пункт Устава.

«Всего-то?» — спросит не искушенный в театральных делах человек. Да, всего-то! Но в условиях, далеких от частной антрепризы, при том, что «Современник» был островком в общей системе театров страны, это совсем не так уж мало.

Попробуйте, скажем, сойтись в оценке поступающего в театр или уже играющего в нем актера, даже если вы молоды, страстно любите свой «островок» и еще не отягощены связями и зависимостями. Ведь вам предстоит решить судьбу другого человека.

Теперь, когда мы, еще не старые люди, болеем, разваливаемся по частям, это во многом результат напряженных дней и бессонных (буквально!) ночей наших заседаний.

Итак, во главе дела был Ефремов. При нем совет. Труппа делилась на две части — постоянную и переменную. Актеры из постоянной могли переключаться в переменную и наоборот — все решалось голосованием. Но ему предшествовало предварительное обсуждение, которое происходило по правилам «игры во мнения».

В алфавитном порядке каждый из

нас уходил за дверь. Его обсуждали по 30—40 минут. Иногда час. Всесторонне. Какой актер? Что сыграл? Вырос, не вырос? Что и как играл на стороне: в кино, на телевидении? Дисциплина? Что за человек? Как относится к делу? К людям? Шли споры, сталкивались крайние суждения. Ефремов или председательствующий суммировал общее мнение. Наконец мученика, который час торчал в коридоре, курил и обдумывал свои грехи, вызывали на манеж, и председатель начинал: «Был, дескать, на балу и слышал про Вас молву. Одни говорят, что Вы... Другие утверждают... Третьи сомневаются...»

Ты все это слушал молча, переживал, догадывался, кто эти «другие» и «третьи».

Потом ты имел право на ответное слово, но лучше было не травить душу изнемогающим от усталости «единомышленникам». Ты садился на свое место, за дверь уходил следующий, и, наконец, наступала очередь Ефремова, уходил уже он. Вот с этим моментом, помню, всегда была связана некоторая неловкость. Начинались не слишком естественные шуточки: «Ну, держись, Олег Николаевич, сейчас мы тебе покажем», — и неестественность происходила оттого, что мы чувствовали себя детьми, вздумавшими обсуждать «тятенку». Обсуждали торопливо: хвалить неудобно, ругать тоже, — лично я в эти минуты всегда ощущал несерьезность происходящего, хотя разбор любого члена коллектива казался мне делом вполне нормальным.

Происходило голосование, разумеется, тайное, в результате чего кто-то перекочевывал в переменный состав, а после обсуждения переменного кто-то попадал в постоянную часть труппы. По нашему Уставу, проголосовать за отчисление актера из театра можно было только в том случае, если он был — еще или уже — в переменном составе.

Такого рода отчисление откровенно противоречило советским законам. Любой отчисленный теоретически мог апеллировать в профсоюзные инстанции, и они бы его поддержали, коль скоро он не нарушал трудовой дисциплины и не подлежал увольнению по КЗоТу. Поэтому каждый принимаемый в театр-студию «Современник» должен был ознакомиться с Уставом и дать подписку, что согласен с ним и никаких претензий, если (не дай бог!) что слу-

чится с ним впоследствии, иметь не будет, а сам своей собственной рукой напишет заявление об уходе.

Вообще вся эта процедура была мучительной. Представьте, что вы работаете с человеком бок о бок два-три года. Он хороший человек... Да разве в этом дело? Пусть даже он лично вам несимпатичен и неважно играет роли, — все равно после подсчета голосов смутно бывало на душе. И тем не менее такая молодая жестокость была необходима соответственно молодому театру. В мучительных ночных бдениях вырабатывались общие критерии, проветривались мозги, все это предостерегало от самоуспокоенности, во всяком случае, в первые годы, когда общее дело для тебя было так же важно, как и актерская твоя судьба.

Но театр-студия мало-помалу укреплял свои позиции в системе московских театров, приходило признание, так что закрытие делу уже не грозило. И вот тогда-то на первый план стали вылезать личные взаимоотношения, которые всегда в театральном коллективе складываются не просто. Это стало сказываться и на процедуре «игры во мнения» с последующим голосованием. Олег прекрасно понимал, что надо чем-то подкрепить объективность взгляда «единомышленников» друг на друга, и разработал проект экономической заинтересованности.

Дело в том, что все мы, естественно, получали ту или иную зарплату — согласно своей тарификации, строго определенной Министерством культуры. Одно время после голосования, когда определялся протагонист сезона и общее мнение товарищей обнаруживало положение каждого из нас, мы сами внутри коллектива эту зарплату перераспределяли. Был общественный кассир: ему сдавались деньги, и он производил перерасчеты с актерами. Скажем, артист Икс тарифицирован на 120 рублей, однако стал первачом, и собрание постоянной части труппы сочло нужным, чтобы он получал в следующем сезоне 150 рублей. Где взять недостающие тридцать? Но артисты Игрек и Зет, получающие по 145 рублей, согласно все той же тарификации, в прошедшем сезоне работали плохо, что установлено тайным голосованием. Им, стало быть, надлежало сдать по 15 рублей общественному кассиру, а тот, в свою очередь, вручал их артисту Икс.

НАЧАЛО БИОГРАФИИ. Михаил Козаков и Олег Табаков в 1959 году.

Эта процедура была возможна при условии полной веры в правильность решения коллектива, когда честность каждого не вызывала сомнений. Словом, в период прекрасного отрочества театра-студии «Современник».

Как известно, молодость — это недостаток, который быстро проходит.

И Ефремов предложил новый экономический проект, с которым обратился в Управление культуры. Из него следовало, что «Современник» готов трудиться в несколько раз интенсивнее, чем сейчас, в два раза увеличить количество спектаклей; актеры дают подписку, что не будут сниматься в кино, халтурить на радио, в концертах, а все силы отдадут только театру, но тогда уж и труд их должен быть соответственно вознагражден. Театр готов, чтобы ему увеличили финансовый план, но, выполнив его, просит «перевыполненные» деньги оставлять именно в театре, дабы распределять их среди актеров по «марочной системе». Актеры становятся, так сказать, «сосетерами», держателями акций, как было, между прочим, и в старом... нет, еще не в МХАТе, а в Художественном театре, у Станиславского и Немировича. Количество марок будут определять опять-таки «игра во мнения» и тайное голосование. Таким образом, «держатель акций» окажется истинно озабочен мастерством актеров, играющих с ним рядом; появится принцип материальной заинтересованности, способствующий развитию дела и подкрепляющий Устав, который без этого держался на эфемерной основе.

Предложение Олега Николаевича, единогласно поддержанное труппой, начальство восприняло как потрясение основ социалистической системы. Прозвучала фраза: «Венгрию развели!» — и экономический проект был, разумеется, тут же похоронен. Но его еще долго помнили Ефремову, когда хотели пострадать.

Надо сказать, что на плечи Олега всегда ложилась вся тяжесть взаимоотношений с вышестоящими инстанциями. Какой-то большой чиновник из Министерства культуры ответил коротко и ясно, когда Ефремов обратился к нему по одному из жизненно важных вопросов: «Что ты мне заладил: «коллектив, коллектив»... Кто там у тебя в коллективе? Несерьезно все это! Для меня есть один человек! Запомни: Олег Попов! Ой, извини! Олег Ефремов!» Что говорить, он был буфером между бескомпромиссным молодым коллективом и руководством министерства, которое не воспринимало всерьез «пацанов» и «девчат» из «Современника».

В Москву со своей женой, корреспонденткой-фотографом, приехал Артур Миллер, и поначалу все шло прекрасно — лучше и не бывает.

Они побывали в «Современнике» и увидели «Голого короля». Затем Миллер изъявил желание встретиться с коллективом театра. Иностранная комиссия Союза писателей эту встречу устроила. В кабинете Ефремова набилась куча народу: артисты, критики, представители этой самой иностранной комиссии. Из наиболее интересных вопросов, точнее говоря, интересных ответов драматурга был ответ о принципе построения его пьес. «Принцип очень простой», — сказал Миллер. Он двумя пальцами взял со стола белый лист бумаги и показал нам: «Видите этот лист? Не правда ли, он белый? С этого я начинаю почти в каждой своей пьесе, а затем лист поворачивается другой своей стороной, — а не, он черного цвета. Вот и весь мой принцип».

Встреча закончилась, оставив ощущение неудовлетворенности. Еще бы! Мы молодые, любопытные, у нас в гостях почти классик — неужели все вот этим и ограничится?

Мы подошли к Миллеру с просьбой

еще раз посетить наш театр и встретиться уже без посторонних, в обстановке неофициальной. Время у него было спланировано жестко, он уезжал в Ленинград смотреть спектакли Товстоногова, но обещал, если удастся, на день раньше вернуться. На том и расстались. Может быть, это была вежливая отговорка? Да нет, он действительно прилетел днем раньше и еще утром дал знать, что придет в «Современник» и будет рад потолковать с нами. Боже, как мы обрадовались! Мигом скинулись на домашний банкет, который решили провести на дому у Олега Табакова, — он тогда был обладателем самой большой квартиры, где не стыдно было принять мэтра.

Жены наши хлопотали с самого утра, готовя стол, достойный дорогого гостя.

Вечером Миллер с женой пришел в театр. Игрался спектакль «Без креста». Перед началом они зашли в кабинет Ефремова: сам Олег в тот вечер, правда, снимался, но велел мне, как не занятому в спектакле, принять их за хозяина.

Мы сказали выдающемуся писателю, что после спектакля поедим на квартиру к одному из наших ведущих актеров, и покорнейше просим его с супругой отужинать с нами. Ефремов приедет туда же, закончив съемку.

— Вам, наверное, будет небезынтересно увидеть, как живут русские актеры. Обещаем вкусный ужин, и, конечно, не скроем, очень хочется с вами побеседовать в домашней обстановке. Переводчик есть свой, так что все предусмотрено. Не откажите...

Миллер перекинулся с женой и ответил, что они чрезвычайно рады приглашению. И они пошли в зал смотреть спектакль. А за кулисами начинает разыгрываться другой спектакль, куда более интересный, чем тот, что идет на сцене. Мало сказать: интересный — незабываемый. Даже теперь, много лет спустя, когда, естественно, что-то уже притупилось и на все это глядишь издали, какое-то постыдное чувство охватывает меня, лишь только вспоминаю дальнейшее.

Черт его знает, кто стукнул, когда успели и куда стукнули! Вбегает замдиректора.

— Вы что, с ума сошли? Кто вам разрешил?

— Что?

— Они еще спрашивают: «Что!». Кто вам разрешил звать Миллера домой? Вы соображаете, что вы делаете?!

— А что мы такого делаем?

— Вы что, действительно не понимаете или притворяетесь?!

— Мы действительно не понимаем...

— Ах, не понимаете! Ну, так вам сейчас немедленно разъяснят. Где Табаков?

— Он на сцене, играет. А в чем, собственно, дело? Мы что, не имеем права пригласить уважаемого драматурга домой и принять его, как подобает советским актерам?

— Принять?! Домой?!

Замдиректора почти кричит. Он официально лицо и в силу своей должности связан с разными учреждениями. Ему понятно то, что невдомек нам.

— Принимает Миллера Союз писателей, его иностранная комиссия. Иностранная...

— Ну и что?

— О боже, с вами бессмысленно толковать! Где Ефремов?

— На съемке.

— Он в курсе?

— Да.

Замдиректора хватается телефонную трубку, трясущимися пальцами набирает номер, с кем-то здороваются — второпях, но тем не менее весьма почтительно — и говорит в трубку:

— Сейчас я вам дам Табакова. Одну минуточку... Олег!

Вошедший в кабинет Ефремова Табаков берет трубку. Мы насторожились. Пристально глядя на Олега, на его постепенно меняющееся выражение лица.

— Слушаю вас.

Пауза. Там что-то говорят.

— Да, да. Ко мне домой.

Пауза.

— Ну, человек двенадцать наших актеров.

Пауза.

— А почему нельзя? Но вы понимаете, что мы его уже пригласили? А что мы ему скажем? Поймите, это неловко... Раньше надо было думать? — вслух повторяет Олег сказанную на другом конце провода фразу. — Ну, послушайте, в конце концов что же тут особенного? Мы — советские актеры, он — прогрессивный американский драматург. Во времена маккартизма он подвергался преследованиям.

Табаков начинает говорить, повышая голос, пытаясь придать своей интонации гражданственную весомость.

Его обрывают и говорят ему, по-видимому, что-то не менее весомое, после чего он уже не сопротивляется, о временах маккартизма не поминает, а вяло мямлит в трубку:

— Нет, я понимаю, но как-то глупо получается... Как-то стыдно перед ним... А что придумать?.. — И долго, долго вздыхает в трубку. — Да, да. Нет, я понял... До свидания.

После спектакля Табаков и, кажется, Кваша поехали в «Националь» сообщать Миллеру о срочной ночной репетиции в связи с неожиданной болезнью актера, которого надо за ночь заменить другим, здоровым, дабы не сорвать завтрашнего представления.

...Вернулись после визита к Миллеру посланцы. На наш молчаливый вопрос — Табаков:

— Он нас встретил одетый, веселый... Жена перед зеркалом... Ну, мы ему сцену разыграли, что, мол, так и так... Тысяча извинений. Расстроены до слез. Этого и играть было не надо...

— Ну, а он?

— Что он... Дурак он, что ли? Как-то грустно посмотрел на нас через очки своими еврейскими глазами и говорит: «Ну что ж... Я все понимаю. Ничего, ничего, бывает...»

Опять телефонный звонок:

— Ну, что вы там?! У нас уже все остыло!

— Сейчас, сейчас... — повесил трубку Табаков.

Приехали. Сели за стол. Ефремов действительно уже тут. До сих пор перед глазами длинный стол, белоснежная скатерть, коньяк, вино, закуска разная. Все в сборе — и два пустых кресла, никем не занятые. Как бельмо на глазу.

Ефремов сказал:

— А я бы плюнул и не стал бы ничего отменять!..

На спектакль «Большевики» бывший премьер Никита Сергеевич Хрущев пришел с семьей и сопровождающим чиновником. То ли чин охранял его от людей, то ли людей от него — скорее всего и то и другое. Посадили Хрущева с Ниной Петровной не близко, рядом в десятом, а он был уже глуховат. И артисты, разумеется, знавшие о его присутствии, видели, как Никита Сергеевич время от времени наклоняется к жене и она дублирует ему ту или иную реплику, на которую до того отреагировали зрители. После первого акта Хрущеву предложили сесть поближе, но старик отказался:

— Видеть я все вижу и понимаю, а чего недослышу, так у меня с собой усилитель.

Имелась в виду жена.

Был на спектакле автор пьесы Шатров, присутствовал и чешский драматург Мирослав Блажек.

— А это кто? — спросил Никита Сергеевич.

Ему объяснили.

— А! Ну, здравствуйте, товарищи чехи, — протянул Блажеку руку Хрущев. Тот попросил автограф. Хрущев дал.

— Ну, как вам спектакль, Никита Сергеевич? — спросил Шатров, когда его представили Хрущеву.

— Интересно, интересно, товарищ автор. Только вот у вас там упоминаются Бухарин и Рыков... Вы их не очерняйте... Это были хорошие люди... Надо было их реабилитировать. Но вот не вышло.

— Что же так, Никита Сергеевич?

— Не успел. (С улыбкой.) Ничего, надо же что-нибудь и другим оставить. Ну, пойдём дальше глядеть. Так что вы их того, не очерняйте, не надо...

После спектакля Хрущев с семьей опять в кабинете руководства.

— Хороший, нужный спектакль. — Никита Сергеевич пожимает руку Шатрову. Он взволнован и расположен говорить: — Да, Сталин, Сталин... Это был двуликий Янус... Помню, однажды вызывает меня в Кремль. Приезжаю. Сам сидит в беседке. В Кремль тогда посторонних не пускали. Это я потом разрешил... (Довольный, смеется.) Так вот, стало быть, сидит в беседке — сам-то. Газету читает. Подхожу. Кашлянул. А потом: «Здрассте, Иосиф Виссарионович». «Здравствуй, Никита».

Хрущев говорит за Сталина, неумело пародируя восточный акцент, как это делают очень простые люди.

— Я: «Вызывали, Иосиф Виссарионович?» «Вызывал, Никита». Стою, жду. Он молчит. «Ну вот, я явился, Иосиф Виссарионович». «Вижу, что явился, Никита. Ты толстый, тэбя нэ замэтити нэльзя...» «Слушаю вас, Иосиф Виссарионович». «Так вот, Никита, вчера коменданта охраны Кремля взяли». «Знаю, Иосиф Виссарионович». «Знаю, знаю... А ты знаешь ли, Никита, что он на тебя показывает?» Я побледнел: «Не может быть, Иосиф Виссарионович!» «Что не может быть? Показывает».

Хрущев выдерживает паузу, как хороший артист. Он не рассказывает, а, как мы, актеры, говорим, «проживает».

— Я ему: «Нет, быть не может, товарищ Сталин!» «Что ты, Никита, заладил, нэ может быть, нэ может быть. Я тэбе говорю — показывает». Стою как столб, молчу. Сталин рассмеялся и по плечу меня хлопнул: «Я шучу, Никита, шучу я...»

Теперь уже в кабинете воцарилась мертвая тишина. После этой жуткой паузы Галя Волчек, желая как-то разрядить неловкую атмосферу, очень мягко, со вздохом говорит, обращаясь к Хрущеву:

— Да, Никита Сергеевич, от таких шуток можно инфаркт получить...

Хрущев резко повернулся к ней:

— Инфаркт? (Аж побагровел весь.) Инфаркт?! Я человек простой и так скажу: за такие шуточки...

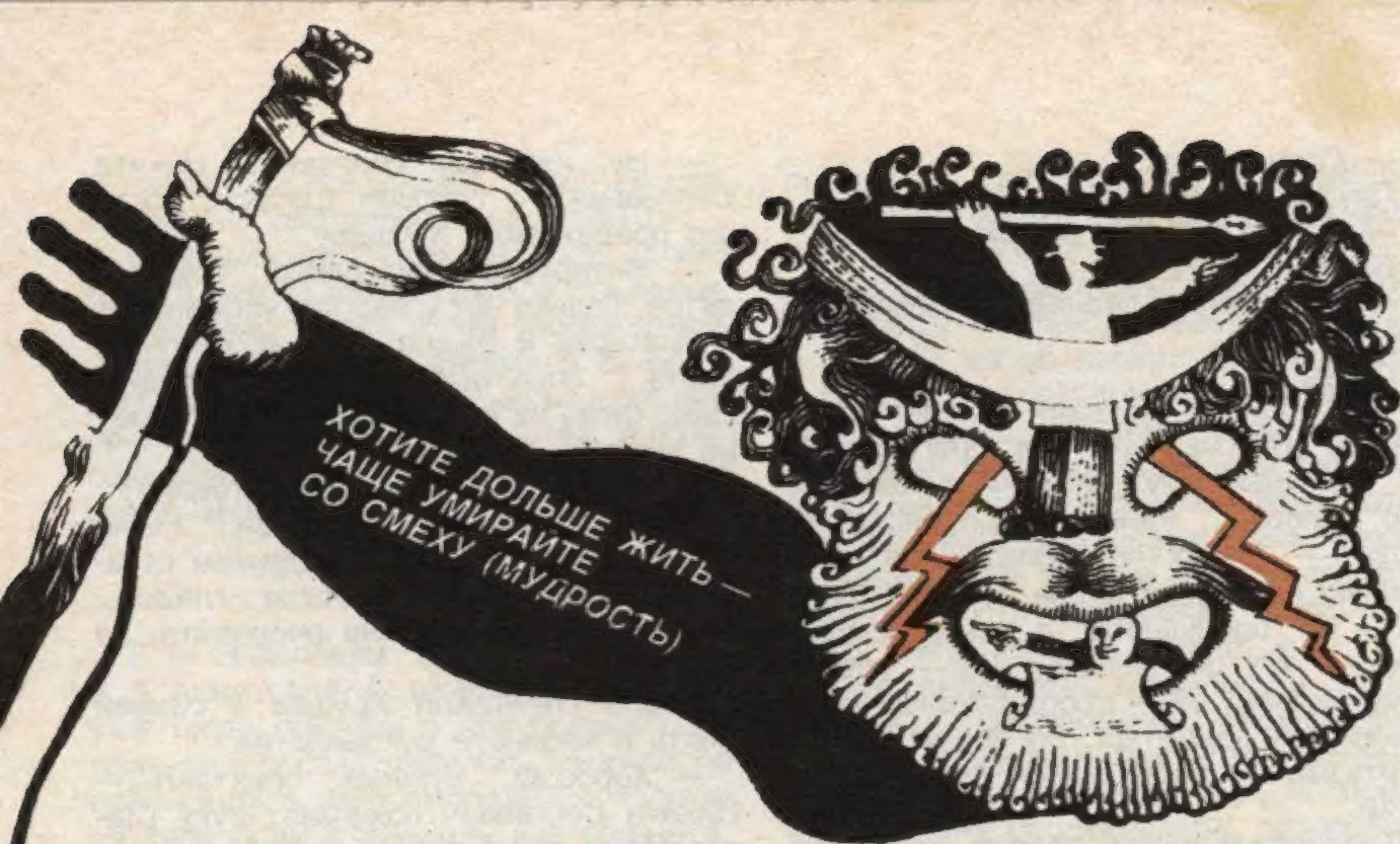
И при полной тишине: «Шутка!» И опять: «Шутка!» Покачал головой и снова: «Шутка...»

В кабинет заглядывает чин:

— Никита Сергеевич, вам пора.

— Иду, сейчас иду, — и, подмигнув присутствующим: — Охраняют меня... Ну что ж, надо идти. Спасибо за спектакль. Мне — понравилось...

Как ясно из прочитанного, это лишь выжимки из большой книги. Писалась она для себя. Я и не чаял, что доживу до времен, когда будет возможна публикация, да еще в «Огоньке»! Книга готовится к печати в издательстве «Искусство». Кто-то сказал, что каждый человек может написать одну книгу — книгу его жизни. Такова моя рукопись. Но так как жизнь продолжается, то и книга Е. Б. Ж. (если буду жив, как помечал Толстой в дневниках), надеюсь, будет продолжена, и, кто знает, может быть, мы еще встретимся с тобой, читатель, на страницах журнала «Огонек», который с недавних пор рискует давать ход многим начинаниям...

Поэта Николая Олейникова хорошо знают ценители смешного. В свое время он принимал активное участие в работе журналов «Чиж» и «Еж», где ближайшими его соратниками были Даниил Хармс и Евгений Шварц. Корней Иванович Чуковский писал о Н. Олейникове в своих воспоминаниях: «Его необыкновенный талант проявился во множестве экспромтов и шуточных посланий... Стихи эти казались небрежными; иные считали их тогда однодневками, не имеющими литературной ценности. Лишь впоследствии стало понятно, что многие из этих непритязательных стихов — истинные шедевры...»

Николай
ОЛЕЙНИКОВ

ЖАРЕНый КАРАСЬ

Жареная рыбка,
Бедный мой карась,
Где ж ваша улыбка,
Что была вчера?

Жареная рыба,
Бедный мой карась!
Вы ведь жить могли бы,
Если бы не страсть.

Что же вас сгубило,
Бросило сюда,
Где не так уж мило,
Где сковорода?

Помню вас ребенком,
Хохотали вы,
Хохотали звонко
Под водой Невы.

Злые люди взяли
Рыбку из сетей,
На плиту послали
Просто, без затей.

Ножиком вспороли,
Вырвали кишки,
Посолили солью,
Всыпали муки.

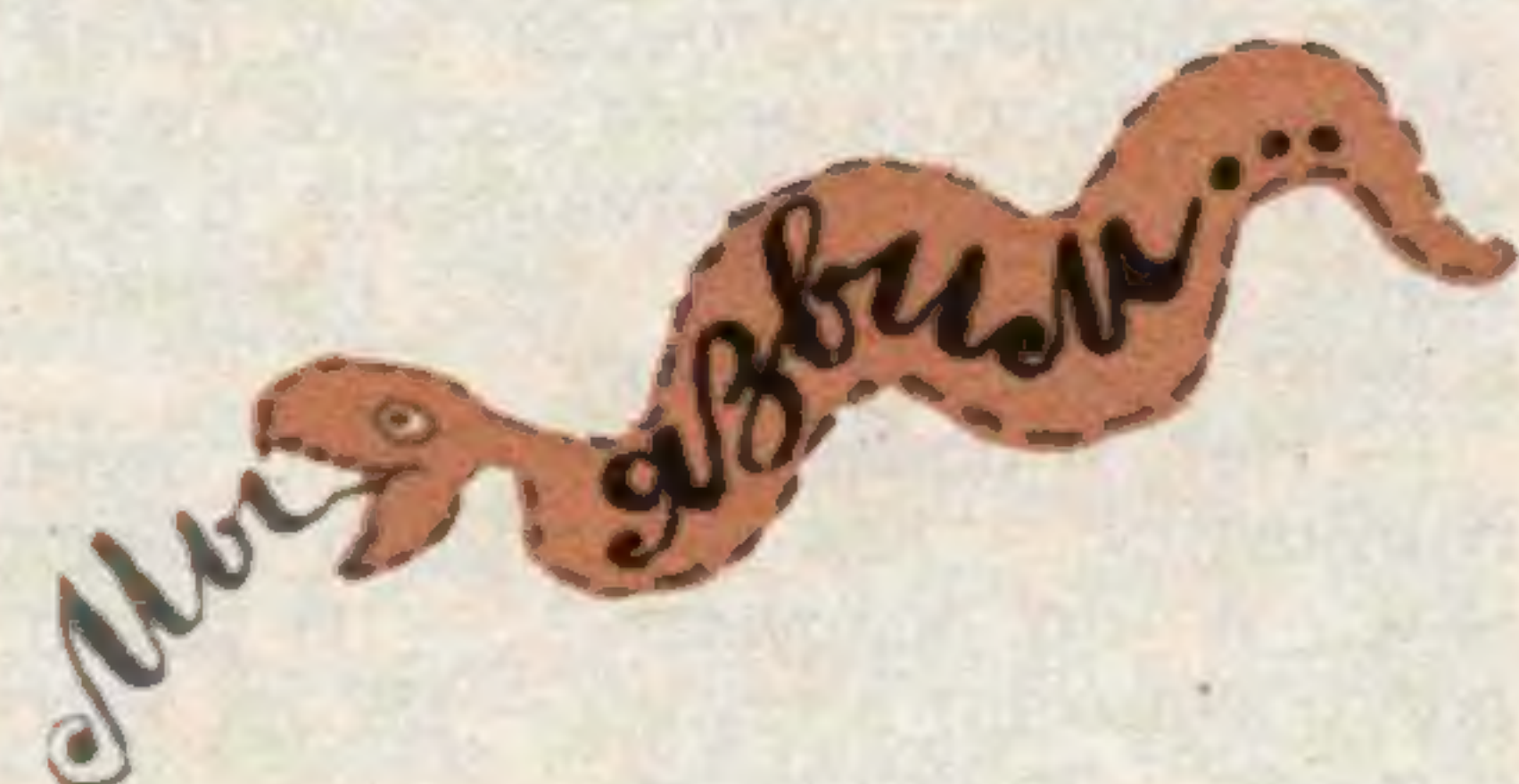
А ведь жизнь прекрасной
Рисовалась вам!
Вы считались страстным
Попромежду дам!..

Белая смородина,
Черная беда!
Не гулять карасику
С милой никогда.

Не ходить карасику
Теплою водой,
Не смотреть на часики,
Торопясь к другой.

Плавниками-перышками
Он не шевельнет.
Свою любовь «корюшкою»
Он не назовет.

Так шуми же, мутная
Невская вода!
Не плыть карасику
Больше никуда!

Эдуард ДВОРКИН

ПЯТОГО СЕНТЯБРЯ

Просыпаюсь утром.
Шесть часов, серое небо, сыро, туман. Натягиваю несвежую рубашку, мокрые со вчера ботинки. Пихаю в карман бутерброды с кабачковой икрой. Один вываливается на пол. В зеркало вижу злое небритое лицо с красными невыспавшимися глазами.

Одиннадцатый час. Солнышко играет на хрустале. Надеваю японский халат. Завтракаю черной икрой. Бреюсь «Филлипсом». Листаю журналчик. Кому бы позвонить?

На работу опоздал. Зверский нагоняй от начальника. Не сходится баланс. Пропал приказ № 28 «б». Пришли распространять лотерейные билеты.

— Милочка? Да, я. Ну как ты после вчерашнего? На просмотр сегодня? Датский, говоришь? Еду. Нет. «Волгу» на сегодня просил кузен, буду на «Фиате»... Лечу... лечу...

Гудок на обед. Еле досидел. В столовой очередь. Обсчитали на десять копеек. Нет стаканов. Рассольник холодный. Подавился костью от трески.

Сажу на веранде Дома актера. Милочка тянет коктейль. Леопольд хвалит картину. Вставляю несколько замечаний о наплывах, фоне, краках. Принесли цыпленка табака.

Гудок с работы. Еле волочу ноги, болит желудок. В автобус не сесть. Пошел пешком. Отлетела подметка.

Расселись по машинам, еще два такси — и к Леопольду на дачу. Выиграл в бильярд у Павлика. Какое вкусное мартини! В покер они, конечно, играют слабовато. Интересно, интересно, какие у Мариночки со мной секреты...

Разболелся зуб. Номерков в поликлинике нет. Поехал в ночную платную. На талончик не хватило десяти копеек. Обвязал щеку носовым платком. От пальто отлетела пуговица. Разбил очки.

Ах, эти черные глаза! Три часа ночи. Пора домой. Нет, пора. Хорошо, поеду на такси, раз веселый. Ерунда. Хрусталь бьется — это к счастью. Дайте мне Микки Джаггера. Я буду слушать в машине.

Очень долго не мог попасть ключом в скважину. Вошел, разделся, лег спать...

Ленинград.

МЫ ГОВОРИМ

Владимир
ГОЛОБОРОДЬКО

● Родную землю мы любим за то, что в ней зарыто столько талантов!

● «Не убий, не укради, не бери взятку...» Выходит, нигде не работать?!

● Сегодня народ стал лучше одеваться: очереди выглядят наряднее.

● Чем больше мы заботимся о животных, тем они становятся вкуснее.

● Бездельника трудно выгнать с работы: не за что...

● Самоуглубляться — значит копать себе яму.

● Единомыслие уменьшает число извилин.

● Кинозадача: создадим эпоху, достойную наших фильмов!

● Потемкинские деревни — подарок города селу.

МЫ РИСУЕМ

Рисунок И. КОПЕЛЬНИЦКОГО
Черновцы

ИЩЕМ НОВЫЙ ЖАНР

Григорий ТУМАРКИН
(Краматорск)

КОРОТКО...

КОРОТКО О ГЛАВНОМ
Главное, ребята, — сердцем не стареть!

КОРОТКО О НЕГЛАВНОМ
Хорошо быть главным...

КОРОТКО О СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ
Брак.

КОРОТКО О ВНЕСЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ
Правда, хорошо? А счастье — лучше!

КОРОТКО О ФУТБОЛЕ
Не пробуждай воспоминаний!

КОРОТКО О ПОГОДЕ
Не ясно.

КОРОТКО О БРЮКАХ
Шорты.

КОРОТКО О СЕБЕ
Не участвовал, не состоял, не жалю, не зову, не плачу.

В страстной четверг у престолонаследника разболелся зуб. Прикладывали шалфей, повесили трех анархистов — ничего не помогало. Выписанный из Берлина лейб-дантист всеподданнейше советовал вырвать зуб.

— Это подрыв монархии изнутри! — забурлил Петербург.

Но тут из ближней чащобы прибыл Митяй, чудодейственной силы мужичок.

— Сгинь, анахема! — гаркнул он.

С перепугу у царевича вылетела пломба и убила лошадь под стражником. Во дворце на радостях учинили иллюминацию и повесили еще двух анархистов. А Митяя кликнули в государственный будуар:

— Проси, чего душе угодно!

Тайный агент кайзера Шульц фон Зельц прошипел из-под трона:

— Пусть Англию отдадут Великобритания!

Но Митяй сморкнулся в зипун и смиренно молвил:

— Дозвольте, вашеество, встрянуть в исторический роман!

Высший свет переглянулся: уж не вольтерьянец ли? Начальник тайной полиции успокоил:

— Нет, просто без царя в голове.

Так простой петербургский смерд волею судеб был приближен ко двору. А вскоре он уже вершил дела империи.

Сопоставим факты. Во вторник, аккурат перед великим постом, Митяй выпил лишнее ведро мадеры. Ровно через год Япония отозвала своего посла из Мавритании. А когда гугнявая фрейлина Анетка выскочила из Митяевых сеней с крупным, каратов сорок, синяком, все поняли: дни Государственной думы сочтены.

Не желая смириться с произволом, высшее общество стало разлагаться. Даже знаменитый повеса граф Конский бросил приму Нерыдаеву и сошелся с собственной женой.

Однажды ночью сам монарх вскочил с постели с криком: «Долой меня!» Но никто не поспешил ему на помощь: просвещение загубило цвет отечественного филерства...

А воротили международного импрессионизма уже подбирались к ключевым постам империи.

— Хочу министерство путей сообщения! — требовал фон Зельц.

— И мне-е! — ревел банкирский дом «Сукин и сын».

Митяй хохотал, похрустывая бархатными портянками:

— Гоните монеты оба! Будет в Расее два министерства путей собчения: министерство туды и министерство от-туды!

С болью следили за этим дружья простого люда во главе со Степан Степановичем Утюг-Утюговским. Сын скромного генерал-губернатора, он в детстве часто хаживал с папенькой в овин, чтобы поклякаться с мужичками про погоду и виды на Габсбургов.

Женившись на своей односельчанке из Царского Села, Утюг-Утюговский взял за ней в приданое прогрессивные реформы. Как-то: разрешить крепостным вызывать друг друга на дуэль; арестовать кайзера Вильгельма как немецкого шпиона и национализировать публичные дома.

Но Митяй заартачился. Встревоженный Степан Степанович поехал за советом к своей любовнице от первого брака княгине Бутырской-Таганской. Угоstit его тарелкой душистого домашнего кокаина, она сказала:

— Чем больше низостей он совершит, тем скорее падет весь отживший старый мир.

— А не пора ли его самого того... пасть? — предложил гость.

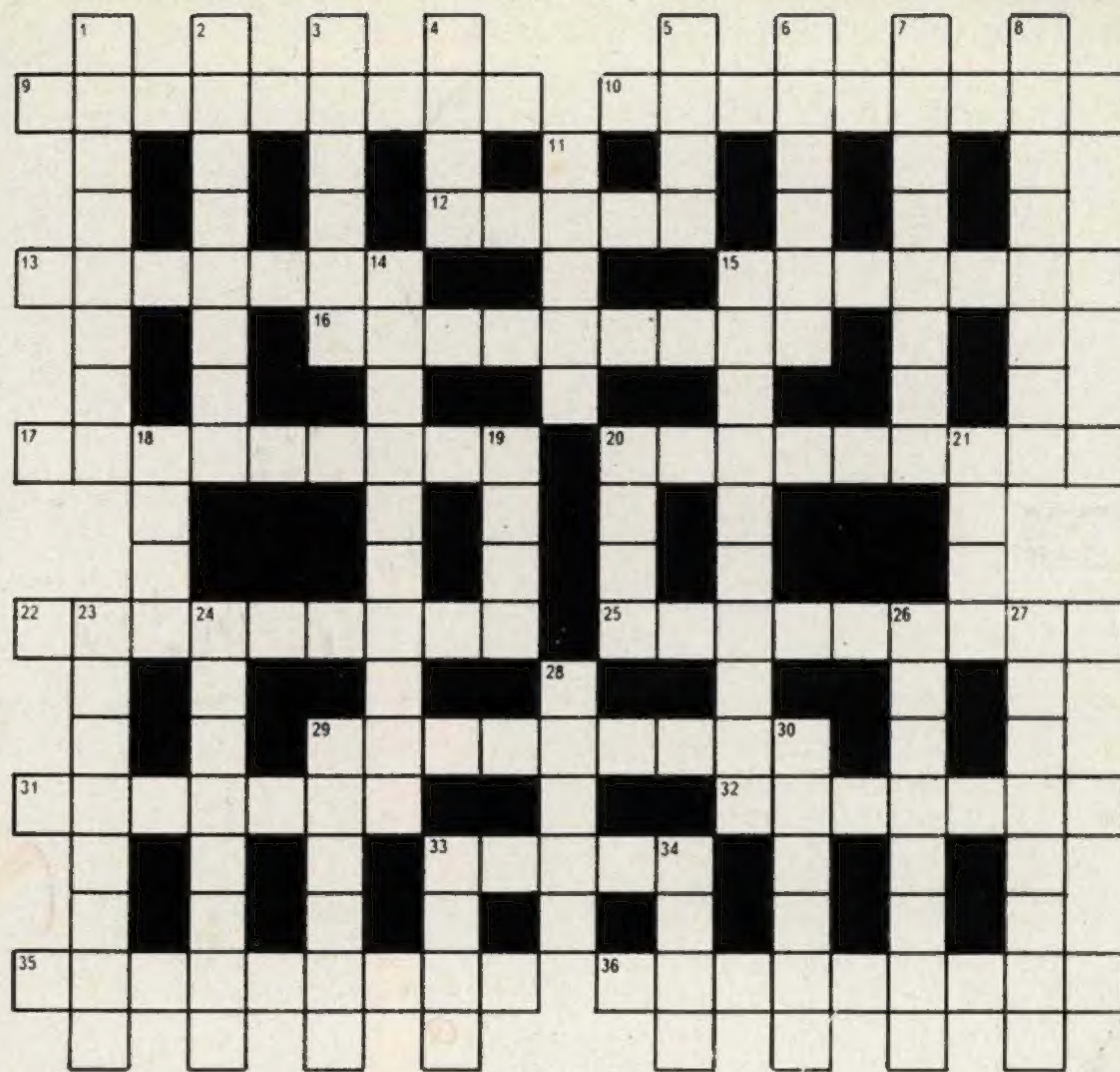
Но княгиня покачала своей утонченной аристократической головой:

— Мон Степа, автору нужно протянуть еще страниц двести. Ведь это так упоительно — историческое эссе о де-забиле!..

Двуглавый орел сел на подоконник, почистил перья и закричал: «Ку-ка-ре-ку!» Но величавым беспробудным сном спала на страницах романа причесанная на прямой пробор империя. И где-то вдали замирало робкое:

— Боже, читателя храни!

КРОССВОРД

По горизонтали: 9. Взлетающие цветные декоративные огни в честь торжеств, праздников. 10. Храбрость, мужество. 12. Оперативно-стратегическое объединение действующих войск. 13. Промышленный город в Сумской области. 15. Физик, академик, первый председатель правления Всесоюзного общества «Знание». 16. Город-герой. 17. Боевой самолет. 20. Стихотворение Я. В. Смелякова. 22. Композитор, автор оперы «Чапаев». 25. Военнослужащая особого рода войск. 29. Маршал Советского Союза. 31. Автор «Повести о настоящем человеке». 32. Несколько машин, работающих в комплексе. 33. Почетная известность вследствие всеобщего признания заслуг, таланта. 35. Перегруппировка войск первого эшелона. 36. Боец Первой Конной армии в годы гражданской войны.

По вертикали: 1. Административный орган вуза. 2. Противник Руслана в поэме А. С. Пушкина. 3. Поэт, автор слов песни «Орленок». 4. Часть струнного музыкального инструмента. 5. Контрольная задача для проверки правильности работы ЦВМ. 6. Советский востоковед, академик. 7. Кинорежиссер и оператор, народный артист СССР. 8. Минерал, разновидность гранатов. 11. Наплечный знак различия на форменной одежде. 14. Один из руководителей Октябрьского вооруженного восстания, участвовавший в создании Красной Армии. 15. Революционный гимн польского и русского пролетариата. 18. Основная форма организации учебных занятий. 19. Стихотворение В. В. Маяковского. 20. Река, впадающая в Азовское море. 21. Собрание членов массовой организации, съезд. 23. Народный артист СССР, режиссер и актер, снимавшийся в фильмах «Ленин в Октябре», «Ленин в 1918 году». 24. Отзыв на научную работу перед ее защитой. 26. Электромеханическое устройство для связи на железнодорожном транспорте. 27. Полуостров на северо-западе Франции. 28. Композитор, автор кантаты «Ленин с нами», балета «Ангара». 29. Углеводород, бесцветная жидкость, применяемая для получения взрывчатых веществ, красителей. 30. Народная песня на слова М. В. Исаковского. 33. Бельгийский мастер, изобретатель духового инструмента для джазового оркестра. 34. Река на Дальнем Востоке.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 7

По горизонтали: 3. Беллинсгаузен. 6. Капелла. 7. Шельф. 8. Тюбик. 12. Бакуриани. 13. Ботва. 15. Падеж. 16. Акварель. 17. Батальон. 19. Онега. 21. Тафта. 23. Дендрарий. 24. Аванс. 25. Шхара. 26. Россини. 28. Марцинкавичус.

По вертикали: 1. Блок. 2. Шука. 3. Брюллов. 4. Сценарий. 5. Нарбада. 7. «Шоколадница». 9. Кибернетика. 10. «Тангейзер». 11. Аннотация. 14. Акаба. 15. Пульт. 18. Черкесск. 20. Герасим. 22. Антарес. 26. Рица. 27. Ирис.

СКОРО В ОГОНЬКЕ

РАССКАЗЫ ФЕДОРА АБРАМОВА

«Меня били! Крепко били, — говорил Федор Абрамов. — Но те произведения, за которые меня били, — проходили годы, проходило время, — и их причисляли к положительным явлениям советской литературы». Целый ряд произведений писателя не мог увидеть свет при его жизни. К таким относятся и три рассказа, с которыми читатели смогут познакомиться в ближайших номерах журнала. Они о тех событиях нашей истории, в которых мы только начинаем разбираться...

БЕСЕДА С АКАДЕМИКОМ Д. С. ЛИХАЧЕВЫМ

«Христианство начало развиваться по великому пути из Варяг в Греки потому, что тут видели иностранцев, иноземные товары, знали о существовании других народов. И тут появляется понимание, что история не ограничивается местными курганами, что есть история человечества».

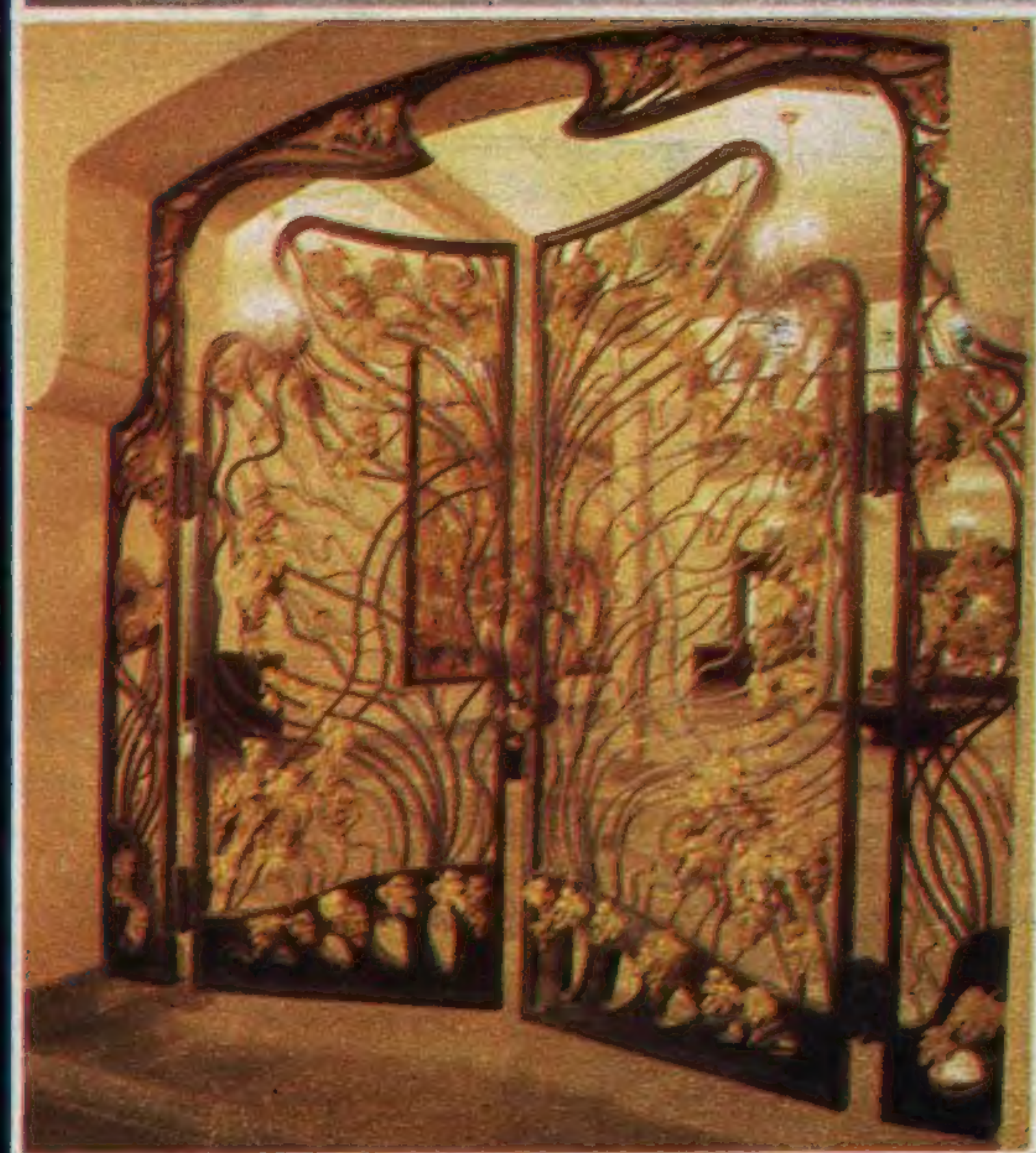
Подобрал материалы Игорь ДВИНСКИЙ, рисовал Виктор КОВАЛЬ.

НАПОЛНЯЕТСЯ
НОВЫМ ДЫХАНИЕМ
СТАРЫЙ АРБАТ.
В ОТРЕМОНТИРОВАННОМ
ЗДАНИИ, ГОД РОЖДЕНИЯ
КОТОРОГО 1826-Й,
РАСПАХНУЛ СВОИ ДВЕРИ
ТОРГОВО-КУЛЬТУРНЫЙ
КОМПЛЕКС
«МЗИУРИ».

См. в номере
материал
«Гамарджоба, или
Добро пожаловать!».

ISSN 0131 — 0097.
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663

ОГОНЁК

